

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 4(47)/10

Scientific journal

International relationships. Regional studies Series

Moscow 2010

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 4(47)/10

Научный журнал

Серия «Международные отношения. Регионоведение»

Москва 2010

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Международные отношения. Регионоведение»

Редакционная коллегия серии:
В.В. Минаев – отв. редактор
А.З. Арсенян
Г.Г. Водолазов
А.В. Мельцов
М.В. Опарина
Н.А. Ефремова

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Правовые основы и проблемы конституционного законодательства (права) зарубежных стран

<i>Е.Н. Иванова</i>	
Порядок формирования парламента в России и зарубежных странах	11
<i>В.И. Иванов</i>	
История создания и перспективы развития Содружества Независимых Государств	20
<i>Е.В. Миряшева</i>	
Государство и понятие свободы на рубеже XVII–XIX вв. в Европе и США: историко-правовой экскурс	29
<i>В.Е. Сафонов</i>	
Зачем и для чего нужны политические партии в современной России?	35

Политико-правовые особенности конфликтов в международном праве

<i>Л.Г. Абрамов</i>	
Кипрское урегулирование в контексте современных подходов к европейской безопасности	43
<i>Г.П. Мельников</i>	
Конфликт в Южной Осетии и внешняя политика России	62
<i>М.В. Опарина</i>	
Правовое регулирование применения силы в международных отношениях	71
<i>А.А. Сербина</i>	
Проблема определения статуса непризнанных государств	86
<i>Т.И. Хорхордина</i>	
От геополитики конфликта к геополитике консенсуса	93

Проблемы национальной и международной безопасности

<i>А.З. Арсенян</i> Правовые аспекты национальной безопасности	105
<i>В.П. Анисимов</i> Проблемы современного международного экологического права и способы их решения	114
<i>Н.А. Ефремова</i> Соотношение договоров об экономической интеграции и норм внутреннего права	124
<i>В.М. Жуковский, Л.М. Жуковская</i> Правовые проблемы безопасности судоходства и унификации международных стандартов	132
<i>В.В. Минаев</i> Международно-правовое регулирование в области незаконной миграции	141
<i>А.В. Мельцов</i> Политико-правовой статус арктических пространств	152
<i>Л.А. Аветисян</i> Значение эффективных правовых мер в области защиты международных инвестиций	158

Актуальные вопросы международного частного права

<i>В.В. Алешин</i> О некоторых особенностях вещных прав в международном частном праве	167
<i>С.Н. Лухманова</i> Система международно-правовых соглашений в области защиты интеллектуальной собственности	177
<i>Н.Б. Тымчук</i> Неправовые формы регулирования договора международного факторинга	183

Политическая философия

<i>А.Х. Бурганов</i>	
Социум «внутреннего совершенства»	189
<i>В.Б. Киор</i>	
Государственная национальная политика в имперской России	204
<i>Т.Г. Канделаки</i>	
Настоящая Грузия	219
<i>А.В. Митрофанова</i>	
Международные славянские движения и интересы России	226
<i>М.А. Елфимов</i>	
Международный аспект теории справедливости Дж. Роулса	234
<i>А.В. Веретевская</i>	
Ценностный монизм против ценностного плюрализма в западной философско-политической традиции	246
Abstracts	262
Сведения об авторах	271

CONTENTS

Legal Framework and the Problems of Constitutional Law (rights) of Foreign Countries

<i>E.N. Ivanova</i>	
Formation of Parliament in Russia and Foreign Countries	11
<i>V.I. Ivanov</i>	
History and prospects of the Commonwealth of Independent States	20
<i>E.V. Miryashева</i>	
Historical and Legal Background of Concept of Freedom and State at the turn of 17–19th centuries in Europe and the USA	29
<i>V.E. Safonov</i>	
Why Political Parties are Needed in Contemporary Russia?	35

Political and Legal Features of Conflicts in International Law

<i>L.G. Abramov</i>	
The Cyprian Settlement in the Context of Modern Approaches to the European Safety	43
<i>G.P. Melnikov</i>	
The Conflict in South Osetiya and Russia's Foreign Policy	62
<i>M.V. Oparina</i>	
Legal Regulation of the Use of Force in International Relations	71
<i>A.A. Serbina</i>	
The Problem of Defining the Status of Unrecognized States	86
<i>T.I. Khokhordina</i>	
From Conflict Geopolitics to Consensus Geopolitics	93

Problems of National and International Security

<i>A.Z. Arsenyan</i> Legal Aspects of National Security	105
<i>V.P. Anisimov</i> The Problems of Contemporary International Ecological Law and their Solutions	114
<i>N.A. Efremova</i> The Ratio of Agreements on Economic Integration and the Domestic Law of State	124
<i>V.M. Zhukovskiy, L.M. Zhukovskaya</i> Legal Problems of Safety of Navigation and Unification of International Standards	132
<i>V.V. Minaev</i> International Regulation in the Field of Illegal Migration	141
<i>A.V. Meltsov</i> Status of Arctic: Political and Legal Dimensions	152
<i>L.A. Avetisyan</i> The Importance of Effective Legal Measures for the Protection of International Investment	158

Topical Issues of Private International Law

<i>V.V. Alyoshin</i> Some Peculiarities of Property Rights in Private International Law	167
<i>S.N. Lukhmanova</i> International System of the Intellectual Property Rights Protection	177
<i>N.B. Timchuk</i> Nonlegal Regulation of International Factoring	183

Political Philosophy

<i>A.H. Burganov</i> Socium of “Internal Perfection”	189
<i>V.B. Kior</i> State National Policy of Imperial Russia	204
<i>T.G. Kandelaki</i> The Present Georgia	219
<i>A.V. Mitrofanova</i> International Slavic movements and the Interests of Russia	226
<i>M.A. Elfimov</i> The International Dimension of John Rawls’s Theory of Justice	234
<i>A.V. Veretevskaya</i> Moral Monism vs. Moral Pluralism in Western Philosophical and Political Thought	246
Abstracts	262
General data about the authors	271

Правовые основы и проблемы конституционного законодательства (права) зарубежных стран

Е.Н. Иванова

ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются вопросы формирования палат парламента в России и ряде зарубежных стран: нижней палаты с точки зрения избирательной системы и разнообразие способов формирования верхней палаты.

Ключевые слова: парламент, палаты парламента, избирательная система, зарубежные страны, порядок формирования.

Институт парламента возник в целях ограничения власти монарха в условиях существования абсолютной монархии¹. Отсюда естественно проистекает способ формирования парламента через волеизъявление избирателей.

В современных условиях в ряде стран сохранили приверженность идее формирования парламента путем голосования избирателей. При этом следует заметить, что такая процедура имеет место, как правило, лишь при однопалатных парламентах, например в Венгрии, Дании, Греции, Португалии, Китае и т. д. В тех же государствах, где существует бикамерализм, например в ФРГ, США, Великобритании, путем выборов формируются, как правило, лишь нижние палаты. Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации также избирается народом.

В свою очередь, подсчет голосов избирателей осуществляется в соответствии с избирательной системой, установленной избирательным законодательством страны. Так, в государствах англосаксонского права укоренилась мажоритарная система относительного большинства, на основе ее определяются победители в палату представителей Конгресса США и палату общин британского парламента. Применяя эту систему, легко определить результаты голосования, так как победителем становится кандидат, набравший

больше голосов относительно других кандидатов. Причем нет необходимости в проведении второго тура выборов, что значительно экономит бюджетные средства. Такая победа представляется неубедительной, потому что победителем может быть кандидат, набравший меньше голосов по избирательному округу. Тем не менее такая система предусмотрена законами США, Великобритании, Канады и других стран².

Во Франции и ее бывших колониях при формировании нижней палаты парламента применяется мажоритарная система абсолютного большинства, при которой победителем становится кандидат, набравший абсолютное большинство голосов (50% + 1 голос). По сравнению с системой относительного большинства, эта система более справедлива с точки зрения учета голосов избирателей, но и при ней могут пропасть 49% голосов. Важно отметить основное достоинство мажоритарных систем, которое заключается в том, что избиратели отдадут голос конкретному кандидату, часто независимо от его партийной принадлежности.

В странах преимущественно романо-германской системы права нижняя палата законодательного органа формируется на основе системы пропорционального представительства (пропорциональной системы), несомненным достоинством которой является пропорциональное распределение депутатских мандатов между политическими партиями в зависимости от количества поданных за них голосов. При такой системе учитываются каждое волеизъявление, но избиратель выбирает политические партии, а не реальных кандидатов.

В Италии, ФРГ, Грузии, Литве и ряде других стран действует смешанная система, при которой часть депутатов избирается по мажоритарной системе, часть – по пропорциональной. Может использоваться та и другая система в равной мере или отдаваться предпочтение одной из них. Так, в Казахстане Мажилис состоит из 77 депутатов, 67 из которых избираются по мажоритарной и лишь 10 парламентариев – на основе партийных списков. В ФРГ половина депутатов бундестага избирается по мажоритарной системе, половина – по пропорциональной. Этот способ представляется наиболее демократичным, так как опирается на достоинства, присущие двум избирательным системам.

Порядок формирования Государственной думы РФ и бундестага ФРГ был достаточно похож до того времени, как были внесены изменения в Федеральный закон от 21.07.2007 г. № 188-ФЗ³ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В соответствии со ст. 38 Основного закона ФРГ депутаты бундестага избираются путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов и являются предста-

вителями народа. Также определено, что они не связаны наказаниями или указаниями и подчиняются лишь своей совести.

Бундестаг избирается единовременно на 4 года прямыми равными всеобщими выборами по смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. Половина депутатов нижней палаты избирается от одномандатных избирательных округов по мажоритарной системе относительно большинства, а другая – по земельным партийным спискам с использованием 5% барьера.

Следует заметить, что последние выборы депутатов Государственной думы ФС РФ в декабре 2007 г. проходили уже по пропорциональной избирательной системе. Прежняя, смешанная, была упразднена. Теперь избиратель лишен возможности выбрать конкретных депутатов в одномандатных округах и может выбрать только политическую партию, не зная заранее, кто из ее представителей войдет в парламент.

В последние годы в России стали популярны разного рода семинары, встречи экспертов с обсуждением германской практики федеративного строительства, хотя юридической моделью реализации принципа разделения властей в Германии является парламентская республика, а в России президентская (полупрезидентская). Интерес к этому вопросу подогревает частичное сходство условий формирования федеративных систем наших государств. «Модель кооперативного федерализма» ФРГ это по большей части послевоенное произведение союзников, хотя и созданное с опорой на историческую традицию. Тем не менее довольно распространено мнение о том, что все немецкие земли в их теперешней конфигурации существовали на протяжении веков⁴.

Что касается парламента Российской Федерации, то для того, чтобы суметь постичь логику его функционирования, необходимо учитывать его зависимость от исторических предпосылок. Так, нынешнее Федеральное Собрание не является абсолютно новым феноменом. В процессе его формирования важную роль сыграл прежний опыт деятельности представительных и законодательных органов, существовавших на завершающей фазе царизма и, прежде всего, при советском режиме⁵.

В отличие от нижних палат, формирующихся в основном путем выборов, способы формирования верхних палат парламента отличаются многообразием.

Верхние палаты парламента действуют в России, Беларуси, Польше, Чехии, Румынии, Германии, Испании, Словении, США, Нидерландах, Великобритании, Японии, Канаде, Ямайке, Барбадосе, Белизе, Швейцарии, Ирландии, Испании, Австрии, Бельгии и других странах⁶.

Прямые выборы сенаторов гражданами предусмотрены в США (по два сенатора от штата), Бразилии (по три). Что касается стран Европы, то в чистом виде прямые выборы членов второй палаты – явление относительно редкое. Полностью путем прямых выборов формируются сенаты Польши, Румынии и Чехии, а также Совет кантонов Швейцарской конфедерации. Непосредственно населением воеводств избираются все сто сенаторов Польши. Выборы проводятся по простой мажоритарной системе в отличие от выборов в сейм, которые организованы по пропорциональной системе. В Румынии, напротив, выборы членов сената проводятся по пропорциональной системе с минимальным проходным баллом, равным трем процентам. В Чехии практикуется еще одна разновидность прямого голосования – мажоритарная в два тура. Члены Совета кантонов избираются населением кантонов, как правило, простым большинством голосов, по два члена от каждого кантона и по одному от полукантонов. Кроме того, прямыми выборами определяется большая часть членов вторых палат в Ирландии, Испании, Италии.

Другим распространенным способом формирования вторых палат парламентов европейских стран являются непрямые выборы. Так формируется сенат Франции. Все сенаторы (321 человек) избираются коллежиями выборщиков по департаментам. Коллегии выборщиков состоят из депутатов Национального собрания, избранных в данном департаменте, членов регионального Совета и представителей муниципальных советов. В большинстве департаментов голосование проводится по характерной для Пятой республики мажоритарной системе в два тура. Сенаторы, представляющие французов за рубежом, избираются коллегией выборщиков по системе пропорционального представительства.

Члены Федерального совета Австрии избираются ландтагами. Наиболее населенная земля посылает 12 представителей, другие – отталкиваясь от этой цифры, в соответствии с соотношением своего населения с населением наиболее населенной земли. Порядок голосования в ландтагах – пропорциональный, причем партия, занимающая в ландтаге по количеству мандатов второе место, в обязательном порядке должна быть представлена в Федеральном совете хотя бы одним голосом. Членами провинциальных штатов (парламентов) по пропорциональной системе избираются 75 сенаторов, составляющих первую палату Генеральных штатов Нидерландов.

Уникальную в своем роде форму непрямых выборов представляет собой порядок формирования второй палаты, Государственного совета, Словении. Из 40 его членов 18 избираются коллежиями

выборщиков по корпоративному принципу: 4 – от работодателей, 4 – от наемных работников, 4 – от мелкого крестьянства и ремесленников, 6 – от здравоохранения, науки и образования. Еще 22 члена Госсовета избираются советами общин.

Специфическую комбинацию прямых и непрямых выборов являет собой порядок формирования сената Испании. Прямым голосованием простым большинством голосов избираются по четыре сенатора от каждой из 47 континентальных провинций, по три сенатора от каждого из крупнейших островов, по два сенатора от средних и по одному от малых островных территорий. Всего 208 из 259 членов сената. Еще 51 избираются законодательными ассамблеями (т. е. непрямые выборы) по принципу: один сенатор от каждой автономной области и еще по одному от каждого миллиона жителей.

Еще один вариант комбинированной системы представляет собой формирование сената Бельгии. Здесь 40 сенаторов избираются прямыми выборами на основании пропорционального представительства по языковым квотам – 25 фламандскоговорящих и 15 франкофонов. 21 сенатор избирается на основе непрямых выборов – советами языковых общин также по квотам: 10 – фламандским советом, 10 – советом аранкофонов и один – немецкоговорящим советом. Кроме того, конституция Бельгии – единственной из всех стран с двухпалатным парламентом – предусматривает кооптацию членов сената: шести – всеми фламандскоговорящими сенаторами и четырех – франкоговорящими сенаторами.

В Испании часть сенаторов избирают непосредственно граждане, а часть – представительные органы страны. В Бельгии часть сенаторов избирается прямыми выборами, часть назначается, а часть избирается косвенными выборами – провинциальными советами. В Ирландии прямым всеобщим голосованием граждан избирается 43 из 60 членов сената. Еще 6 избираются двумя крупнейшими университетами страны и 11 назначаются премьер-министром.

Полностью верхние палаты назначаются главой государства в Канаде, Иордании, Таиланде, Ямайке, Барбадосе и Белизе. В Зимбабве часть сенаторов избирается нижней палатой, часть назначается президентом.

Великобритания отличается от всех других государств сохранением феодального способа формирования верхней палаты. Места в палате лордов занимают по наследству дворяне (пэры), имеющие титул не ниже барона, а также лица, которым такой титул был пожалован королевой по представлению кабинета министров, епископы и архиепископы, члены, избираемые шотландскими и ирландскими лордами, апелляционные (судебные) лорды.

Однако следует отметить, что в марте 2007 г. Великобритания начала процесс реформирования палаты лордов – одного из старейших институтов страны.

В ходе состоявшихся в палате общин – нижней палате – голосований наибольшую поддержку – в 133 голоса – получило предложение о полной избираемости состава палаты лордов. Законодатели поддержали и вариант о смешанном формировании палаты – на 80% из избираемых пэров и на 20% – из назначаемых. Из предложенных правительством семи вариантов⁷ соотношения между назначаемыми и избираемыми членами палаты депутаты выбрали вариант стопроцентного выборного принципа формирования палаты лордов. За это решение проголосовало 357 депутатов, против – 224.

Результаты голосований не имеют обязательной силы и являются выражением настроений в палате общин, которые правительство будет учитывать при разработке своих планов реформирования верхней палаты парламента. Тем не менее многие исследователи считают успехом демократии тот факт, что парламент с вековыми традициями формирования верхней палаты пришел наконец к выводу о необходимости изменения этого порядка. Планы кабинета будут представлены законодателям и пройдут положенную процедуру утверждения в обеих палатах. Лишь после этого предложенный правительством и одобренный законодателями план сможет обрести силу закона.

Как было отмечено выше, парламент России имеет много общего с парламентом ФРГ, в том числе и по порядку формирования, компетенции и представительства верхних палат. И Совет Федерации, и бундесрат отражают и отстаивают интересы субъектов Федерации, что гарантирует обеспечение самого принципа федерализма.

Только в России и в Германии представители исполнительной власти имеют легитимное право принимать участие в работе законодательных органов – соответственно в Совете Федерации и бундесрате. И это не случайно, так как этот элемент немецкой модели парламентаризма был позаимствован российскими законодателями при подготовке Конституции РФ.

Особенностью обеих палат является то, что в них входят представители региональной исполнительной власти. В Совете Федерации – их половина от общего состава. По замыслу авторов российской Конституции, такая форма сдержек и противовесов в условиях принципа разделения властей вполне оправданна, так как и перед законодательной, и перед исполнительной властью стоят общие задачи упрочения федерализма, стабилизации экономики, дальнейшего развития государства.

Но если членами бундесрата всегда были назначенные чиновники земельных правительств, которые ими могут быть в любой момент отозваны, то в Совете Федерации такая система сложилась не сразу. Эта палата пережила за свою короткую историю уже три трансформации.

Первая определялась конституционными нормами на переходный период: члены Совета Федерации избирались на всеобщих выборах сроком на два года. Вторая характеризовалась тем, что в Совет Федерации по должности входили главы исполнительной власти и председатели законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Члены Совета прекращали свои полномочия по истечении срока, на который были избраны.

Нынешняя, третья, схема формирования Совета Федерации более схожа с той, по которой формируется бундесрат: она предполагает, что в его состав входят представители глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, назначенные ими при формальном одобрении регионального парламента, и законодательных органов субъектов РФ, избранные ими же по предложению их председателя. Причем если посланцы земельных правительств в бундесрате обязательно являются жителями этих земель, то для членов Совета Федерации «привязка» к субъекту Российской Федерации, которые они представляют, не обязательна. Государственная дума приняла 28 января 2009 г. поправки к Федеральному закону «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Совет Федерации их одобрил 4 февраля 2009 г.⁸ Поправки вступают в силу с 1 января 2011 г.

Изменения разработаны в целях реализации положения, озвученного в послании Президента России Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г.⁹ о необходимости формирования Совета Федерации только из числа лиц, избранных в законодательные (представительные) органы государственной власти субъекта РФ или в представительные органы муниципальных образований.

Президентские поправки в ряд законодательных актов РФ в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации исключают необходимость проживания не менее 10 лет в совокупности в регионе, от которого назначается сенатор. Кандидаты в состав Совета Федерации будут избираться из числа граждан, прошедших процедуру публичного избрания, т. е. кандидатом для назначения в Совет Федерации может быть гражданин РФ, являющийся депутатом Законодательного собрания субъекта Федерации или депутатом представительного органа муниципального

образования, расположенного на территории субъекта РФ, от которого назначается сенатор. При этом сенатор обязан сложить с себя полномочия регионального депутата.

Таким образом, однопалатные парламенты формируются преимущественно путем выборов. При существовании бикамеральной системы через выборы образуются, как правило, нижние палаты (с различием в избирательных системах), а верхние отличаются многообразием способов формирования.

Примечания

- 1 Термин «парламент» происходит от латинского слова «parlare», что означает «говорить, разговаривать». Родиной парламента считается Англия, хотя парламент был органом с ограниченными полномочиями, являлся скорее судебным, чем законодательным органом. См.: Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2005. С. 294.
- 2 См., напр.: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1996; *McClure C.H., Yahrbrough W.D.* The United States of America. 1943; *Tatsachen über Deuetschland.* Frankfurt / Main, 1996.
- 3 Федеральный закон от 21.07.2007 г. № 188-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. Ст. 3802.
- 4 *Гриценко Н.С.* Институты парламентской демократии в условиях российского и германского федерализма (сравнительный анализ) // Актуальные проблемы политологии: Сб. научн. работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / Отв. ред. В.Д. Зотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 144.
- 5 В 1906 г. Николаем II была создана двухпалатная система высших законодательных органов. Нижней палатой первого российского парламента стала Государственная дума, а верхней – Государственный совет. В ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 г. сложилась новая система представительной власти – Советы. Верховный Совет СССР, высший орган государственной власти страны, избирался населением сроком на 4 года путем всеобщего, равного и прямого избирательного права.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1991 г. было утверждено положение о Совете Федерации РСФСР в качестве консультативно-координационного органа в составе председателя Верховного Совета РСФСР (председатель Совета Федерации), председателей Верховных Советов республик, автономных областей и округов, краев, областей, Московского и Ленинградского городских советов. Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации также закрепила статус двухпалатного парламента новой России.

Порядок формирования парламента в России и зарубежных странах

- 6 Срок полномочий членов верхних палат обычно более длительный, чем у депутатов нижних палат, а обновление членов верхних палат обычно происходит по частям (в США – на 6 лет с обновлением на одну треть через два года, во Франции – на 9 лет с обновлением на одну треть через три года). Хотя бывает (Бельгия, Италия, Польша), что обе палаты избираются на одинаковый срок и обновляются целиком.

Верхняя палата может быть либо «слабой», либо «сильной». В первом случае она в состоянии лишь отсрочить принятие решения парламентом (нижней палатой), но не воспрепятствовать ему, поскольку ее вето – отказ согласиться с решением нижней палаты – последняя может преодолеть. Подобная модель актуальна для Великобритании или Польши. Во втором случае без согласия верхней палаты не может быть принят ни один закон – так действует законодательная власть в России, Италии, США.

- 7 Среди других предложенных вариантов реформы палаты лордов рассматривались такие, как сокращение ее состава с нынешних 746 до 540 человек, ограничение 15 годами срока их полномочий и сохранение за архиепископами и епископами Англиканской церкви пэрских кресел.
- 8 Федеральный закон Российской Федерации от 14 февраля 2009 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4851. 18.02.2009 г.
- 9 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Президент России». [М., 2009]. URL: http://kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 20.03.09).

В.И. Иванов

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются вопросы об истории создания Содружества Независимых Государств, дается анализ основных правовых актов СНГ и определяются перспективы развития СНГ.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, история создания СНГ, перспективы развития СНГ.

Начало новому союзу – Содружеству Независимых Государств – и конец существованию Советского Союза положили два документа – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств и Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР и Украины 8 декабря 1991 г.

10 декабря 1991 г. Верховный Совет Белоруссии абсолютным большинством голосов поддержал позицию руководителей трех республик, а также конституционным большинством денонсировал Союзный договор 1922 г. Таким же образом поступил и парламент России 10 декабря 1991 г. Верховный Совет Украины без обсуждения ратифицировал Соглашение о создании СНГ.

13 декабря 1991 г. президенты пяти среднеазиатских государств, собравшись в Ашхабаде, выступили с заявлением, в котором позитивно оценили подписанное в Беловежской пуще соглашение, но в то же время отметили, что эта акция оказалась для них неожиданной. Они настаивали на праве каждой из республик бывшего СССР принимать участие в процессе выработки решений и документов в Содружестве и на их признании в качестве учредителей. Они также настаивали на том, чтобы документы об учреждении СНГ учитывали исторические и социально-экономические реальности республик Средней Азии, высказали ряд других попра-

вок и предложений к Соглашению об образовании СНГ. Лидеры пяти республик призвали провести совещание глав суверенных государств для рассмотрения вопросов формирования Содружества.

21 декабря 1991 г. собравшиеся в Алма-Ате руководители 11 из 15 бывших союзных республик подписали Протокол к Соглашению о создании СНГ, в котором говорилось, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах и как Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств. Протокол имеет статус части Соглашения о создании СНГ.

Таким образом, Соглашение о создании Содружества состоит из двух документов, и дату его принятия следует обозначать как 8–21 декабря 1991 г.

В Алма-Ате был принят еще один документ под названием «Алма-Атинская декларация». Декларация очень напоминает текст международного договора: в ней можно выделить преамбулу, составленную так, как обычно составляются преамбулы, и содержащую, в частности, доводы в пользу принятия Декларации, а также основания, на которых будут строиться отношения между партнерами (общепризнанные принципы международного права). После преамбулы следует изложение обязательств в связи с организацией будущего сотрудничества. Заключительные положения отсутствуют, однако заканчивается Декларация фразой «Государства – участники Содружества обязуются неукоснительно соблюдать принципы настоящей Декларации».

Некоторые авторы, учитывая важность положения о статусе СНГ, считают возможным включить Декларацию в число учредительных документов Содружества¹.

Наиболее активно правотворчество в Содружестве проводилось в 1992 г. Было подписано более 100 многосторонних и в несколько раз больше двусторонних документов, регулирующих вопросы раздела собственности СССР, правопреемства, строительства вооруженных сил отдельных государств и налаживания военного сотрудничества между ними и т. д. Были сделаны также некоторые шаги к созданию организационной структуры СНГ. Итогом этого процесса стало принятие Устава СНГ 22 января 1993 г. Его подписали семь государств: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан.

Принятый Устав имеет относительно высокий юридический уровень по сравнению с другими документами Содружества

и отвечает тем целям, которые ставились при его разработке – заложить достаточную правовую основу для сотрудничества государств в рамках СНГ и сохранить всеми государствами полный, ничем не ограниченный суверенитет.

В Уставе СНГ изложены основные направления развития взаимоотношений между бывшими республиками СССР и намечены контуры будущей региональной организации. Устав не дает прямого определения Содружества как международной организации, но в нем недвусмысленно заявлено, что «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями» и что государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права (ст. 1), а основной правовой базой отношений между ними служат многосторонние и двусторонние соглашения (ст. 5). Положениям Устава придана преимущественная сила: соглашения, заключенные в рамках Содружества, должны соответствовать его целям и принципам, обязательствам государств-членов по Уставу.

Среди целей Содружества (ст. 2) наряду с сотрудничеством в политической, экономической, экологической, гуманитарной и иных областях, а также в обеспечении международного мира и безопасности, с мирным разрешением споров и конфликтов предусмотрены обеспечение прав и основных свобод человека, а также всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция.

Следует отметить, что Устав СНГ явился первым документом СНГ, регистрация которого предусмотрена в соответствии со ст. 102 Устава ООН (ст. 44).

В соответствии с решением ашхабадской встречи в верхах СНГ (декабрь 1993 г.) Россия внесла в ООН предложение о предоставлении СНГ как международной региональной организации статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Несмотря на резкое выступление представителя Украины, решительно возразившего против признания Содружества субъектом международного права и региональной международной организацией, которая могла бы проводить миротворческие операции, СНГ получило статус наблюдателя в ООН².

Общественное сознание ожидало от Содружества Независимых Государств, пришедшего на смену Советскому Союзу, решения насущных проблем людей. Такие завышенные ожидания складывались в основном стихийно, но часто под влиянием «успокоительных» заявлений политиков. По истечении 18 лет восприятие СНГ

изменилось коренным образом, и сегодня разочаровавшееся в его возможностях общество больше интересуется вопросом: выживет Содружество или нет?

Тем не менее к настоящему времени Содружество Независимых Государств представляет собой единственную инфраструктуру, включающую 12 независимых государств, обеспечивающую взаимодействие в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. Широкий членский состав и организация взаимодействия в различных сферах, подлинное равноправие государств-участников делают Содружество уникальной международной структурой на Евразийском пространстве.

В рамках СНГ создано 72 органа отраслевого сотрудничества. Они образованы в основном по инициативе «снизу» как ответ на потребности в поддержании контактов на профессиональной основе, в обмене информацией, профессиональным опытом, в согласовании позиций.

Представляется, что функции, которые сегодня выполняет Содружество, не могут быть заменены в полном объеме сотрудничеством в рамках новых интеграционных объединений на пространстве СНГ. В то же время, признавая необходимость совершенствования деятельности СНГ, государства-участники не всегда приходят к единому мнению о том, каким должно стать Содружество в современных условиях.

Что касается перспектив развития СНГ, то анализ этой проблемы снова приводит к вопросу о предпосылках объединения бывших советских республик. Факторы, препятствующие или способствующие восстановлению единства постсоветского пространства, рассматривают многие авторы³.

Подходы к будущему СНГ рассматриваются в трех вариантах – реорганизация работы Содружества по аналогии с принципами Евросоюза; деятельность органов Содружества по принципу «Группы восьми» и действующая модель Содружества с некоторым переустройством.

Говоря об исторической перспективе СНГ и берясь за решение задачи реформирования Содружества, необходимо следовать известному принципу «не навреди», сохранить то, что уже сегодня работает и развивается, составляет «живую ткань» действующего Содружества.

Чем необходимо руководствоваться при рассмотрении вопроса реорганизации Содружества в соответствии с принципами Европейского союза?

К числу основных принципов Европейского союза относятся: делегирование ряда важных полномочий государствам-участникам

наднациональным органам (Комиссии Европейских сообществ, Суду Европейских сообществ и другим), солидарная выработка единой внешней политики союза, а также система «взвешенного голосования» по значительному кругу вопросов.

В результате неоднократных обсуждений главы государств так и не пришли к единому мнению о возможности наделения структур СНГ правом принятия обязательных решений. Да и сама позиция в отношении делегирования ряда важных полномочий не имела всеобщей поддержки. Не претерпела изменения принципиальная позиция государств-учредителей относительно того, что Содружество не является «ни государством, ни надгосударственным образованием». Отсутствие согласия всех государств-участников на образование в рамках СНГ надгосударственных структур, наделенных правом принятия решений, обязательных для исполнения, исключает в настоящее время реорганизацию Содружества по принципам Евросоюза.

Если рассматривать предложения относительно реорганизации Содружества по принципам «Группы восьми», необходимо иметь в виду, что СНГ состоит из имеющих общие границы стран, объединенных общим историческим прошлым, экономическими и гуманитарными связями, тогда как в основе «Группы восьми» лежит критерий высокого экономического, военного и политического потенциала, что само по себе исключает участие слабо развитых в экономическом плане государств.

В отличие от «Группы восьми»⁴, СНГ является международной организацией, имеет межгосударственные структуры, работающие на профессиональной основе, а также инфраструктуру, обеспечивающую взаимодействие государств-участников в решении политических, экономических, социальных и других проблем. Переход системы СНГ на принципы работы «Группы восьми» потребует коренного пересмотра наработанной за 18 лет базы сотрудничества, но в то же время не мешает применять опыт организации работы «Группы восьми», что позволило бы существенно повысить эффективность деятельности СНГ. Например, за счет использования методов подготовки саммитов «Группы восьми» можно существенно дополнить инструментарий Содружества без разрушения наработанной системы сотрудничества.

Эффективность Содружества, его структур в современных условиях может быть повышена за счет:

а) применения, предусмотренного Уставом СНГ и международным правом института ответственности государств-участников за неисполнение или ненадлежащее исполнение заключенных в рамках Содружества договоров;

- б) актуализации повестки дня, содержания работы структур СНГ, поддержки деловых инициатив, инновационных проектов;
- в) снижения издержек административно-бюрократического характера и корректировки функций отдельных органов Содружества;
- г) рационального использования кадровых, финансовых и материальных ресурсов.

Преимущество такого подхода состоит в том, что он не несет угрозы дезорганизации сложившегося механизма взаимодействия в рамках СНГ. Ключевое значение имеет и то, что по предлагаемому варианту – единственному из рассмотренных – может быть достигнут консенсус государств – участников Содружества. Уставные органы Содружества (Советы глав государств, глав правительств) на протяжении 18 лет представляли собой действенную инфраструктуру совместного обсуждения наиболее важных проблем многостороннего экономического сотрудничества и выработки согласованных решений. Структуры Содружества активно использовались государствами-участниками для преобразования сложившихся в рамках Советского Союза командно-административных хозяйственных связей в качественно новые отношения рыночных экономик новых независимых государств. Общими усилиями во многом удалось устранить барьеры на пути свободного движения людей, капиталов, товаров и услуг. Тем не менее Содружеству пока не удалось реализовать идею создания экономического союза.

В настоящее время необходимо сосредоточиться на главном – выработке экономической стратегии развития СНГ на годы вперед для создания на территории Содружества цивилизованного конкурентного рынка, заставляющего производителей товаров и услуг действовать в интересах конечного потребителя. Практика 18-летней работы в этой сфере свидетельствует о том, что в рамках Содружества создание надгосударственной структуры, имеющей властные полномочия по непосредственному управлению экономической интеграцией, пока невозможно.

Заслуживает внимания тот факт, что попытки создания такого механизма предпринимаются в формате Единого экономического пространства. По судьбе учреждаемого в ЕЭП Комитета по торговле и тарифам с полномочиями прямого регулирования можно будет сделать вывод о жизнеспособности этой идеи на постсоветском пространстве. В случае успешной реализации данной инициативы можно будет ставить вопрос о ее воспроизводстве в формате всего Содружества.

Учитывая то обстоятельство, что дальнейшее становление зоны свободной торговли остается актуальной для всех государств-

участников задач, структуры СНГ должны подчинить свою деятельность ее решению. Экономический совет, действующая при нем Комиссия по экономическим вопросам, Межгосударственный статистический комитет должны перестроить свою работу в пользу постоянного мониторинга выполнения соглашений экономического блока, выявления проблем и поиска путей их решения.

В процессе экономического сотрудничества неизбежно возникают споры, связанные с толкованием международных соглашений, исполнением/неисполнением договорных обязательств. Цивилизованным и эффективным инструментом разрешения таких споров является международная судебная процедура. Экономический суд СНГ, наделенный узкоспециальной компетенцией, выполняющий в основном консультативную функцию, изначально не мог стать эффективным инструментом разрешения споров и оказался в этой части невостребованным.

Институт судебного рассмотрения споров – обязательный элемент инфраструктуры международного экономического сотрудничества. Упразднение Экономического суда СНГ только отдалит решение задачи создания механизма судебного разрешения экономических споров. Предлагается сохранить Экономический суд СНГ. Финансирующие его государства могли бы отдельным соглашением признать обязательность для себя решений Экономического суда СНГ, положив тем самым начало становлению на территории Содружества института цивилизованной международной судебной процедуры.

Стоит отметить заметные успехи сотрудничества в гуманитарной сфере – одном из наиболее востребованных гражданами всех без исключения государств-участников направлений. Так, взаимодействие государств в сфере культуры осуществляется в соответствии с Основными мероприятиями сотрудничества государств – участников СНГ в области культуры до 2010 г.

Глобализация, растущая взаимосвязь и возникновение новых угроз безопасности требуют от Содружества многомерного подхода к решению возникающих проблем.

За прошедшие годы в рамках Содружества успешно решены две принципиально важные задачи: принят целый комплекс базовых соглашений и программ по совместному противодействию современным вызовам и угрозам; действует стройная система органов сотрудничества в данной сфере. Это создает необходимые условия для дальнейшего совершенствования координации совместных действий и повышения их результативности.

В СНГ создана и функционирует комплексная правовая и организационная система противодействия преступности, терроризму

и иным проявлениям экстремизма, незаконному обороту наркотических средств, незаконной миграции и торговле людьми. Содружество активно поддерживает Организацию Объединенных Наций, ее специализированные учреждения, а также Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе в глобальной борьбе с терроризмом. Координацию взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма осуществляет Антитеррористический центр СНГ. На центрально-азиатском направлении развернуто его отделение в Бишкеке.

Действенными структурами являются: Координационный совет генеральных прокуроров; Совет министров внутренних дел; Совет руководителей органов безопасности и спецслужб; Совет командующих пограничными войсками; Координационный совет руководителей органов налоговых (финансовых) расследований; Совет руководителей таможенных служб государств – участников СНГ, а также Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ.

Результативным направлением совместной деятельности правоохранительных структур стран СНГ стало проведение регулярных комплексных и специальных операций по противодействию терроризму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, нелегальной миграции, по пресечению контрабанды сырьевых ресурсов и т. д. В целом сложившаяся в рамках Содружества система сотрудничества в борьбе с преступностью является целесообразной и альтернативы на постсоветском пространстве не имеет.

В рамках Содружества имеется действенная система сотрудничества в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Для координации сотрудничества в этой сфере были созданы Межгосударственный совет по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера и Межгосударственный совет по промышленной безопасности. Действуют Агентство СНГ по мониторингу и прогнозированию чрезвычайных ситуаций и Корпус сил СНГ для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, куда входят специализированные аварийно-спасательные подразделения МЧС и подразделения медицины катастроф. Реализуется Межгосударственная целевая программа развития Корпуса сил Содружества Независимых Государств для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на период до 2010 г.

Со времени образования СНГ неоднократно обсуждалась возможность придания его структурам властных полномочий для принятия обязательных решений. При этом со ссылкой на пример Европейского союза справедливо отмечалось, что без делегирования государствами полномочий невозможно выйти на следующий, более высокий уровень интеграции, в первую очередь экономической.

Отсутствие единого мнения по вопросу делегирования властных полномочий уставным органам СНГ исключает, по крайней мере в настоящее время, такой путь усиления Содружества. Соответственно это предполагает и отказ от завышенных ожиданий и требований от структур Содружества результатов, которые могут быть обеспечены только при наличии соответствующих полномочий.

Вместе с тем очевидно, что имеются серьезные резервы и в более эффективном использовании Содружеством своей главной в настоящее время консультативно-согласительной функции.

Для успешной реализации Содружеством своих функций необходимо адекватное восприятие обществом его реальных возможностей, информационная поддержка при поиске и решении конкретных проблем, реализации значимых проектов. По опыту эффективных международных объединений целесообразна организация информационной поддержки на профессиональной основе с использованием современных средств и методов коммуникации.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Моисеев Е.Г.* Правовой статус Содружества Независимых Государств. М., 1995. С. 10.
- ² *Юсин М.* Новое столкновение российских и украинских дипломатов – на сей раз в Нью-Йорке // Известия. 1994. 24 марта.
- ³ *Крылатых Э., Строкова О.* Региональные торговые соглашения в рамках ВТО и аграрный рынок СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3; *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему интегрируются страны СНГ. М., 2001; *Ланьков А.* Почему нет (и не будет) «Восточноазиатского содружества» // Русский журнал. 2001. 19 дек.
- ⁴ Не будучи в традиционном смысле международной организацией, «Группа восьми» представляет собой форум для обсуждения и согласования позиций восьми ведущих государств по важнейшим мировым проблемам.

Е.В. Миряшева

ГОСУДАРСТВО И ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ НА РУБЕЖЕ XVII–XIX вв. в ЕВРОПЕ И США: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ЭКСКУРС

В статье приводится анализ понятия «государство» и его основных черт, данный в работах европейских ученых XVII–XIX вв.: Боссюэ, Мишеля, Вольтера, Гольбаха, Юма, Вольфа, а также в первых американских правовых источниках. Во второй части статьи анализируются понятия свободы и естественных прав.

Ключевые слова: административная монархия, теория «легального деспотизма», идея естественного права, «полицейское государство», теория просвещенного деспотизма, Народный договор 1647 г., «Мэйфлауэрское соглашение».

Принятая в исследовании общая характеристика идей государства в трудах ученых на рубеже XVII–XIX вв., в период формирования гражданского общества и развития идей правового государства, открывает возможность увидеть специфику взаимоотношений личности и государства в условиях коренных, качественных перестроек социальной организации, в условиях доминирования роли межличностных отношений и существенного ослабления надындивидуальных, групповых связей в детерминации развития общества и государства. Самонаправленность исторического процесса определяется характером и тенденциями социализации личности.

Наряду с исследованием идей государства не менее значимым является понятие свободы. В истории политико-правовой мысли того времени проблема свободы традиционно сводилась к вопросу, обладает ли человек свободной волей. Иначе говоря, обусловлены или нет все его намерения и поступки внешними обстоятельствами.

Для понимания сущности данного вопроса следует проанализировать различные точки зрения, связанные с понятием государства, существовавшие в умах людей того времени. Одна из них принадлежит Боссюэ, который различает в данном понятии три элемента – римский – перенесение верховной власти на государя; христианский – государь как представитель Бога на земле; феодальный – государь – всеобщий сюзерен, настоящий собственник имущества своих вассалов, которым они владеют только на правах пользования (*domain utile*). На практике, как и в теории, государство сливается с государем, воплощается в нем. Власть государя ничем не ограничена, кроме его собственной выгоды или его личных обязанностей по отношению к Богу. По мнению Боссюэ, это «предписывает королям доброту, кротость, попечение о слабых, но все это как религиозные обязанности; и говорит он так не потому только, что сам священник: несомненно, он выражает общее мнение своих современников»¹.

Но таково представление о государстве у его граждан того времени, отмечает А. Мишель. Он задается вопросом о сущности такого государства и его задачах. В последующих ответах автор категоричен, утверждая, что первой, если не единственной, своей задачей государство ставит сохранение и увеличение своего могущества. Государь стремится к расширению власти внутри государства и к увеличению национальной территории как к гарантии независимости от соседей и средства преобладания в христианском мире. Данный вывод он подтверждает ссылкой на Бодэна, Гоббса и Боссюэ, которые превозносили силу источников всех без исключения правительств как наилучшее средство для их поддержания.

В качестве же наглядного примера можно привести политику Людовика XIV в отношении протестантов. Король, т. е. государство, преследует их не только потому, что считает это исполнением долга, но и потому, что ересь кажется ему ферментом брожения в королевстве, а единство веры – наилучшей гарантией единства закона. Он вмешивается в вопросы веры и становится теологом для того, чтобы ограничить папскую власть и быть у себя полным господином. Исповедуя католицизм, государь не столько служит религии, сколько пользуется ею для себя. Отсюда можно прийти к логичному заключению, что естественным орудием политики, имеющей целью рост государства, является принцип государственного интереса. Данный принцип позволяет государю участвовать в международных отношениях, а по отношению к своим подданным считать позволительным все, что угодно правительству.

Из своего обозрения исторического опыта того времени А. Мишель подводит читателя к выводу, что отсутствие индивидуальных

прав, способных поставить границы государственной власти, является одной из характерных черт теории государства, установившейся во Франции в XVII в. Автор указывает на очень важный момент в отношении личности и государства, который заключается в том, что конфликт между индивидуумом и государством еще не обнаруживается в то время именно потому, что мысль противопоставить их друг другу не могла бы найти места в системе господствующих тогда идей. Причем очень характерно то, что индивидуум, отсутствующий в политической философии, отсутствует и в тогдашней литературе. Здесь царит увлечение идеалами и интеллектуализмом. Но литература XVII в., как замечает автор, превосходно выражающая гений ее творцов и удачно отражающая вкусы избранного общества, которому писатель старается нравиться, не может служить документом для оценки социально-политических воззрений людей того времени.

Рассмотрение идей государства в XVIII в. необходимо начать с экскурса в правовую философскую мысль Вольтера, Гольбаха, Юма, Вольфа и других мыслителей.

Вольтера нельзя считать ни революционером, ни демократом, ни даже либералом. Он никогда не требовал ниспровержения, социального уничтожения существующих порядков, нивелировки положений. Воспользоваться властью государя для проведения желательных реформ – такова в конечном счете политическая идея Вольтера. Его героями были Людовик XIV, Фридрих II и Екатерина II. Закончить мысль о Вольтере можно словами Сореля: «Его идеал – “деспотизм, умеренный терпимостью и просвещением”»².

Из энциклопедистов особо выделяется Гольбах³. Его социальная система содержит изложение основных положений, которыми впоследствии широко пользовались английские утилитаристы. Гольбах считает народ источником всякой законной власти, но форма правления его не интересует. Он не признает равенство сограждан и, как подчеркивает автор, Гольбах с презрением обрушивается на эту химеру, перед которой благоговеют в демократических государствах. Таким образом, по Гольбаху, равенства не существует, власть должна находиться в руках лиц, наиболее способных вести общество к счастью. В этом плане движущей силой, увлекающей государство к намеченной цели, будет государь.

А вывод таков, что вся политическая система Гольбаха – это: общественное мнение, сильное правительство, руководимое им, и послушный народ, позволяющий руководить собой, так как он знает, что ему выберут кратчайший путь к счастью.

Касаясь же позиции физиократов, в частности Дюпона-де-Нэмуре, можно прийти к заключению, что теория «легального

деспотизма» представляет кульминационный пункт их доктрины. Подобно Гольбаху, энциклопедистам и Вольтеру, физиократы провозглашают такой строй, который считается гуманным, но при этом возлагают заботу о нем на государя. Они не желают разделения властей и системы противовесов, потому что в этом сложном способе упорядочения социального строя видят признаки «глухой и непрерывной войны». Физиократы подвергают критике взгляды Монтескье и Руссо.

Человеческое общество, на их взгляд, управляется физическими законами, подобными тем, которые мы наблюдаем у муравьев, пчел и бобров. Естественное право, которым так дорожит человек, представляет лишь вид и как бы случайное проявление универсального порядка. Общественные учреждения, которые человек выдает за лучший образчик своего творчества, являются продуктом естественной необходимости, а не человеческого искусства. Эта необходимость требует возникновения сильной власти, которая могла бы обеспечить индивидуумам пользование всеми выгодами, связанными с социальной жизнью. Из этих выгод на первом месте стоит право собственности; затем, согласно знаменитой формуле физиократов, которая в данном случае находит свое настоящее место на втором плане, вместо того чтобы подчинить себе все остальное, идет свобода торговли и обмена. Одним словом, метафизический принцип сущности общественного порядка влечет за собой в политике «легальный деспотизм». Поток идей, увлекающий физиократов, энциклопедистов и Вольтера, распространяется на всю Европу. У Юма можно заметить, что он отдает предпочтение такому режиму, при котором сильная власть служит великим интересам человечества. Его даже можно назвать сторонником просвещенного деспотизма на французский лад.

В обзоре последующих идей мы находим, что, например, у Вольфа идея естественного права не имеет, как у Руссо, революционного характера, и поэтому неудивительно, что она становится опорой для власти государя. Государство, по Вольфу, должно иметь цель поддерживать свое существование в настоящем и будущем, заботиться о своем благоденствии; этой цели обязаны своим происхождением те права, которыми оно обладает по отношению к частным лицам.

Так, дух произведения Бильфельда «Institutions politiques» видится в перечне благ, пользование которыми, по мнению автора, государь должен обеспечить подданным. Например, свобода печати помещена между параграфом, относящимся к наказанию за самоуправство, и параграфом, относящимся к мерам предосторожности против заразительных эпидемических болезней.

Таким образом, теория просвещенного деспотизма, отеческой монархии, или, употребляя выражение, использованное в книге 1, главе 5 произведения Блончли «Lehre vom modernen Stuart», «полцейского государства» царит в конце XVIII в. в Германии и Шотландии, в Италии и Франции.

Что касается общей характеристики идей теоретиков просвещенного деспотизма, то они не чувствовали, не понимали и не провозглашали абсолютного равенства личности, они принуждены были подкреплять свои премудрые наставления очень немудрыми аргументами.

Они побуждали государей быть гуманными, великодушными и справедливыми, но главным образом ради собственной их выгоды, так как любовь подданных уменьшает возможность мятежа. Они побуждали государей просвещать подданных и помогать им материально, но прежде всего для того, чтобы сделать государство могущественнее и богаче. Свои лучшие реформы они провозглашают в интересах государства. Это верно подмечает А. Сорель⁴. Они еще не отказались вполне от идеи, что государство должно заботиться об усилении своего могущества, а на все остальное смотреть, как на придаток. Эта идея четко определена Бильфельдом.

Административная монархия, как ее понимал и проводил в жизнь Людовик XIV, в некоторых отношениях является, быть может, менее всепоглощающей, чем то государство, которое было по сердцу Вольфу и Бильфельду.

В противовес теории просвещенного деспотизма и теории государства, созданной в XVII в., возникает индивидуалистическое движение. Элементы данного движения видятся в трудах Монтескье, Руссо, Канта, Фихте, в идеях экономической свободы у Адама Смита и, наконец, у пионеров американской революции, в их требованиях абсолютной свободы совести. Касаясь последних субъектов, на основе анализа ряда работ можно говорить о том, что идея писаной конституции и декларации упирается в пуританскую идею. В качестве примера служат высказывания Курно, который выводит Французскую революцию к этой причине. Предварительные симптомы революции появились на другом полушарии и, в свою очередь, являются лишь следствием движения английского протестантизма в XVII в. Таким образом, в корне индивидуалистического движения XVIII в. лежит религиозная свобода, эмансипация верований».

Первая декларация прав и первая американская конституция оказали существенное влияние на развитие конституционализма. Первоначальный источник этих идей находится в народном договоре 1647 г. «Agreement of the People». Войско Кромвеля, которое

Е.В. Миряшева

привыкло в своих конгрегациях считать себя настоящим источником религиозной власти, видимым и подлинным представителем Христа, избирать служителей культа и, посредством избрания, наделять их всеми надлежащими правами, думало ввести в государстве демократию, верховенство закона, в особенности же понятие индивидуальной автономии. Далее можно констатировать, что Народный договор 1647 г. остался в проекте, но основная его идея появляется у пуритан – беглецов-основателей Новой Англии. Эта идея служит базисом всех соглашений, которые они между собой заключали и которые суждено было впоследствии считать конституциями. Подписываясь под ними, они ставят неизменным условием верховенство народа и абсолютную свободу совести. Справедливость данного суждения мы находим в «Мэйфлауэрском соглашении», где пуритане, прибывшие в Новую Англию на корабле «Мэйфлауэр», взяли на себя обязательство достигать соглашения друг с другом при учреждении гражданских политических органов.

Примечания

- 1 *Caussade J.P. de. On Prayer: Spiritual instructions on the various states of prayer according to the doctrine of Bossuet, bishop of Meaux. L., 1949.*
- 2 А. Сорель – французский философ.
- 3 См.: *Мишель А. Идея государства: Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008.*
- 4 *Sorel A. L'Europe et la Révolution française. P., 1922; Bossuet J.B. De la connaissance de Dieu et de soi-même. [Paris,] 1990.*

В.Е. Сафонов

ЗАЧЕМ И ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

В данной статье рассматривается такой элемент гражданского общества, как политическая партия, дается определение этому понятию, раскрываются причины возникновения и условия, влияющие на ее создание. Большое внимание уделяется вопросу существования политической партии в России. Анализируется современная политическая ситуация в стране.

Ключевые слова: партия, однопартийная система, пропорциональная избирательная система, протопартия, политический класс, гражданское общество, демократическое государство.

Вопрос о политических партиях в современной России – это не праздный вопрос, и он возник не сегодня и не вчера. История политических партий показывает, что они являются тем звеном, которое непосредственно связывает государство и гражданское общество, и изначально находятся в эпицентре политической борьбы. Сокрушительные баталии политических идей в их историческом развитии проливают много света на поступь политических движений.

На протяжении последних столетий партии развивались в условиях политической организации общества. Можно спросить, является ли политическая партия в конечном счете продуктом развития экономических отношений и не суть ли она результат классовой борьбы. История дает свидетельства и того и другого. Однако бесспорно одно: на формы и структуру политической организации общества, кроме основных факторов, большое влияние оказывала и продолжает оказывать идеология соответствующих классов, борющихся групп и их наиболее одаренных представителей, объединенных в политические партии. Таким образом, политическая

партия, связанная процессами, происходящими в социально-экономической сфере общества, это относительно самостоятельная творческая сила, воздействующая на все стороны общественной жизни.

Полагаем, что не устарели в этой связи ленинские призывы проводить различие между фразами и действительными интересами: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов». Для России все сказанное имеет особую актуальность с учетом новых явлений и процессов, вызываемых к жизни современным этапом развития общества, и в сопряжении с задачами преобразования всех сфер государственной и общественной жизни. Именно поэтому вопрос о российских политических партиях – это вопрос, имеющий непреходящее значение для будущего многонационального народа России.

Партия (*фр.* parti, *нем.* Partei, *англ.* party, *лат.* pars (parties) означают часть, группу) до возникновения массовых политических партий в XVIII–XIX вв., представляющих собой институт уже развитой политической системы, означала группу людей, которая боролась с другими группами за власть.

Необходимо отметить, что теоретические представления о политических партиях, их сущности и роли в государстве и обществе зависели от реальных условий соответствующей эпохи, а также предопределялись общим развитием политико-правовой теории, представлений об общественном и государственном устройстве в разные исторические периоды, развитием концепции «прямой демократии», «парламентского представительства» и т. п. Вплоть до конца XVII в. позиция государства и государственная доктрина характеризовались противодействием, подавлением и дискредитацией любых политических группировок, а с конца XVIII в. до конца XIX в. – их игнорированием. Впрочем, индустриальная и особенно постиндустриальная цивилизация постарались облагородить «тело» политической партии, и теперь многим оно представляется в виде прирученного льва, служащего общей пользе, общему благу, общему делу защиты граждан от посягательства чиновников. Так ли это?

Сегодня в подавляющем большинстве государств политические партии являются необходимым элементом механизма осуществления народовластия, «образно говоря, играют роль двигателя, приводящего в действие государственный механизм и обеспечивающего его нормальное функционирование»¹.

Именно политические партии представляют собой одну из организационных форм выражения политических идей и взглядов, идеологических позиций, при этом содействуя волеизъявлению общепризнанных общественно-политических интересов если не всего народа, то какой-либо его значительной части. При этом политические партии призваны не просто выражать общезначимые интересы, а выявлять и превращать множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, заинтересованных групп в совокупный политический интерес.

Политические партии, формируясь в недрах гражданского общества как результат его политической самоорганизации, одновременно являются основным посредником между гражданским обществом и государством, содействующим выражению потребностей и интересов различных слоев и групп населения через институты государственной власти².

Отсутствие в СССР многопартийности явилось одной из причин разрушения общественно-политического организма и, соответственно, развала всего советского государства. Конечной целью развития общества и государства было построение коммунизма, что в плане государственного развития представляло собой создание в стране общественного самоуправления. Это было своеобразное осмысление и учет возможностей человека, человеческого общества на определенном этапе их развития организовывать свою жизнь по принципу «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех!». По сути, это высшая цель и уровень общественного развития, высший уровень бытия человечества, которое можно теоретически представить в плане исторической эволюции социальной формы движения материи, если мы являемся материалистами.

Сегодня в России власть, научное сообщество, сотрудничающее с властью, ищут пути, средства и возможности воплотить идею демократизации государственного управления в создании в стране гражданского общества, обратив свой взор на исследования древнегреческих мыслителей, Гегеля и других и исключая в своем поиске наработки и опыт марксистов, советских ученых и опыт советского общества. Есть основания полагать, что в нынешней политической системе, сложившейся в стране, такое положение дел, такая направленность исследований имеет определенную перспективу. И в этом поиске заслуживает внимания анализ возможностей политических партий объективно отражать тенденции развития общества, влиять на процесс его эволюции, а также на процесс эволюции государственной власти в плане формирования в стране гражданского общества.

Следует отметить, что практически все политические партии в современном обществе, за исключением, очевидно, оппозиционных, т. е. не входящих в партийную систему, выполняют специфическую функцию. Они выступают в качестве своеобразных посредников между гражданским обществом и государством. С одной стороны, политические партии являются институтом гражданского общества и продуктом его самоорганизации, а с другой – главной задачей политических партий является задача «захвата» (конституционными или неконституционными методами) государственной власти.

Политические партии напрямую не выражают интересы гражданского общества, но по уровню их развития можно судить о состоянии гражданского общества в стране. Обусловлено это тем, что в нашей стране сложилась сегодня достаточно сложная социальная структура, которая не имеет четких классовых границ. Вследствие этого сами политические партии практически не носят классового характера. Изменилось содержание их идеологий, являющихся основой идентификации политической партии. Они практически потеряли определенность в социальной базе в стране и, таким образом, ищут своих сторонников в одних и тех же социальных стратах, опираясь не на социальные ценности страт, а на социально-психологическую поведенческую сторону граждан. Следует также обратить внимание и на тот факт, что избирательная система в России не способствует усилению влияния политических партий на общество, поскольку в стране реально отсутствует возможность равноправного соперничества.

Мировой опыт свидетельствует, что пропорциональная система выборов в парламент приводит к формированию сильных политических партий, поскольку выборы осуществляются только по партийным спискам. В России была выбрана избирательная система, которая не мешает формированию политических партий, но и не стимулирует этот процесс.

Незначительна роль политической партии еще и потому, что в стране очень уж невелика роль парламента в управлении политическим процессом при доминировании исполнительной вертикали власти. Все это приводит к тому, что выборы в парламент значительно уступают по своей важности президентским, а следовательно, снижают роль политической партии в формировании и развитии гражданского общества в стране.

И еще: наиболее важной причиной слабости политических партий в России, в их влиянии на формирование гражданского общества является неоформленность, неартикулированность и противоречивость интересов в обществе. Российское общество переживает

процессы стремительных трансформаций, повышенной социальной мобильности, а это в свою очередь порождает значительные проблемы в определении любыми политическими партиями и общественно-политическими движениями своей социальной базы.

Наконец, исторические и социокультурные особенности психологии населения России препятствуют нормальному отношению к политическим партиям. Отсутствие традиции многопартийности и долгие десятилетия однопартийности выработали у граждан России стойкое неприятие (если не сказать – отрицание) политических партий в любом виде.

Вышеперечисленные причины привели к тому, что практически все политические партии в России существуют в виде протопартий. Протопартии – это партии в процессе становления. Они характеризуются прежде всего нестабильностью и хаотичностью форм существования, отсутствием постоянного и надежного электората и идеологии. Протопартии существуют в различных формах: протопартии лидера, протопартии интереса, идеологические протопартии и т. п. Во время избирательной кампании, когда протопартии ощущают опасность полного исчезновения с политической сцены, они предпочитают объединяться в коалиции. Как только выборы более или менее успешно проходят, коалиции переживают расколы и размежевания.

Таким образом, процесс формирования политических партий в России можно представить в виде пульсации: «слипание» протопартий в коалиции, расколы и размежевания, снова «слипание» и снова расколы и размежевания. Возможно, что постепенно, со временем, протопартии обретут большую значимость в связи с тем, что каждые выборы способствуют процессу «естественного отбора» между ними. Однако статистика результатов выборов в Государственную думу по партийным спискам скорее говорит об обратном явлении.

Проведенный анализ деятельности политических партий в современной России показывает, что они, как и другие институты гражданского общества, слабо институционализированы и не могут эффективно выполнять функцию представительства политических интересов гражданского общества.

Для того чтобы формально преодолеть данное противоречие, надо было бы сформировать общество, в котором есть система противовесов, в котором есть осмысленное понимание каждой социальной группой своих интересов, и уже в этом обществе возникнут полноценные политические партии.

Однако в контексте нашего разговора этот подход напоминает дискуссию о том, что появилось сначала – курица или яйцо.

Первично нечто иное, что порождает и гражданское общество, и полноценные политические партии. И это нечто называется «политический класс».

Что такое политический класс? Когда он возникает? Возникновение политических классов в странах Европы связано с распадом феодальной системы, когда политика была уделом монархов и дворянства. Естественно, что в каждой стране была своя специфика. В той же Германии конца XIX в. монархия была, но был и политический класс.

Политический класс – это практически все население страны, которое так или иначе участвует в политической жизни. Но тогда возникает вопрос, почему используется термин «класс». А используется он потому, что эта сила в определенном смысле единая и возникает только тогда, когда все участники политического процесса в стране ясно понимают, что в политике первичны национальные интересы страны.

Политический класс – это партии, отдельные политики, это крупные дельцы и магнаты, которые представляют национальный капитал, это чиновники, это средняя и мелкая буржуазия, это политизированная часть рабочего класса и крестьянства. Между ними есть противоречия интересов, между ними есть борьба, но в ключевые моменты истории политический класс всегда действует как единая сила.

Вот на основе консенсуса внутри политического класса и появляются гражданское общество и политические партии. Политическая борьба может быть самой яростной и непримиримой до тех пор, пока она не угрожает основам государства и общества. В случае опасности политический класс мгновенно объединяется. Сформировавшийся политический класс и позволил создать нынешние процветающие страны, в которых свобода сочетается с силой.

Этот процесс не был гладким. И всякий раз, когда узкоклассовые интересы брали верх над интересами общества, политический класс европейских стран начинал раскалываться. И из последних двухсот лет европейской истории примерно 150 лет ушло на то, чтобы заставить богатых делиться. Но любопытно, что за все это время в европейских странах ни разу не случилось подобия нашей Октябрьской революции.

И вот тут самое время перейти к России. Коренное отличие политической системы Российской империи от европейских государств заключалось в том, что в нашей стране политический класс так и не сформировался. Первым, кто это заметил, был величайший политический мыслитель Н.Я. Данилевский. Он не использует в своей работе «Россия и Европа» термин «политический

класс», но говорит именно об этом, когда рассуждает о единстве европейских государств и о расколе России, в которой есть русская партия, а есть и европейская.

Именно отсутствие в России полноценного политического класса и привело к тому, что Ленину удалось захватить власть в стране, где его ключевые идеи (в частности, уничтожение исторической России) были нужны одному проценту населения. Большевики это, кстати, прекрасно понимали.

В любой стране, где был бы полноценный политической класс, на таких деятелей, как большевики, последовала бы мгновенная реакция. Перед лицом этой угрозы объединились бы все силы. В России ведь, кроме левых эсеров (и то до поры до времени), все были против Ленина и его партии. Но быстрого и осмысленного объединения не произошло. Ключевой политической игрой 1917 г. Керенский долго размышлял, кто для него опаснее – монархисты, военные или большевики? Сначала он объединился с Корниловым против большевиков, затем с большевиками против Корнилова.

Если бы в России существовал к этому времени политический класс, то действия его были бы быстрыми и безжалостными по отношению к Ленину. Ведь даже если судить по одной только тогдашней печати, то представители практически всех партий прекрасно понимали, кто такой Ленин. И первым, почувствовавшим угрозу, был лидер русской социал-демократии Плеханов. Но привычки объединяться и координировать свои усилия в рамках политического класса в России не было.

Затем победившие большевики создают в России свой политический класс. Именно таким классом и была ВКП (б) – КПСС, которая постепенно объединила в своих рамках представителей всех сословий, и пролетарии в ней никогда главной роли не играли, несмотря на все декларации. Как и в любом политическом классе, тон в КПСС задавали партийные лидеры, идеологи, руководители производства, интеллектуалы-ученые, военные, спецслужбы, а снизу их поддерживали выращенные за десятилетия миллионы активистов.

Именно кризис КПСС как политического класса страны и предопределил развал СССР. С 1991 г. по нынешний момент политический класс в России так и не появился. Со всеми вытекающими последствиями. У нас почти нет полноценных политических партий, нет гражданского общества, а следовательно, нет и согласия в обществе. Нынешний этап стабильности – это во многом результат усталости общества от травматичных 90-х годов и не более того.

Понимают ли нынешние идеологи, каким образом можно помочь становлению политического класса в России? Похоже, что

не понимают. Ту же «Единую Россию» стали создавать по образу и подобию КПСС. Но испугались. Ибо что такое реальная партия власти? Это и есть источник власти в стране. А в наших реалиях это означало бы, что провинциальная Россия начала бы диктовать кремлевской элите, какую политику проводить.

В итоге создали карманную партию. При этом предельно ослабили или даже разгромили все иные политические силы в стране. А дальше что? Поиск новых харизматичных лидеров для выборов в 2011 г.? Но лидеры на дороге не валяются.

В то же время совершенно ясно, что нынешняя Россия вполне готова к согласию. Вопрос не в стране, вопрос в идеологах-самоучках, которые наспех лепят очередную «проект», прямым «сдирая» что-то с Запада, что-то с СССР, не «чуя под собой страны».

Отсутствие политического класса в России приводит к тому, что обычная политическая борьба, естественная для демократической страны, пугает правящую элиту. Она начинает тормозить демократические процессы, загоняя себя в тупик. Но ни одна власть, ни демократическая, ни деспотическая, не может долго существовать без опоры на реальные силы внутри общества. Власть без опоры рано или поздно услышит со стороны общества вопрос: а кто вы такие?

В своем недавнем послании президент ясно дал понять, что такая власть и такой бизнес, как у нас, не могут устраивать народ. Но дело ведь не только в отсутствии социальных программ, дело и в фундаментальных политологических принципах.

Как взрастить гражданское общество, если нет полноценных политических партий? Одновременно с формированием политических партий будет формироваться и гражданское общество. Таков должен быть путь к поставленной цели.

Тем не менее отрицать институт политических партий только по причине наличия вышеназванных негативных сторон его воплощения на практике нельзя. Потому задачей российского государства сегодня является преодоление негативных тенденций развития партийной системы, содействие с помощью права формированию политических партий парламентского типа. Главным критерием на пути решения этой задачи должны быть конституционно-правовые принципы, базирующиеся на высшей ценности демократического государства – верховенстве прав и свобод человека.

Примечания

- ¹ *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. М., 1998. С. 13.
- ² *Силаев В.С.* Роль партии в политической системе Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2007. № 9. С. 20.

Политико-правовые особенности конфликтов в международном праве

Л.Г. Абрамов

КИПРСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На примере развития событий за последние десятилетия в кипрском урегулировании, на основе анализа причин неудачного опыта «плана К. Аннана» автор показывает присущие интервенционистской модели решения международных проблем, противоречия между силовым и международно-правовым механизмами разрешения международных споров. Особое внимание уделяется утверждению полицентричной иерархии интересов в рамках формирующейся мультиполярной модели мироустройства.

Ключевые слова: инициатива о Договоре о евроатлантической безопасности, кипрское урегулирование, «план Аннана», многополярное мироустройство.

В международных событиях на евроатлантическом пространстве за последние полтора десятка лет отчетливо выделяются две противоположные тенденции, от взаимодействия которых зависит будущее.

С одной стороны, произошедшее на рубеже 1990-х годов прекращение военно-политического противостояния и идеологической конфронтации двух общественных систем, последовательное преодоление наследия «холодной войны» – связанных с ней предрассудков и стереотипов – существенно расширяет возможности кардинальной трансформации международных отношений, развития равноправного сотрудничества и последовательной демократизации мироустройства.

С другой – за последние годы одерживает верх тенденция за действия силовых методов регулирования международных отношений. В результате расшатываются закрепленные в Уставе ООН

и в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. основополагающие международно-правовые принципы, благодаря которым международный мир и правопорядок в послевоенный период был обеспечен и во многом поддерживается и поныне.

Решения о применении военной силы для решения международных проблем принимались, как известно, и администрацией Б. Клинтона (Босния, Косово, Ирак). Однако системный характер интервенционистские методы в дипломатии стали приобретать позже в результате ставки современных американских неоконсерваторов на стратегию односторонних действий, сделанной с самого начала пребывания у власти предыдущей администрации США. Стоит вспомнить высказывания в 2000 г. К. Райс, в то время советника Белого дома по внешней политике, в журнале «Foreign Affairs» о необходимости прагматического подхода и опоры «на твердый фундамент государственных интересов», а не на «интересы иллюзорного международного сообщества». Последовали и практические шаги. Уже за первые девять месяцев Дж. Бушем были приняты решения о выходе из переговорного процесса по Киотскому протоколу, заявлено о неприятии идеи Международного уголовного суда и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, началась процедура выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Курс на однозначное отстаивание в постбиполярном мире национальных интересов США, невзирая на предыдущие международные договоренности и достигнутые балансы обязательств, продолжался на протяжении всех лет пребывания администрации Буша у власти. Последние месяцы ее деятельности были ознаменованы неуклонным продвижением к практическому воплощению плана по размещению объектов ТПР ПРО в Польше и Чехии, продолжением военных поставок режиму М. Саакашвили уже после краха его августовской авантюры.

В подтверждение неизбежности происходящих изменений сторонники идеи глобальной гегемонии США говорят об особой в постбиполярном мире ответственности своей страны за обеспечение безопасности и стабильности, соответственно – оправданности интервенционистского инструментария. Между тем в связи с серьезными практическими затруднениями и неудачей в Ираке и в Афганистане планов ускоренно военно-силовым путем обратить в демократию «угнетенные народы», роль «шерифа поневоле» подверглась некоторым коррективам. Классический унилатеризм США, взятый на вооружение после 11 сентября 2001 г., дополнился своего рода «контрактом» между демократическими странами, сложившимся после «холодной войны» по формуле «чем влиятельнее Америка, тем прочнее мир во всем мире». Судя по всему, эта

тенденция будет развиваться и при нынешней команде президента Б. Обамы, первые внешнеполитические заявления которого свидетельствуют о стремлении избавить свою страну от имиджа «либо патрона, либо ментора».

Узкие рамки модели однополярности оказались расширены в пользу более устойчивой полицентричной композиции. Понятие «полюс» при этом трансформируется в функцию «центра тяжести» глобального бремени забот по обеспечению мира: одно из условий «нового мирового порядка» – кооперация партнеров, взаимодействие с местными державами, обеспечивающими стабильность в своем регионе. Каждая из региональных столиц при этом неизбежно вынуждена брать на себя часть функций по поддержанию безопасности, в том числе и силовым путем, из «страны-потребителя безопасности» превращается в поставщика соответствующих услуг.

Занимательно, что полицентричная модель услуг по обеспечению стабильности и безопасности в принципе свободна от какой-либо идеологической зависимости и присуща любому общественному укладу. Биполярная система мироустройства по существу представляла собой соперничество двух таких полицентричных иерархий, разумеется, с противоположными системами ценностей. Более того, в рамках небезызвестного «лагеря социализма» экспорт услуг безопасности и стабильности функционировал не менее эффективно прежде всего в военно-политическом отношении. Четкости исполнения оперативных военных планов вмешательства, последовательности реализации политической стратегии навязывания устройства общественной жизни «по своему образу и подобию» современные натовские штабисты и госдеповские эксперты могли бы, пожалуй, позавидовать.

Исторический опыт позволяет проводить и некоторые параллели, разумеется, при всей условности последних. Как известно, вмешательство в Венгрии в 1956 г. было осуществлено от начала и до конца силами исключительно советских войск. Единая оценка событий со стороны братских компартий отсутствовала вплоть до Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в ноябре 1957 г.; дискуссии велись в закрытом режиме и носили острый характер. К «пражской весне» 1968 г. мир социализма во главе с брежневским руководством подошел более консолидированным и в идеологическом, и в военно-политическом отношениях. По сути, произошла эволюция от сталинской линии на диктат и бесцеремонное вмешательство в дела союзников (своего рода коммунистический унилатерализм) к брежневской доктрине «ограниченного суверенитета».

Были и свои оппозиционеры (Н. Чаушеску), и консерваторы (Э. Хоннекер) в современном понимании – чем не полицентризм?

В любом случае идет ли речь о классической однополярности или вертикально интегрированной иерархии полицентричности, постановка во главу угла будущего мироустройства (равно как и регионального устройства) национальных интересов одной отдельно взятой страны не может не вести к сознательному и последовательному ограничению действия базовых принципов международного права.

Негласное разделение государств на своего рода «категории», которые де-факто наделяются различным объемом прав и ответственности, неизбежно ведет к ограничению действия апробированных принципов равноправия и политической независимости суверенных государств, а за ним и безусловного уважения суверенитета и территориальной целостности. Появляется новая зависимость, а с ней – иные инструменты устойчивости международных отношений. Если право народов самим распоряжаться своей судьбой обуславливается соответствием линии их правительств достаточно расплывчатым, не кодифицированным в юридически обязывающем порядке обязательствам (сохранение стабильности, незыблемость демократических ценностей, предотвращение угрозы международному миру, борьба с терроризмом и другими новыми вызовами – благих целей и задач в современном мире достаточно), то с большой долей вероятности на деле рано или поздно возобладает ориентация на прагматические интересы доминирующего в мировой политике «центра». Ослабление же международно-правовых принципов замещается усилением фактора силы в мировой политике. Третьего не дано.

Искривления международно-правового режима, разумеется, охватывают в первую очередь «периферию» подобной полицентричной системы – круг стран, у которых внешняя политика в меньшей степени соответствует национальным интересам и, следовательно, установкам из столиц «иерархии центров», а внешнеполитических ресурсов недостаточно, чтобы завоевать себе соответствующее место «под солнцем». Импульс идет по направлению «сверху вниз», чем дальше от верхушки, т. е. главного центра, тем в большей степени недобровольный, вынужденный характер приобретают ограничения суверенитета и других международно-правовых принципов. Стоит ли уточнять, что система эта нестатична. Как и вся сфера международных отношений, она может быстро изменяться – смена правительств может сопровождаться существенными коррективами внешнеполитического курса той или иной страны. Следовательно, и претенденты на роль «низших этажей»

иерархии региональных центров могут сменять друг друга. Никто не застрахован и от выпадения на уровень периферии – в случае, если новые внешнеполитические приоритеты окажутся плохо корреспондирующими со своими политресурсами, равно как и национальными интересами стран верхушки полицентричной системы.

Для общей тенденции появления полицентрических иерархий интересов неважно, обуславливается ли применение силовых сценариев «разруливания» конфликтных ситуаций необходимостью «гуманитарной интервенции», как это было в Боснии и Косово, или неотложностью превентивных действий по подавлению вероятности появления оружия массового уничтожения в руках «неблагонадежных государств» (Ирак). Хотя и здесь прослеживается определенная зависимость. Невзирая на отсутствие полноценного мандата ООН, большинство европейских стран поддержало интервенцию НАТО против СРЮ в марте 1999 г. и уклонилось от участия в американо-британской операции по свержению режима Саддама Хусейна. Причина – в наличии в первом случае и отсутствии во втором гармонизации интересов в сфере безопасности европейских стран. Географическая близость, опасность и политическая реальность повторения сценария «Балканы – пороховая бочка Европы» сплотила европейские столицы в стремлении покончить с режимом С. Милошевича, несовместимым с «общеевропейскими ценностями». Ирак всегда был далек, несмотря на американские призывы касательно вроде бы очевидной опасности «ОМУ в руках С. Хусейна».

О врожденных дефектах «игры с нулевой суммой», недалековидности планов строить свою безопасность за счет ущемления интересов других сказано уже достаточно, нет смысла повторяться. Важно одно: попытки принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений в любом случае несут в себе угрозу подрыва международного правопорядка. Они чреваты тем, что произвольное вмешательство во внутренние дела суверенных государств становится обычаем для международных отношений. В результате усугубляются межгосударственные противоречия, разжигается национальная и религиозная рознь, провоцируется напряженность и гонка вооружений, происходит рост напряженности в межцивилизационных отношениях, что может иметь глобальные последствия. Применение принудительных мер в обход Устава ООН и ее Совета Безопасности не способно устранить глубокие социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, подрывает основы международного права и ведет к расширению международного конфликтного пространства.

Разумеется, было бы преувеличением считать, что каждый раз при этом идет речь о военной силе или об угрозе ее применения. Наряду со ставшими классическими примерами силового решения – Босния, Косово, Ирак – в арсенале интервенционизма имеются и дипломатические способы «навязывания» определенных способов разрешения международной проблемы. Задача при этом одна – обеспечить более полное соответствие национальных интересов стран верхушки и их региональных партнеров, построить оптимальную с позиций полицентричной иерархии интересов модель урегулирования.

С этой точки зрения интерес представляет анализ кипрского конфликта. История разделения греческой и турецкой общин острова Кипр весьма поучительна. Несмотря на остроту длительных, более чем десятилетие – с 1963 г. по 1974 г., межобщинных вооруженных столкновений, вторжение турецкой армии, а затем оккупацию его северной части турецким «ограниченным контингентом», он остался, пожалуй, единственным конфликтом современной истории, который удалось успешно «заморозить»: предотвратить вероятность его дальнейшего обострения, а главное – остановить дальнейшую интернационализацию кризиса.

Причины кипрской проблемы коренятся в вооруженном межобщинном противостоянии греков и турок острова в 60-е гг. XX в. Получив по цюрихско-лондонским соглашениям 1959 г. непропорциональные своей доле в структуре населения острова (18%) права в органах управления, представители турецкой общины стали проводить самостоятельную линию в отличие от решений на основе демократического волеизъявления греко-кипрского большинства. После инициированных греками-киприотами в декабре 1963 г. поправок к Конституции (по оценке турок-киприотов, отрицающих партнерский статус представителей турко-кипрской общины в государственном аппарате) возник ряд вооруженных конфликтов, началось обособление турко-кипрского населения в анклав. Попытки греков-киприотов, в том числе при силовой поддержке из Афин, сломить сопротивление турок-киприотов вызвали обострение отношений с Турцией, военно-воздушные силы которой неоднократно наносили удары по лагерям греко-кипрских боевиков. Турко-кипрские лидеры утверждали, что речь шла о последовательной подготовке к аннексии острова Грецией, так называемом энозисе, как минимум, о политике превращения турок-киприотов в национальное меньшинство в «государстве греков-киприотов».

Кульминация событий наступила 15 июля 1974 г. Военная хунта в Афинах, провозгласив цель объединения Кипра с Грецией, организовала вооруженный переворот на острове и попытку свер-

жения законного правительства архиепископа Макариоса, которому чудом удалось спастись. В ответ турецкие войска под предлогом обеспечения безопасности турко-кипрской общины – по цюрихско-лондонскому (1959 г.) «Договору о гарантиях» Турция наряду с Великобританией и Грецией является страной-гарантом независимости и «поддержания статус-кво», включая конституционные политические полномочия обеих общин и безопасность, – вторглись на север острова, оккупировав в итоге 37% его территории. Совет Безопасности ООН в длинном ряде своих решений осудил иностранное военное вторжение на Кипр, равно как и учреждение в 1983 г. на контролируемой турецкими войсками части острова так называемой «Турецкой республики северного Кипра», которая признана лишь Турцией. Морские и воздушные порты на севере острова закрыты для международного сообщения по решению правительства Республики Кипр.

Показательно, что реакция со стороны СССР на турецкое вмешательство в первые месяцы лета и осени 1974 г. была весьма сдержанной. Министр иностранных дел А.А. Громыко заявил, в частности, что «...действия Турции вызывают наше понимание». А при принятии резолюции Совета Безопасности ООН № 360 (16 августа 1974 г.), в которой отстаивались принципы уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности Республики Кипр, СССР и Белорусская ССР воздержались. Занятно, что союзники по НАТО, члены СБ ООН, осудили при этом Турцию именно за унилатерализм – «односторонние военные действия, предпринятые против Республики Кипр». Турция накануне реализации плана вторжения, известного как план «Атилла», провела консультации с Великобританией. Лондон высказался отрицательно.

Как представляется, в основе такой, мягко говоря, необычной позиции советского руководства, которая была впоследствии пересмотрена, лежало не только неприятие Москвой режима «черных полковников» в Афинах. К тому времени хунта пала, в результате общенародных выступлений в Греции 23 июля 1974 г. было сформировано гражданское правительство. С большой долей вероятности можно предположить, хотя это и требует привлечения дополнительных архивных материалов и стенограмм обсуждений вопроса в МИД и Политбюро, что не последнюю роль при этом решении сыграло стремление, по меньшей мере, дистанцироваться от острого кризиса, разгоревшегося после греко-турецкого конфликта внутри НАТО (после 1974 г. и вплоть до 1980 г. Греция не входила в военную структуру блока). Помимо этого, нельзя исключать, что шесть лет спустя, в 1968 г., зажатое между Хельсинкским процессом и подспудными волнениями внутри зарубежных

соцстран, советское руководство решило поддержать прецедент вооруженного вмешательства из-за рубежа, предпринятого в целях предотвращения массового кровопролития, гражданской войны и угрозы стабильности и безопасности в регионе. Как Кипр к Турции, так и соцстраны непосредственно примыкали к границам СССР и входили в зону его национально-государственных интересов. Как известно, к этому времени под понятием «интересы мировой социалистической системы» подразумевались уже совершенно конкретные действия по их защите.

В 1975 г. на основе соответствующих соглашений произошел обмен населением: греки-киприоты (за исключением небольшой общины) сосредоточились на юге Кипра, турки-киприоты – на севере. Раздел острова между двумя этническими общинами приобрел закрепленный географически характер.

Попытки начать прямые переговоры с целью воссоединения страны на новой правовой базе велись с самого начала. В 1977 и 1979 гг. в Соглашениях высокого уровня лидерами общин были согласованы основные контуры урегулирования на основе двухобщинной двузональной федерации, однако их практическая реализация оказалось невозможной. С этого же времени начался процесс «заморозки» конфликта. Градус напряженности греко-турецкого противостояния стал понижаться, опасность разрастания конфликта (эventуально – внутринатовского) стала менее реальной. В декабре 1974 г. на Кипре (на территории, не подпадающей под контроль турецких оккупационных сил) была восстановлена власть законного правительства архиепископа Макариоса. Главнейшим приоритетом внешней политики Кипра стало разрешение проблемы воссоединения острова, а греко-кипрский руководитель предстал перед Москвой в качестве «прогрессивно настроенного лидера» важного для СССР Движения неприсоединения.

С 1975 г. с учетом новых европейских и региональных реалий начала отсчет последовательная и принципиальная линия советской дипломатии по Кипру. Мы и сегодня продолжаем отстаивать сформулированную в конце 70-х позицию. Она мало изменилась в главном: мы выступаем за достижение справедливого, жизнеспособного и всеобъемлющего кипрского урегулирования в интересах всех киприотов, как греков, так и турок, на основе соответствующих решений Совета Безопасности ООН. Продолжаем поддерживать усилия ООН в рамках делегированной ее Генеральному секретарю в соответствии с резолюцией № 367 (12 марта 1975 г.) СБ ООН миссии «добрых услуг», задача которой содействовать возобновлению, интенсификации и обеспечению прогресса всеобъемлющих переговоров между греческой и турец-

кой общинами Кипра, ведущихся в духе взаимопонимания и сдержанности.

После 1975 г. в течение уже тридцати пяти лет каких-либо серьезных вооруженных столкновений или террористических актов на Кипре не отмечалось. А случавшиеся время от времени инциденты не идут ни в какое сравнение с ситуацией на Ближнем Востоке, большинством других конфликтных точек. Это своеобразный «мировой рекорд» как по продолжительности, так и по степени тишины и спокойствия.

Успешной «заморозке» этого международного конфликта в значительной степени способствовал высокий уровень вовлеченности ООН в урегулирование и, соответственно, международно-правовой проработанности проблемы: только резолюций СБ ООН по Кипру принято более 130. Был также успешно найден необходимый баланс между военно-политическими и дипломатическими инструментами обеспечения стабильности и безопасности. Сформирован, во-первых, особый внешнеполитический климат, затрудняющий использование этой проблемы каким-либо международным игроком в интересах иных, кроме ее всеобъемлющего урегулирования. Базовое требование справедливо и по сей день – призыв ко всем заинтересованным сторонам воздержаться от любых действий, способных поставить под угрозу переговоры между представителями обеих кипрских общин, и предпринимать шаги, способствующие формированию климата, необходимого для успеха этих переговоров (Резолюция СБ ООН № 367 от 12 марта 1975 г.). Во-вторых, положительную роль сыграл и миротворческий компонент – в соответствии с резолюцией СБ ООН № 1568 от 22 октября 2004 г. характер операции ООН на Кипре был сохранен при оптимизации ее состава (на острове с 1964 г. находится контингент вооруженных сил ООН – ВСООНК). 12 декабря 2008 г. СБ ООН принял очередную резолюцию № 1847 о продлении его мандата на новые шесть месяцев. Наличие же по разные стороны «зеленой линии», разделяющей остров, не предусмотренных резолюциями СБ сорокатысячного турецкого военного контингента и четырех тысяч военнослужащих Греции (стороны ссылаются на цюрихско-лондонские соглашения 1959 г.) в этих условиях играло роль своего рода противовесов, не нарушавших стабильности.

ООН и по сей день остается главной площадкой для обсуждения ситуации в кипрском урегулировании. Достигнутые при содействии миссии «добрых услуг» в Соглашениях высокого уровня 1977 и 1979 гг. лидерами общин принципы урегулирования на основе двухобщинной двузональной федерации удалось закрепить в резолюциях ООН. Начинаясь неоднократно и прокси-

мальные, и прямые переговоры, многочисленные посреднические инициативы по урегулированию, осуществлявшиеся с 1975 г. с целью воссоединения страны на новой правовой базе, пока не привели к успеху.

Наряду с классической дипломатией предпринимались попытки формализовать предложения по урегулированию кипрского конфликта. Наиболее «продвинутым» документом, составленным при международной поддержке, являлся так называемый «план К. Аннана». История этого составленного экспертами Секретариата ООН «пакета рекомендаций» представляет интерес в контексте появившейся на стыке XX–XXI вв. указанной выше концепции «мягкого вмешательства» – оказания услуг «поставщика» безопасности, а по сути – продвижения национальных интересов на основе формирования полицентричной модели их иерархии.

Внешнеполитическое сопровождение «плана» осуществлялось при активной роли Великобритании и США. Повод для дополнительных усилий, чтобы достичь, наконец, всеобъемлющего кипрского урегулирования, не вызывал сомнений: май 2004 г. был конечной точкой процедуры принятия Республики Кипр в Европейский союз. В преддверии этого события тем более важно было достичь гипотетического объединения греко-кипрской и турко-кипрской частей острова. Вступление в ЕС разделенного Кипра (что и произошло на деле) обещало ворох неприятностей как для европерспективы Турции – важного евроатлантического союзника и крупнейшей региональной державы, так и для углубления внутрисоевского взаимодействия, в частности для судеб Общей европейской политики в области безопасности и обороны и сотрудничества по линии ЕС–НАТО. Согласно доминировавшим тогда, в том числе и в Евросоюзе, оценкам евроинтеграция Кипра открывала «окно возможностей» для кипрского урегулирования – особо благоприятную ситуацию, не использовать которую было бы недопустимо.

Методы продвижения, а точнее навязывания, «плана» кипрским сторонам значительно отличались от предшествующих шагов, предпринимавшихся международным сообществом по Кипру, которые в целом соответствовали призыву Совета Безопасности, содержащемуся в базовой резолюции № 367 (1975 г.), воздерживаться от действий, способных поставить под угрозу кипрские переговоры. Процедура «плана Аннана» предусматривала наличие жестких временных лимитов сроков ведения и окончания переговоров, вступление в силу полномочий «внешнего арбитража» со стороны Генсекретаря ООН, в том числе и касательно оставшихся несогласованными самими киприотами позиций итогового

соглашения. Генсекретарю ООН тем самым делегировалась возможность принимать решения за полномочных представителей самих кипрских общин. Соответственно, ограничивались права самих лидеров общин (а греко-кипрским лидером традиционно является президент международно признанной Республики Кипр). По существу, вопреки всему предыдущему духу резолюций ООН по Кипру, основанных на безусловном уважении независимости и суверенитета принимаемых решений, поле для соблюдения базовых принципов межгосударственных отношений существенно сужалось. Как методология самого этого документа, так и дипломатические усилия по его продвижению носили существенный отпечаток характерного для этого периода «глобального бремени забот по обеспечению нового мирового порядка».

Генеральный секретарь ООН К. Аннан представил 11 ноября 2002 г. кипрским сторонам комплексный план в качестве проекта соглашения по всеобъемлющему урегулированию на Кипре. В начале декабря, в преддверии саммита ЕС в Копенгагене, этот план был откорректирован с целью добиться его принятия сторонами до решения евросаммита о вступлении Республики Кипр в состав ЕС («план Аннана II»). Обе стороны отказались принять документ в существовавшей редакции, однако согласились продолжить консультации по его доработке. 16 декабря 2002 г. Кипр получил приглашение присоединиться к Евросоюзу. В качестве новых временных рамок для принятия «плана» была поставлена дата подписания Кипром Соглашения о присоединении к ЕС, намеченного на 16 апреля 2003 г.

26 февраля 2003 г. новая, третья, редакция «плана Аннана» была вынесена на рассмотрение сторон. В ходе встречи лидеров кипрских общин с Генсекретарем ООН в Гааге 10 марта 2003 г. греки-киприоты, главной внешнеполитической задачей которых было обеспечить вступление в Евросоюз в предусмотренные сроки, согласились, хотя и с оговорками, принять план в качестве основы для урегулирования и вынести его на референдум. Поддерживаемая Турцией турко-кипрская сторона, однако, отвергла «план» целиком, стремясь, как видно, к поднятию запросной «планки» – на переговорах с фиксированным сроком окончания такая методика выглядела соблазнительной. «План III» не был принят.

Отказ турок-киприотов от третьей версии «плана» избавил греков-киприотов от необходимости публичного выбора в отношении инициативы К. Аннана. Решения копенгагенского саммита ЕС в декабре 2002 г.¹, высказавшегося в пользу евроинтеграции Кипра и тем самым оказавшего поддержку линии греков-киприотов, а также отказ турок от «плана Аннана III» в Гааге (март 2003 г.)²

способствовали успеху тактики Никосии. В результате международное сообщество возложило на лидера ТРСК ответственность за провал плана ООН. Соответствующие заявления представителей Великобритании, США, ЕС и России, а также самого Генерального секретаря ООН (доклад в СБ ООН от 1 апреля 2003 г.) были затем подтверждены резолюцией № 1475 СБ ООН от 14 апреля 2003 г.³ Следствием стало подписание в Афинах 16 апреля 2003 г. договора о вступлении Кипра в ЕС без дополнительных условий. Оказавшись в изоляции, Анкара была вынуждена согласиться отложить рассмотрение своей кандидатуры в ЕС – в Копенгагене было принято решение вернуться к вопросу о назначении даты начала переговоров с Турцией о ее вступлении в ЕС на саммите Евросоюза лишь в декабре 2004 г., т. е. после фиксированной даты окончания переговоров по Кипру и вступления в ЕС Кипра.

Дальнейшая цель греков-киприотов виделась в оформлении членства Кипра в ЕС с 1 мая 2004 г., а также во внесении улучшений в план К. Аннана, исправляя его в соответствии с «европейским регламентом». Заработало и «европейское измерение» кипрской тематики. В докладе КЕС от 5 ноября 2003 г. впервые содержалась формулировка о том, что нерешенность кипрской проблемы может оказаться «серьезным препятствием» на пути Турции в Евросоюз⁴. В схожем ключе были выдержаны выводы саммита ЕС по итогам итальянского председательствования (декабрь 2003 г.)⁵. Хотя формально урегулирование кипрской проблемы и не являлось для Анкары критерием соответствия нормам ЕС, в странах Евросоюза крепла убежденность, что Турция также несет политическую ответственность за ситуацию на Кипре.

Дипломатический неуспех побудил Турцию активизировать усилия. Анкара предприняла ряд попыток перевести переговоры по урегулированию в двусторонний (Афины – Анкара) и пятисторонний формат (Греция – Турция – обе кипрские общины – Великобритания). Однако, как и предложения лидера турок-киприотов Р. Денкташа о прямом без участия ООН межобщинном диалоге, они были отклонены. Добиваясь изменения положений «плана Аннана» в свою пользу, Анкара стала вести дело к возобновлению переговоров. Турки-киприоты, дабы продемонстрировать свою «добрую волю», предприняли шаги по облегчению режима доступа для греков-киприотов на север острова через квазипограничную – «зеленую зону»⁶.

Стечение внутривнутриполитических факторов на Кипре и в Греции оказалось на этот раз благоприятным для Анкары. Победа на парламентских выборах в ТРСК (декабрь 2003 г.) М. Талата, обладающего в отличие от Р. Денкташа имиджем умеренного политика,

дала возможность ему выгодно отличаться от греко-кипрского лидера Т. Пападопулоса, занявшего пост президента Республики Кипр в феврале 2003 г. и имевшего репутацию сторонника жесткой линии. После встреч премьер-министра Турции Р.-Т. Эрдогана с президентом США Дж. Бушем и Генсекретарем ООН К. Аннаном (январь 2004 г.) Анкара, судя по всему, получила конструктивный импульс.

Имея принципиальное согласие греков-киприотов на «план» в качестве основы для переговоров, Генеральный секретарь ООН К. Аннан принял решение о возобновлении миссии «добрых услуг» с целью завершения процесса и принятия «плана» еще до формального присоединения Кипра к ЕС – 1 мая 2004 г. При этом еще более отчетливо акцент был сделан на фактор времени и необходимость использования арбитражных полномочий Генсекретаря на встрече с лидерами кипрских общин в Нью-Йорке (февраль 2004 г.), была утверждена жесткая схема переговоров, принятая и Афинами, и Анкарой. Она предусматривала немедленный запуск прямого межобщинного диалога на основе плана ООН. При отсутствии компромисса предполагалось, что содействие сторонам окажут Греция и Турция (март–апрель), а затем к обсуждениям присоединится сам К. Аннан, имевший полномочия предложить, в случае неудачи переговоров, окончательные развязки по всем спорным аспектам урегулирования. В таком виде план напрямую, без обсуждения, выносился бы на утверждение киприотов посредством отдельных референдумов в каждой из общин⁷.

Данная схема уже тогда вызывала вопросы своим ультимативным характером. Опасности предложенных киприотам условий не были секретом. Греки-киприоты, однако, не стали их отвергать, дабы не подкреплять более свою репутацию «неконструктивно» настроенных переговорщиков, тем самым не поставив под угрозу свою позитивную общеполитическую репутацию на заключительной фазе процесса евроинтеграции Кипра. Турки, судя по всему, рассчитывали на учет их интересов в данной схеме.

Прямые межобщинные переговоры, однако, завершились ничем. Подключение к ним в Бюргенштоке (Швейцария) представителей Греции и Турции также не помогло.

На этапе задействования арбитражных функций Генсекретаря знаковым моментом в плане последующих затруднений стал крен пятой версии «плана» к интервенционистским внешнеполитическим методам. По сути, имела место подготовка сознательных шагов, ограничивающих суверенитет международнопризнанной Республики Кипр, способствующих «расшатыванию устоев» – отрицанию целого ряда основополагающих принципов международных отношений.

В отличие от предыдущих вариантов, финальный проект («план Аннана V») предусматривал узаконивание сохранения на постоянной основе на Кипре воинских контингентов Греции и Турции, цели которых выходили далеко за рамки собственно безопасности киприотов. Согласно Договору о гарантиях – составной части «плана Аннана» – одной из основных целей пребывания на Кипре этих войск является защита безопасности учреждающих государств. Закрепление в «плане» положений цюрихско-лондонского (1959 г.) «Договора о гарантиях» оставляло в силе и возможность одностороннего вмешательства стран-гарантов на Кипре. В глазах греков-киприотов это закрепляло военно-политические последствия турецкого вторжения 1974 г., означало легализацию «на века» военной оккупации острова Турцией. Появлялся вопрос, насколько жизнеспособным и суверенным может быть государство, не располагающее собственными вооруженными силами и имеющее вместо этого на своей территории иностранные войска?

Ограничивалась дееспособность основных органов власти нового государства. Ни одно решение в парламенте не могло быть принято без согласия турок-киприотов. Составляя меньшинство населения и обладая установленной половиной мест в верхней палате, они фактически получали бы право вето, проголосовав единодушно. Сомнительной представлялась и независимость Верховного суда, в состав которого должно было входить по три представителя от греков- и турок-киприотов и три представителя иностранных государств. Соответственно высока была вероятность ситуации, при которой окончательное решение зависело бы от решения иностранных граждан («планом» не предусматривалась иерархии законов, этот факт усиливал роль Верховного суда и вероятность того, что не граждане Кипра, а иностранцы принимали бы окончательный вердикт).

Слабый характер «запланированного» центрального правительства проявлялся, помимо прочего, в полномочиях «образующих государств», которые самостоятельно и на постоянной основе могли регулировать на своей территории комплекс вопросов, связанных с правом свободного перемещения, поселения и владения собственностью, регулированием экономической жизни. Учреждались бы, в частности, три центробанка: двум из них на севере и на юге могли бы быть предоставлены эмиссионные функции, а третий, федеральный, должен был бы каким-то образом осуществлять контроль за денежной политикой в целом. По оценкам, стабилизация денежного обращения в таких условиях вряд ли была возможной.

«План» не только принципиально менял государственное устройство Республики Кипр. Посредством учреждения нового государства из «образующих государств» предполагалось неформально приравнять международно признанную Республику Кипр – члена ООН (по турецкой терминологии – Греческую администрацию южного Кипра) – к ТРСК, не признанной никем, кроме Турции.

Реализация на практике тезиса об упразднении признанной всеми в мире Республики Кипр и одновременном формировании «новой федерации» на основе равноправных греко- и туркокипрского «образующих государств» по существу создавало бы прецедент «непорочного зачатия» на карте мира нового государства. Как механизм, так и само содержание задуманной ооновскими экспертами модели такого постконфликтного государственного строительства всерьез нарушали бы устоявшиеся как внутригосударственные в Республике Кипр, так и международные правовые принципы.

Оговоренное в схеме «плана Аннана» проведение референдумов в обеих общинах, которые постфактум должны были бы утвердить привнесенное извне решение, вряд ли является полноценной альтернативой конституционному порядку. Двусмысленно составленные вопросы референдума, попытки создать перед референдумом тотальную информационную атмосферу по принципу «теперь или никогда» трудно соотносятся с демократическими нормами проведения выборов и классической внутригосударственной процедурой свободного и демократического волеизъявления граждан, широкого общественного обсуждения вариантов решения крупной не только международной, но и национальной проблемы.

По сути дела в нарушение стройной системы функций и задач органов ООН речь шла о формировании особых полномочий Генсекретаря ООН. Будучи главным административным должностным лицом ООН, де-факто он брал на себя функции, по результатам сопоставимые с задачами Совета Безопасности ООН. Прецедент резкого усиления полномочий, делегированных сторонами конфликта Генеральному секретарю, вряд ли соответствовал задаче укрепления авторитета и значимости Совета Безопасности ООН в качестве главного органа поддержания международного мира и безопасности.

Главной же опасностью для обеспечения стабильности в регионе, однако, было то, что эта привносимая извне модель урегулирования консервировала межэтнические противоречия на острове, легализовала те значительные и неприемлемые на взгляд греков-киприотов преимущества, которые турки получили после 1974–

1975 гг. По оценкам греко-кипрской стороны в «плане Аннана» был заложен значительный контрпродуктивный межэтнический инструментарий. А именно:

– непропорциональность предложенной схемы территориального размежевания, оставляющей за турками ряд наиболее привлекательных территорий, ранее населенных греками, включая изолированный полуостров Карпасия;

– неравные возможности возвращения беженцев. В те районы, которые будут находиться в ведении турко-кипрской администрации, предусматривался возврат меньшего числа беженцев-греков и по более продолжительному графику, чем у турок-киприотов. Возврат греков сопровождался также некоторыми экономическими затруднениями, в частности возвращением далеко не всей прежней недвижимой собственности их владельцам. Подобные ограничения при этом в меньшей степени распространялись бы на турок-киприотов;

– «протурецкая» модель гражданства будущей Объединенной Кипрской Республики. С учетом проблемы прибывших на остров после 1974–1975 гг. переселенцев из Турции – «неграждан» Республики Кипр, значительному их числу предполагалось предоставить право пребывания на территории турко-кипрского учреждающего государства, а позже – и право приобретения гражданства общего государства. Как результат в греко-кипрской общине широко были распространены опасения, что в конечном итоге различия в коэффициентах рождаемости, непосредственная близость Турции – десятки тысяч турок будут «использовать любую возможность для проникновения на Кипр» – приведут к доминированию на острове турецкой общины.

Нет уверенности, что в случае успеха «плана Аннана» не произошло бы увеличения потенциального конфликтного пространства в стратегически важном районе Восточного Средиземноморья. Большинство экспертов сходилось во мнении, что создаваемое полуконфедеративное государство очень быстро проявило бы свою нежизнеспособность со всеми вытекающими неизбежными новыми политическими и социально-экономическими конфликтами. Особая роль Кипра в чувствительном районе – «нервном узле» Средиземноморья объективно способствовала бы необходимости задействования впоследствии фактора силы. Поле нестабильности всегда увеличивает вероятность задействования силовых внешнеполитических решений.

В результате по итогам переговоров в Бюргенштоке Анкара и ТРСК одобрили последнюю версию плана К. Аннана, руководство греков-киприотов во главе с Т. Пападопулосом однозначно

высказалось против. Был задействован механизм арбитража Генерального секретаря ООН с целью представить на референдумы в обеих общинах «согласованный» текст итоговой договоренности.

В последние дни перед референдумом, назначенным на 24 апреля 2004 г., стремясь повлиять на греков-киприотов и нейтрализовать опасения, связанные с отсутствием гарантий выполнения сторонами принимаемых обязательств, Вашингтон и Лондон представили в СБ ООН проект резолюции, по которой роль гаранта всех соглашений передавалась Совету Безопасности, а обе кипрские общины тем самым призывались проголосовать в пользу «плана». Несмотря на очевидные политические условности – конструкция «внешних гарантий» со стороны коллективного органа, где принятие решений само обусловлено соотношением голосов его членов, носит по меньшей мере умозрительный характер – США и Великобритании удалось заручиться поддержкой или нейтралитетом всех членов СБ ООН, кроме России. Москва – впервые за последние десять лет – использовала право вето⁸. Позиция России сопровождалась аргументацией о техническом характере наложенного вето: российские возражения затрагивали не содержание самого плана или предлагаемые гарантии, а касались попытки извне оказать давление на киприотов и предопределить результат их волеизъявления⁹.

На состоявшихся 24 апреля референдумах в поддержку «плана К. Аннана» высказалось около 65% турок-киприотов. Несмотря на сильнейший международный нажим, более 75% греков-киприотов «план Аннана» отвергли.

Значимость произошедшего, как представляется, велика. Во-первых, после длительного перерыва Москва вновь затвердила роль ключевого внешнего регулятора связей в комплексе отношений вокруг кипрской проблемы. Благодаря принципиальной позиции удалось предотвратить коллизию, чреватую ущербом авторитету важнейшего международного органа. Во-вторых, всегда рассматривая кипрский конфликт в широком международном контексте, на примере «плана Аннана» Москвой было заявлено о неприемлемости принципа навязанного арбитража при урегулировании международных конфликтов. С учетом неразрешенных конфликтов на пространстве бывшего СССР – в зоне российских жизненно важных интересов – это имело особое значение.

В дальнейшем такая антиинтервенционистская позиция – недопущение удушающих искусственных графиков ведения переговоров сторонами конфликта, внешних арбитражных функций и навязывания извне какой-либо модели урегулирования – была развернута и положена в основу предложений о базовых принци-

пах урегулирования региональных конфликтов – составной части российской инициативы о юридически обязывающем договоре о евроатлантической безопасности. Среди них – уважение хельсинкского Заключительного акта, достижение договоренностей самими сторонами в конфликтах; безусловный учет позиций каждой из них; недопустимость силовых вариантов; бережное отношение к существующим переговорным и миротворческим форматам; поэтапность урегулирования, предполагающая приоритетность мер по неприменению силы, укреплению доверия и налаживанию диалога между сторонами; забота о том, чтобы люди, оказавшиеся в зонах конфликтов, не чувствовали себя изолированными.

Что касается кипрского процесса, то после некоторого переходного периода – перезапустить полномасштабный переговорный процесс в 2004–2007 гг. не удавалось – наметились некоторые подвижки. После избрания (февраль 2008 г.) Д. Христофиаса Президентом Республики Кипр состоялся ряд его встреч с лидером турок-киприотов М.А. Талатом. По их результатам под эгидой ООН удалось возобновить сначала переговоры в рамках «технических» комитетов экспертов и рабочих групп, а затем, с 3 сентября 2008 г., и полномасштабный межобщинный переговорный процесс с целью достижения всеобъемлющего и прочного урегулирования.

Пожалуй, впервые за десятилетия на Кипре реализуется наиболее простая и перспективная переговорная модель: «решение кипрской проблемы принадлежит самим киприотам». Лидеры кипрских общин самостоятельно ведут под эгидой ООН поиск такого решения, которое соответствовало бы интересам всех киприотов: и греков, и турок. Хотя переговоры идут непросто, такой их порядок находит растущую поддержку международного сообщества. Европейский парламент, в частности, в своей резолюции от 12 марта 2009 г., принятой по «докладу Турции о ходе ее евроинтеграции», призвал Анкару содействовать созданию благоприятного климата для переговоров, выведя с острова свои войска и позволив двум лидерам «свободно вести переговоры о будущем своей страны»¹⁰. Европарламент вслед за КЕС заявил также о готовности принять «любые достигнутые общинами договоренности» при условии их соответствия принципам, на которых основан Евросоюз. В своей резолюции № 1847 (2008 г.), принятой 12 декабря 2008 г., СБ ООН, непостоянным членом которого является сейчас также и Турция, приветствует запуск полноформатных переговоров 3 сентября 2008 г., достигнутый на них прогресс и заявления лидеров обеих общин¹¹.

«Картбланш», предоставляемый киприотам со стороны международного сообщества, поддержка «суверенной» модели перегово-

ров большинством ведущих стран, надо надеяться, будет способствовать тому, чтобы лидеры кипрских общин и впредь проявляли добрую волю и способность к компромиссам в достижении всеобъемлющего и жизнеспособного урегулирования на благо интересов всех киприотов – и греков, и турок, во имя укрепления стабильности и безопасности в Восточном Средиземноморье.

Примечания

- 1 Текст см. на сайте Европейского союза: [2009]. URL: http://europa.eu.int/constitution/futurum/documents/other/oth121202_en.pdf (дата обращения: 12.03.2009).
- 2 О линии сторон на переговорах см. параграфы 129–140 доклада Генсекретаря Совету Безопасности ООН от 1 апреля 2004 г. на официальном сайте ООН: [2008]. URL: www.un.org/Docs/sc/sgrep03.html (дата обращения: 10.11.2008).
- 3 Полный текст документа S/RES/ 1475 (2003) см. на официальном сайте ООН: [2009]. URL: www.un.org/Docs/sc/unscreolutions03.html (дата обращения: 24.02.2009).
- 4 Полный текст доклада см. на официальном сайте Европейской комиссии: [2009]. URL: http://europa.eu.int/comm/enlargement/report_2003/pdf/rr_tk_final.pdf (дата обращения: 24.02.2009).
- 5 Полный текст документа представлен на сайте Европейского союза: [2008]. URL: http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/78364.pdf (дата обращения: 10.11.2008).
- 6 Письмо Р. Денкташа от 02.04.2003 г. [Электронный ресурс]. [2009]. URL: www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/MainIssues/Cyprus/CyprusLetter02042003.htm (дата обращения: 12.03.2009).
- 7 Логику такой схемы см. в докладе Генсекретаря ООН Совету Безопасности уже по итогам провала «плана К. Аннана» на референдуме – S/2004/437, May 28, 2004, paragraph 12.
- 8 Выступление и. о. Постпреда РФ при ООН Г.М. Гатилова в СБ ООН, 21.04.2004 г. [М., 2004]. URL: www.mid.ru [код документа 879-23-04-04] (дата обращения: 20.06.2004).
- 9 Заявление МИД России «О голосовании в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о кипрском урегулировании, 22 апреля 2004 г.». [М., 2004]. URL: www.mid.ru [код документа 867-22-04-2004] (дата обращения: 20.02.2009).
- 10 Turkey: progress report 2008, P6_TA-PROV(2009)0134 B6-0105/2009 European Parliament resolution of 12 March 2009 on Turkey's progress report 2008.
- 11 S/RES/1847(2008). 12 December 2008.

Г.П. Мельников

КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

В статье анализируются причины развязывания режимом Саакашвили жестокой агрессии против народа Южной Осетии. Исследована роль США и их партнеров по НАТО в развязывании конфликта и действия России по принуждению Грузии к миру. Рассмотрены противоречия, существующие в политических кругах Запада, относительно необходимости сотрудничества с Россией.

Ключевые слова: конфликт, агрессия, принуждение Грузии к миру, гуманитарная катастрофа.

Конфликт в Южной Осетии и Абхазии явился следствием распада Советского Союза. Как известно, при распаде СССР все бывшие советские республики формировались в пределах их бывших административных границ в составе СССР.

В состав советской Грузии на момент распада СССР входили и Абхазия, и Южная Осетия. Однако их включение в состав Грузии, которое было осуществлено в первые годы существования СССР, противоречило воле их народов и никогда ими не признавалось. Абхазия в состав Грузии была включена волевым решением как автономная республика. Так было сделано, несмотря на то что Абхазия исторически никогда не входила в состав Грузии и абхазы сопротивлялись их включению в состав Грузии.

При распаде СССР абхазы и югоосетины решили реализовать свое стремление выйти из состава Грузии и войти в состав Российской Федерации. Они заявили, что не считают себя входящими в состав Грузии, провозгласили независимость и создали собственные органы власти. Это заложило семя конфликта.

В 1991 г. З. Гамсахурдия, бывший тогда президентом Грузии, с призывом «Грузия – для грузин» отдал приказ штурмовать Сухуми

и Цхинвали. Это была первая грузино-абхазская и грузино-осетинская войны. Их итогом явились тысячи погибших, десятки тысяч беженцев (в том числе и грузин), разоренные села. Однако сломить волю абхазского и югоосетинского народов грузинскому руководству не удалось, и они по-прежнему оставались независимыми.

Именно Россия в те годы остановила истребление абхазского и осетинского народов. Она стала посредником и миротворцем, выступив за политическое урегулирование конфликта. При этом Россия исходила из принципа территориальной целостности Грузии, признавала суверенитет центральной власти в Тбилиси над всей территорией, включая Абхазию и Южную Осетию. Россия выступала за решение территориального конфликта мирными средствами, не переводя его в стадию вооруженного столкновения. Такая позиция России воспринималась грузинским руководством как ее стремление сохранить конфликт и помешать возвращению в состав Грузии ее законных территорий. Вплоть до 2004 г. конфликт носил вялотекущий характер. Отношения между Грузией и Россией носили хотя и недружественный, но и не открыто враждебный характер.

С приходом в 2004 г. на пост президента Грузии М. Саакашвили ситуация в регионе коренным образом изменилась. Новый президент взял курс на объединение страны любым путем, не исключая и применение силы. Не в последнюю очередь такой подход определялся стремлением режима Саакашвили войти в состав НАТО и Европейского союза. Однако решение этой проблемы затруднялось неурегулированностью территориальных вопросов. Грузинское руководство сделало ставку на силовое решение проблемы.

В своей политике М. Саакашвили нашел полную поддержку со стороны администрации США и НАТО, предоставивших Грузии значительную военную помощь. По некоторым оценкам, эта помощь составила порядка 2 млрд долл. История знает мало примеров столь значительных финансовых вливаний со стороны США в прозападные режимы.

Вооружая режим Саакашвили, Соединенные Штаты преследовали свои стратегические цели. Они давно поставили перед собой задачу закрепиться в Закавказье. Эта зона рассматривалась американскими стратегами как район, который давал возможность оказывать влияние на многие страны. Он давал возможность контролировать стратегически важные источники нефти и газа, а также пути их доставки; позволял приблизить свою военную машину и потенциал НАТО к южным границам России и к территории Китая; создать прямую военную угрозу территории Ирана, оказывая тем самым постоянное давление на него.

Готовность режима Саакашвили к широкому военному сотрудничеству с Вашингтоном, включая размещение американских военных баз на территории Грузии, о чем нередко заявлял сам М. Саакашвили, определяло широкую заинтересованность администрации Дж. Буша-младшего в Грузии как надежном партнере. В этих условиях принятие Грузии в НАТО рассматривалось в Вашингтоне как задача первостепенной важности. Сдерживающим фактором на пути осуществления планов Вашингтона являлась неурегулированность территориальных конфликтов в Грузии.

В условиях, когда Абхазия и Осетия категорически отказывались от вхождения в состав Грузии, ни сам М. Саакашвили, ни его американские покровители не видели иных путей решения территориального вопроса кроме как вооруженным путем.

Администрация Дж. Буша взялась за накачивание режима Саакашвили вооружениями, обучение личного состава грузинских вооруженных сил обращению с современным оружием и современной тактике войны. Оружие поставлялось разными странами, в том числе и Украиной на американские деньги.

В военном накачивании режима Саакашвили для администрации Дж. Буша был еще один расчет. Образование на южном Кавказе, где существовали и другие конфликтные ситуации, режима, обладающего значительным военным потенциалом, не могло не привести к дестабилизации политической обстановки. В таком случае возможности США влиять на ситуацию в регионе значительно возрастали. В этих условиях агрессия Грузии против Южной Осетии являлась вполне закономерным и ожидаемым событием.

Режим Саакашвили, вооруженный на деньги США, давно демонстрировал свое желание прибегнуть к силе для решения территориального вопроса. Об этом свидетельствовали бесчисленные обстрелы территории Южной Осетии из различных видов оружия, включая артиллерию, вторжения грузинских военных подразделений, рейды грузинского спецназа, опять же обученного американскими инструкторами, на территорию республики.

Победоносная война против небольшой мирной республики помимо решения территориального вопроса имела цель, с одной стороны, испытать способность режима Саакашвили реализовать свой военный потенциал, а с другой – презентовать нового американского партнера, обладающего значительной военной силой и готового без колебания пустить его в ход. Принятие Грузии в НАТО значительно увеличило бы ее политический вес и привело бы к серьезному изменению сложившегося к тому времени соотношения сил в регионе, что, по расчетам американских стратегов, привело

бы к ослаблению влияния России, чего так настойчиво и последовательно добивался Вашингтон.

Неоднократные предупреждения, высказывавшиеся Россией, о том, что милитаризация зон конфликта неизбежно приведет к войне, игнорировались и Соединенными Штатами, и другими западными странами. Такая позиция Запада лишь подталкивала Грузию к агрессии. Уже в ходе вооруженного конфликта М. Саакашвили признался, что Госдепартамент США убеждал его в том, что Россия лишь играет, выступая с такими предупреждениями. Странную позицию в данной ситуации заняла и ОБСЕ, которая, по словам генерал-полковника А. Ноговицына, знала о готовящейся агрессии, но не представила никакой информации ни Южной Осетии, ни России. Многие эксперты обратили внимание на то, что агрессия Грузии началась вскоре после визита госсекретаря США в Тбилиси. Поэтому возникают большие сомнения относительно правдивости слов самой К. Райс о том, что она пыталась отговорить М. Саакашвили от агрессии.

Таким образом, при подготовке агрессии против Южной Осетии в расчеты администрации Дж. Буша и режима Саакашвили совершенно не входили гуманитарные последствия подобных действий. В их планы входило уничтожение и полное вытеснение осетинского населения. Это подтверждается даже циничным названием проводившейся операции – «Чистое поле».

Результаты агрессии режима Саакашвили против Южной Осетии были шокирующими: расстрел спящего Цхинвали и приграничных сел системами залпового огня, стрельба прямой наводкой из танковых орудий по мирным объектам, преднамеренные и массовые убийства мирных жителей. Такая первобытная жестокость, осуществлявшаяся вооруженными силами современного государства, не могла быть спонтанной. Она могла быть только инициированной государством. Действия грузинских войск в отношении мирного населения Южной Осетии противоречили не только нормам права и морали, они противоречили самой человеческой сущности.

Итогом грузинской агрессии явились 1600 убитых, несколько тысяч раненых. Кроме того, в результате грузинского нападения погибло 15 человек из состава российского контингента миротворцев, 70 человек были ранены¹. Грузинские войска целенаправленно уничтожили всю гражданскую инфраструктуру. Республика была ввергнута в состояние гуманитарной катастрофы.

Посетивший позднее разрушенный Цхинвал Комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг назвал увиденное в городе «результатом безумия войны». «То, что здесь произошло

две недели назад, – сказал он, – не должно повториться. Это оскорбление человечества. Оскорбление человеческих прав»².

Война сорвала с мест постоянного проживания большое число мирных жителей. 30 тыс. человек, в том числе 6 тыс. детей, бросив свои дома и имущество, спешно покидали зону боевых действий. Основной поток беженцев направился в Северную Осетию.

В этих условиях только Россия взяла на себя ответственность по подавлению грузинской агрессии и принуждению Грузии к миру. В течение пятидневной операции грузинские вооруженные силы были фактически разгромлены. Это и послужило причиной выдвижения руководителями некоторых стран Запада, в том числе и США, обвинений в адрес России в чрезмерном использовании военной силы.

Сразу после прекращения боевых действий Министерство по чрезвычайным ситуациям России организовало помощь местному населению. Так, в Цхинвали была организована работа пунктов питания, на которых ежедневно кормили до 1500 человек. Помощь продовольствием была оказана и населенным пунктам, расположенным на территории Грузии. По данным С. Шойгу, МЧС России в течение четырех дней поставляло в Гори по 40–45 тонн продовольствия ежедневно³. Однако эта работа была сорвана грузинскими властями, которые в очередной раз продемонстрировали пренебрежение интересами простых людей.

Еще до окончания боевых действий в Южной Осетии Правительство РФ приняло решение об оказании помощи этой небольшой кавказской республике в размере 10 млрд руб. При этом задачи, которые российское правительство поставило в связи с предоставлением этой помощи, заключались не только в том, чтобы ликвидировать последствия гуманитарной катастрофы, но и заложить фундамент устойчивого социально-экономического развития региона.

Решительная и жесткая реакция со стороны России оказалась неожиданной не только для режима Саакашвили, но и для Вашингтона. Действия России нарушили планы США. Проявив свою решительность, Россия показала, что она намерена дать отпор агрессии и защитить свои интересы. Как отмечали некоторые американские эксперты, события в Южной Осетии показали Белому дому, что «из номинального стратегического партнера Россия превратилась в реального стратегического конкурента, по крайней мере, в Закавказье»⁴.

Уже с началом боевых действий грузинское руководство с целью сокрытия своего преступления предприняло массированную кампанию информационной войны. Она состояла из потока зачастую прямо противоположных по смыслу заявлений, наглой

дезинформации, односторонне поданных или искаженных фактов. Эти измышления были подхвачены американскими и некоторыми другими западными средствами массовой информации. Характерно, что в тех из них, которые выступали с осуждением России, действия Грузии никак не рассматривались и не анализировались.

Смысл всей этой затеи состоял в том, чтобы скрыть подлинные причины конфликта, свести все события на Кавказе к российско-грузинскому противостоянию, представить Россию в качестве агрессора, а Грузию в качестве ее жертвы. Беспардонная ложь и извращение фактов стали главными аргументами во всей этой вакханалии. В нагнетании антироссийского психоза приняли участие самые высокопоставленные деятели американской администрации – президент Дж. Буш, вице-президент Д. Чейни, государственный секретарь К. Райс. Характеризуя приемы западных политиков и средств массовой информации, глава Правительства России В. Путин отмечал: «Удивляет масштаб цинизма, удивляет умение выдавать белое за черное и черное за белое. Умение ловко выставить агрессора в качестве жертвы агрессии и возлагать ответственность за последствия на самих жертв».

Цель всей этой кампании состояла, во-первых, в том, чтобы обелить режим Саакашвили и скрыть ту неприглядную роль, которую играли США в подготовке грузинской агрессии. Во-вторых, администрация Дж. Буша намеревалась воспользоваться событиями на Кавказе, чтобы выставить Россию в неприглядном свете в глазах международного сообщества и изолировать ее. В более широком плане эти действия были направлены на то, чтобы не допустить дальнейшего роста и укрепления авторитета России, ее внешней политики, что чрезвычайно беспокоило американскую администрацию.

Грузино-югоосетинский кризис оживил на Западе сторонников жесткого ответа России. Наиболее видными представителями этой группы являлись кандидат на пост президента США от Республиканской партии Дж. Маккейн и лидер оппозиционной Консервативной партии Великобритании Д. Кэмерон. Этой группой агрессивного давления был составлен целый пакет мер воздействия на Россию. Они включали: замедление процесса принятия РФ во Всемирную торговую организацию и Организацию экономического сотрудничества и развития, куда Россия подала заявки о вступлении; исключение России из «большой восьмерки»; замораживание работы Совета Россия – НАТО; отказ от разработки нового соглашения о стратегическом партнерстве между Россией и Евросоюзом; ужесточение визового режима для российских граждан на территории ЕС и США; введение против России финансово-экономи-

ческих санкций, вплоть до замораживания банковских счетов ее граждан; начало судебного процесса против россиян, принимавших и выполнявших решения в отношении операции по защите Южной Осетии. Наряду с этим предлагалось в ускоренном порядке принять Грузию и Украину, а возможно, и Молдавию в НАТО. Одновременно в некоторых кругах в США поднимался вопрос об отказе от участия в Сочинской Олимпиаде⁵.

Все эти планы свидетельствовали о том, что ментальность «холодной войны» еще прочно сидела в головах некоторых западных политиков.

В немалой степени действия США в ходе грузино-югоосетинского кризиса имели целью не допустить расширения сотрудничества между Россией и европейскими странами, которое в последние годы заметно окрепло и приобрело новые качества. Не случайно поэтому для оказания давления на Россию в Черное море к берегам Грузии была направлена группа кораблей стран НАТО. Среди них были корабли ряда европейских стран, которые прибыли туда, подчиняясь блоковой дисциплине. Совместное присутствие натовских кораблей в Черном море рассматривалось администрацией Дж. Буша как своего рода выражение единства стран НАТО в противодействии России.

Руководители США и НАТО выступили с заявлениями о намерении восстановить военный потенциал Грузии, практически уничтоженный в ходе конфликта. Подобные заявления и нарастание в Грузии националистических и реваншистских настроений создавало опасность повторения военной агрессии Грузии против Южной Осетии. Подобное развитие событий вынудило Россию принять самые решительные шаги по обеспечению безопасности Южной Осетии и Абхазии. В этих условиях российское руководство считало наиболее надежными средствами признание их независимости и заключение с ними договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Грузинский президент, любивший рассуждать о территориальной целостности Грузии, развязав агрессию против Южной Осетии, фактически перечеркнул эту целостность.

26 августа 2008 г. Президент России Д. Медведев подписал указы о признании независимости Южной Осетии и Абхазии. Это решение было основано на свободном волеизъявлении народов Абхазии и Южной Осетии, выраженном в ходе состоявшихся референдумов и неоднократных обращениях республиканских парламентов Абхазии и Южной Осетии к России с просьбой о признании их государственного суверенитета. Одновременно Россия выразила заинтересованность в том, чтобы гарантии безопасности были даны Южной Осетии и Абхазии и международным сообществом.

Признание независимости Абхазии и Южной Осетии дало России право заключать с ними военно-технические контракты, обучать их военный персонал в российских училищах, поставлять оружие и боевую технику, посылать своих инструкторов. Россия может также создать на территории Абхазии и Южной Осетии свои военные базы. В свою очередь эти страны получили возможность стать членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и других международных организаций на пространстве СНГ.

Твердые и решительные действия России по подавлению грузинской агрессии вместе с тем не означали ее намерений к противоборству с кем бы то ни было. На самом высоком уровне Россия неоднократно заявляла, что она стремится к продуктивным, нормальным, самое главное – уважительным отношениям с нашими западными партнерами, указывая на то, что операция по приведению Грузии к миру являлась вынужденной акцией по защите российских граждан и миротворцев и предотвращению геноцида народа Южной Осетии.

Россия еще до окончания боевых действий объявила о своей готовности к широкому обсуждению вопросов по урегулированию конфликта. Инициатива России была реализована в ходе визита 12 августа 2008 г. в Москву президента Франции – страны, исполнявшей функции председателя Европейского союза. В ходе этого визита президентами Д. Медведевым и Н. Саркози были согласованы и приняты шесть принципов урегулирования конфликта в Южной Осетии.

Этот документ, получивший название «План Медведева – Саркози», предусматривал окончательное прекращение всех военных действий и запрещение использования военной силы в зоне конфликта; отвод вооруженных сил Грузии и России в места их постоянной дислокации; свободный доступ гражданского населения к гуманитарной помощи; начало международного обсуждения вопросов статуса Южной Осетии и Абхазии.

В ходе урегулирования конфликта наладился эффективный диалог и взаимопонимание между Россией и Европейским союзом, которое вышло за пределы обсуждаемой темы. Позиция Евросоюза отличалась от позиции США. Это различие получило отчетливое выражение в выступлениях руководителей США и Франции в ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН. В отличие от Дж. Буша, призвавшего членов ООН «проявить солидарность и оказать поддержку народу Грузии», выступивший вслед за ним президент Франции Н. Саркози заявил, что «Европа хочет построить с Россией совместное будущее. Она хочет быть партнером России».

«Почему бы нам, – заявил Н. Саркози, – в рамках всего континента не создать общее европейское пространство, которое объединяло бы Россию и Евросоюз».

Эта позиция получила поддержку в ходе саммита Европейского союза в Брюсселе, проходившего в начале сентября 2008 г. Большая часть его участников, преимущественно страны Старой Европы, высказалась за дальнейшее развитие отношений с Россией, против введения санкций. Министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер заявил в связи с этим: «Даже в этой серьезной политической ситуации важно сохранить остатки разума. И помнить, что Россия прежде всего наш сосед, и в наших собственных интересах вернуться к нормальным отношениям»⁶.

Сближение России и Европы было обусловлено, прежде всего, наличием общих интересов. Это и энергетические вопросы, проблемы борьбы против международного терроризма, наркотрафика и организованной преступности, вопросы углубления сотрудничества в экологической области и, конечно, необходимость создания эффективных механизмов обеспечения европейской безопасности, что особенно отчетливо продемонстрировала агрессия Грузии против Южной Осетии.

События на Кавказе показали необходимость создания новой системы безопасности в Европе. С точки зрения Москвы, эта система должна быть равной для всех – без изоляции кого-либо и без зон с разным уровнем безопасности. Она должна быть создана в юридически обязывающей форме. Лучшей формой такой системы безопасности, по мнению Москвы, мог бы стать Договор о европейской безопасности, который мог бы объединить все страны Евро-Атлантического региона от Ванкувера до Владивостока на основе «единых правил игры».

Примечания

- 1 Российская газета. 2008. 12 авг.
- 2 Российская газета. 2008. 25 авг.
- 3 Российская газета. 2008. 21 авг.
- 4 Российская газета. 2008. 10 авг.
- 5 Компас. 2008. № 35. С. 20.
- 6 Российская газета. 2008. 2 сент.

М.В. Опарина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются противоречия, связанные с соотношением силы права и права силы, которое состоит в том, насколько правомерно использование силы в системе международных отношений. Также проводится сравнительно-правовой анализ источников международного права, регулирующих сферу вооруженных столкновений государств и отдельные случаи в практике международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, право, агрессия, международный мир, Устав ООН, Международный суд, применение силы, безопасность, вооруженные силы, «Аль-Каида».

Противоречия, связанные с соотношением силы права и права силы, состоят в том, насколько правомерно использование силы в системе международных отношений. В этих целях необходимо провести сравнительно-правовой анализ источников международного права, регулирующих сферу вооруженных столкновений государств и отдельные случаи в практике международных отношений.

Отказ от угрозы силой или ее применения в международных отношениях является общеобязательным правилом поведения государств. По смыслу нормы права ст. 2 Устава ООН использование государством угрозы силой или ее применение является незаконным, если это направлено «как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН». Существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии определяет Совет Безопасности (СБ) (ст. 39 Устава), давая при этом рекомендации или принимая решения о мерах,

которые следует предпринять (с использованием вооруженной силы или без ее применения) для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Следовательно, нормы международного права предусматривают как неправомерные, так и правомерные случаи применения государствами силы.

К первой категории случаев прежде всего относится агрессия. В преамбуле резолюции № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) об определении агрессии от 14 декабря 1974 г. это юридическое понятие характеризуется как «наиболее серьезная и опасная форма незаконного применения силы» в международных отношениях. В этой связи следует отметить, что эта резолюция имеет более высокий, официально признанный статус – ее положения, как это следует из решения Международного суда ООН от 27 июня 1986 г. по делу «Никарагуа против США», стали нормами обычного международного права.

В соответствии с резолюцией, агрессией является применение вооруженной силы государством или группой государств против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

На основе юридических норм Устава ООН Совет Безопасности ООН может дать правовую оценку самому факту применения вооруженной силы, учитывая различные сопутствующие обстоятельства, включая то, что соответствующий акт или его последствия не носят достаточно серьезного характера (ст. 2). Именно так он поступил в отношении Ирака в 1991 г., когда его войска оккупировали Кувейт. Эти действия были охарактеризованы Советом Безопасности не как агрессия, а как «незаконное вторжение» и «незаконная оккупация» Кувейта¹.

Нормы права ст. 3 резолюции независимо от объявления войны квалифицируют как акт агрессии следующие действия:

а) вторжение или нападение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

с) блокада портов или берегов государства силами другого государства;

д) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

е) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

ф) действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил и наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Нормы права ст. 4 резолюции предусматривают, что вышеприведенный перечень действий, квалифицирующихся как акты агрессии, не является исчерпывающим, и Совет Безопасности может определить, что и другие акты представляют собой агрессию согласно нормам прав ст. 39 Устава ООН.

В связи с положениями этой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН Международный суд ООН отметил по делу Никарагуа против США, что «в настоящее время имеется общее согласие относительно характера актов, которые могут считаться вооруженным нападением»².

Можно лишь предположить, что Суд исходил из того, что в соответствии со ст. 39 Устава ООН Совет Безопасности сам определяет наличие акта агрессии с учетом степени серьезности и масштабов применения вооруженной силы и его последствий по смыслу ст. 2 резолюции. Свое право Совет Безопасности ООН использовал при принятии резолюций № 1368 от 12 сентября 2001 г. и 1373 от 28 сентября 2001 г. в связи с террористическими актами международной организации «Аль-Каида» в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.

В соответствии с этими резолюциями совершенные акты агрессии были квалифицированы как крупномасштабные террористические акты, представляющие угрозу международному миру и безопасности. По существу Совет Безопасности ООН приравнял эти акты к вооруженному нападению, подтвердив тем самым «неотъемлемое право на самооборону», признанное в Уставе ООН. Сославшись на самооборону, Совет Безопасности ООН тем самым санкционировал создание Международных сил содействия безопасности и международные усилия по искоренению терроризма и, по сути, молчаливо подтвердил право США на проведение военной

операции против «Аль-Каиды» и режима талибов в Афганистане. Он расширил толкование понятия «вооруженное нападение» и распространил его также на террористические акты крупного масштаба, совершенные не государством, а международной террористической организацией, явно поддерживаемой властью какого-либо государства или действующей при его попустительстве, и направленные против другого государства.

Следует заметить, а также подчеркнуть, что некоторые виды вооруженного нападения не охвачены в ст. 3. Так, например, объявление одним государством войны другому с целью решения каких-либо вопросов, которые им не удалось урегулировать мирными средствами, даже без последующего начала фактических военных действий первым государством, все равно может быть приравнено по юридическим последствиям к вооруженному нападению и дает основание второму воспользоваться правом на самооборону.

Нормы права ст. 5 Резолюции об определении агрессии подтверждают, что никакие соображения политического, экономического, военного или иного характера не могут служить оправданием агрессии (ст. 1). Агрессивная война является преступлением против международного мира и влечет за собой международную ответственность (п. 2). Никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными (п. 3). В то же время ничто в определении агрессии не должно толковаться как расширяющее или сужающее каким-либо образом сферу действия Устава ООН, включая его положения, касающиеся случаев, в которых применение силы является законным (ст. 6).

Кроме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об определении агрессии, существуют и другие источники международного права, регулирующие отношения, связанные с неправомерным применением силы или угрозой ее применения прямым или косвенным способом.

Так, Декларация о принципах международного права 1970 г. устанавливает обязанности государств «воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства», а также «от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов <...>», когда они связаны с угрозой силой или ее применением.

Декларация об укреплении международной безопасности 1970 г. подтверждает, что «территория государства не должна быть объектом военной оккупации в результате применения силы в нарушение положений Устава, что территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения, что никакое приобретение в результате угрозы силой или ее применения не должно признаваться законным и что каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве» (п. 5).

В Заключительном акте СБСЕ 1975 г. нормы права устанавливают, что государства – участники СБСЕ будут воздерживаться также от «прямого или косвенного применения силы» друг против друга, в том числе «с целью осуществления его суверенных прав», и от «любых актов репрессалий с помощью силы».

Значительный комплекс мер этой проблемы отражен в Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. Анализ этого источника международного права, принципы которого получили широкое признание в практике международных отношений, свидетельствует о том, что нормы права Декларации:

а) определяют случаи не только *прямой угрозы* силой или ее применения, исходящей непосредственно от вооруженных сил и органов власти одного государства и направленной против другого государства, но и *косвенной*, т. е. посредством подстрекательства, организации или финансирования органами власти одного государства насильственных действий граждан другого государства против конституционного порядка в этой стране;

б) подтверждают, что «ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме или по какой-либо то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств» (преамбула);

в) возлагают на государства обязанность воздерживаться от попыток:

– «нарушить политический, социальный или экономический порядок других государств, свергнуть или изменить политическую систему другого государства или его правительство» (п. II-а);

– «дестабилизировать или подрывать стабильность другого государства или любого из его институтов» (п. II-е);

– «содействия мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах (п. II-ф);

– «использования или искажения вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами и группой государств» (п. II-1) и другие;

г) закрепляют положение, что «суверенное и неотъемлемое право государства свободно определять свою собственную политическую, экономическую, культурную и социальную систему, развивать свои международные отношения и осуществлять неотъемлемый суверенитет над своими природными ресурсами в соответствии с волей своего народа без внешней интервенции, вмешательства, подрывной деятельности, принуждения или угрозы в какой бы то ни было форме» (п. I-b).

Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях 1987 г. подтверждает «обязанность государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или любой другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной неприкосновенности любого государства» (преамбула).

Резолюция № 53/101 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1998 г., содержащая «Принципы и установки для ведения переговоров», также подтверждает обязательства государств воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения в нарушение Устава ООН и от вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (п. I-b и I-d), и определяет, что «всякое соглашение является ничтожным, если его заключение явилось результатом от угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе» (п. I-g).

В Кодексе поведения, касающемся военно-политических аспектов безопасности, принятом во время Будапештской встречи государств – участников СБСЕ в 1994 г., устанавливается, что «они не будут оказывать содействия или поддержки государствам, нарушающим свое обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН и Декларацией принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащихся в Хельсинкском Заключительном акте» (п. III-8).

Нормы права главы VII Устава ООН регулируют вторую категорию случаев – отношения, связанные с правомерным приме-

нием силы государствами как субъектами международного права, т. е. ее применения таким образом, который был бы совместим с целями ООН, именно как исключение из общего правила о неприменении силы в международных отношениях, как крайнюю меру, к которой прибегают лишь тогда, когда исчерпаны все мирные средства для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. В соответствии с Уставом ООН, государства могут применять силу правомерным образом в двух случаях:

- а) по решению Совета Безопасности для устранения любой угрозы или нарушения международного мира и безопасности;
- б) в порядке самообороны в случае вооруженного нападения.

В связи с этим следует отметить, что в российской доктрине вопрос об угрозе силой исследован недостаточно. В практике международных отношений руководители государств нередко применяли угрозу (прямую или косвенную; «стереть с лица земли», «запустить ракеты никого не спрашивая» и т. п.) для достижения политических интересов. Так, например, каждый президент США в период своего четырехлетнего срока (как минимум один раз) создает предпосылки для вооруженного конфликта международного характера.

По мнению автора настоящего исследования, угрозы подобного рода могут быть признаны как нарушение Устава ООН лишь в случаях, когда они сопровождаются материальной подготовкой к развязыванию вооруженного конфликта. Но определить все критерии по этому поводу достаточно сложно, так как эти вопросы следует рассматривать в каждом отдельном случае.

Правовой анализ правомерного применения силы целесообразно провести по следующим направлениям:

- а) применение силы по решению Совета Безопасности ООН;
- б) применение силы в порядке самообороны:
 - превентивное применение силы;
 - упреждающее применение силы.

Применение силы по решению Совета Безопасности ООН осуществляется им после установления существования любой угрозы миру, любого факта нарушения мира или акта агрессии (ст. 39 Устава). После этого Совет может воспользоваться своим правом и потребовать от заинтересованных сторон выполнения временных мер по его устранению (ст. 40 Устава). Для осуществления своих решений Совет может потребовать от государств – членов ООН применения мер, не связанных с использованием вооруженных сил, например таких, как полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, телеграфных, радио- или других средств сообщения, а также

разрыв дипломатических отношений (ст. 41). И только после того, если Совет сочтет, что эти меры могут оказаться недостаточными, он имеет право предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами государств-членов ООН, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, включая демонстрации, блокаду и другие операции (ст. 42).

В этих целях по требованию Совета все государства-члены ООН обязаны предоставлять в его распоряжение вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода на условиях и в объемах, которые должны быть определены в отдельных соглашениях между ними и Советом (ст. 43).

Для обеспечения возможности ООН организовать мероприятия военного характера государства-члены обязаны поддерживать в состоянии немедленной боевой готовности контингенты вооруженных сил для совместных действий (ст. 45). Право Совета определять, какие из этих государств привлекаются к осуществлению действий, необходимых для выполнения его решений в целях поддержания международного мира и безопасности. Такие решения Совета выполняются государствами непосредственно, а также путем их действий в соответствующих международных учреждениях, членами которых они являются (ст. 48).

Кроме того, в главе VIII Устава ООН предусмотрено взаимодействие Совета Безопасности с региональными организациями в проведении операций по поддержанию международного мира. Так, нормы права п. 1 ст. 53 Устава ООН устанавливают, что Совет Безопасности может использовать такие региональные соглашения и организации для «принудительных действий под его руководством. Однако никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий Совета Безопасности <...>».

Самостоятельность региональных действий без предварительного одобрения их Советом Безопасности ограничивается лишь мирными инициативами по решению региональных споров (п. 2 ст. 53). Также можно вести речь о «правомерности их действий по оказанию помощи по просьбе своих членов в порядке самообороны в случае вооруженного нападения на последних». Что же касается всех других случаев применения силы региональными организациями, то в соответствии с нормами права Устава ООН Совет Безопасности:

1. Контролирует все военные операции, санкционированные им, в соответствии с выданным мандатом.

Именно с этих позиций можно объяснить полномочия Военно-штабного комитета, который при необходимости уполномочен, с разрешения Совета и после консультаций «с надлежащими региональными органами», учреждать свои региональные подкомитеты (п. 4, ст. 53).

2. Самостоятельно определяет (ст. 48), какие именно государства–члены ООН, включая участников региональных организаций, принимают участие в операциях с применением вооруженных сил³.

3. Возлагает на участников региональных соглашений или организаций обязанность всегда полностью информировать его о действиях, принятых или намечаемых ими для поддержания международного мира и безопасности.

В процессе эволюции международных отношений неоднократно высказывались мнения о пересмотре полномочий Совета Безопасности и положений главы VIII Устава ООН. Так, например, на Всемирном саммите государств–членов ООН, состоявшемся в 2005 г., высказанные предложения о передаче части компетенции Совета региональным организациям, и в первую очередь штабквартире Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО на Атлантике, не получили одобрения со стороны большинства участников. В Итоговом документе саммита было выражено стремление международного сообщества о совершенствовании правовой основы, регулирующей формы сотрудничества Совета Безопасности ООН с региональными организациями.

Основные положения, как следует из документа, сводились к следующему:

– в целях предотвращения вооруженных конфликтов доминирующую роль должна играть ООН, а не региональные организации (как например, НАТО) (по этому поводу было достигнуто согласие государств-участников об «официальном оформлении соглашений между соответствующими секретариатами»);

– для проведения миротворческих операций, государства–члены ООН создают потенциал в области предотвращения вооруженных конфликтов и передают его в распоряжение ООН с дальнейшей возможностью сделать его частью системы резервных соглашений ООН.

Вопросы по укреплению «жизненно важной роли ООН» и ее возможностей проведения миротворческих операций с тем, чтобы в будущем не делегировать такие полномочия региональным организациям, обсуждались и на декабрьском саммите 2005 г. Там обсуждался вопрос о создании Комиссии по миростроительству как

межправительственного консультативного органа для обеспечения «скоординированного последовательного и комплексного подхода к постконфликтному миростроительству и примирению»⁴.

При анализе случаев применения силы в порядке самообороны в рамках настоящего исследования следует рассмотреть случаи применения силы превентивного и упреждающего характера.

Нормы права ст. 51 Устава ООН признают «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

Устанавливая, что «о мерах, принятых в порядке самообороны, государство–член ООН должно немедленно информировать Совет Безопасности, и эти меры несколько не ограничивают ответственность Совета и его полномочия предпринять в любое время такие действия, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности», международное сообщество предусмотрело возможность ограничить вооруженный конфликт уже на начальной стадии его развития. Таким образом, «право на самооборону» преследует цель восстановить нарушенный вооруженным нападением международный правопорядок.

Субъект вооруженного нападения, как следует по смыслу ст. 51 Устава, не уточняется. Длительное время подразумевалось, что вооруженное нападение осуществляет государство или группа государств. Это следует также из определения агрессии.

Однако, по справедливому замечанию американского профессора М. Шмитта, по мере учащения и увеличения масштабов актов терроризма мировое сообщество начинает приходить к выводу о необходимости относиться к ним как к угрозе международному миру – по юридическим последствиям – как к вооруженному нападению⁵.

В связи с этим юристы-международники обращают внимание на необходимость расширительного толкования понятия «самооборона». Так, например, Совет Безопасности ООН в 1992 г. в ответ на террористические акты против самолета компании «Пан-Америкен» (дело Локерби, 1988 г.) и самолета авиакомпании УТА (1989 г.) подтвердил «право всех государств ... защищать своих граждан от международных террористических актов, представляющих угрозу для международного мира и безопасности». Он также выразил озабоченность в связи с нежеланием Ливии оказать всемерное содействие в установлении лиц, ответственных за эти акты⁶.

Совет Безопасности ООН на основании п. 4 ст. 2 Устава подтвердил, что «каждое государство обязано воздерживаться от организации террористических актов в других государствах, подстрекательства к ним, пособничества им или участия в них, а также от допущения на своей территории организованной деятельности, направленной на совершение подобных актов, если подобные акты связаны с угрозой силы или ее применения». Отказ Ливии от сотрудничества Совет Безопасности квалифицировал как угрозу международному миру и безопасности⁷.

В связи с попыткой убийства президента Египта Совет Безопасности подтвердил в резолюции № 1044 (1996 г.), что «пресечение актов международного терроризма <...> является необходимым элементом поддержания международного мира и безопасности». Взрывы в посольствах США в Найроби и Дар-эс-Саламе в 1998 г. были также осуждены Советом Безопасности как «акты, которые пагубно сказываются на международных отношениях и ставят под угрозу безопасность государства».

Особое беспокойство Совета Безопасности с конца 90-х гг. XX столетия вызывало положение в Афганистане. Он неоднократно осуждал действия террористических организаций – «продолжающееся использование территории Афганистана и особенно подконтрольных Талибану районов для укрытия и обучения террористов и планирования террористических актов» и вновь подтвердил свою убежденность в том, что пресечение международного терроризма необходимо для поддержания международного мира и безопасности⁸.

Развитие событий в Афганистане показало, что угроза миру, исходящая от деятельности террористических организаций, носила не региональный, а глобальный характер. Таким образом, профессор М. Шмитт имел все основания утверждать, что «к сентябрю 2001 г. сформировалось совершенно ясное понимание того, что как международный терроризм, так и разрешение использовать свою территорию для террористической деятельности могут квалифицироваться как «угроза миру». А Совет Безопасности в таких случаях имеет полное право принять решение о принудительных действиях, включая применение силы»⁹.

После террористических актов 11 сентября 2001 г., совершенных в Нью-Йорке и Вашингтоне, Совет Безопасности ООН в своих резолюциях № 1368 и 1373 подтвердил право США на самооборону и тем самым право на проведение военной операции США против «Аль-Каиды» и режима талибов в Афганистане. Такое решение означало, что Совет Безопасности расширил толкование понятия «вооруженное нападение», распространив его

на террористические акты крупного масштаба, совершенные не государством, а международной террористической организацией, явно поддерживаемой государственной властью какой-либо страны или действующей при ее попустительстве против другого государства.

Кроме того, на основании этого решения расширительное толкование получило понятие «право на самооборону». Иначе говоря, правомерными можно считать применение государством силы в порядке самообороны, направленной не только на вооруженное нападение со стороны регулярных вооруженных сил другого государства, но и в ответ на крупномасштабные террористические акты, совершенные против него международной террористической организацией при явной поддержке или попустительстве другого государства.

В решении Международного суда по делу «Никарагуа против США» также содержатся дополнительные условия для того, чтобы определить, в каком случае неправомерное применение силы в международных отношениях можно квалифицировать как «вооруженное нападение» и, следовательно, определить, возникает ли при этом право на самооборону. Как следует из указанного определения Международного суда, такое применение силы должно отличаться «значительным масштабом» и иметь «последствия»¹⁰.

Можно предположить, что это определение Суда основывается на нормах права ст. 2 резолюции № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН об определении агрессии¹¹, согласно которой Совет Безопасности может и не сделать вывода о совершении акта агрессии «в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера». В том же определении Международного суда устанавливается: «Суд считает, что понятие “вооруженное нападение” включает в себя действия не только вооруженных банд, имеющих значительный масштаб, но и оказание повстанцам в форме предоставления им оружия материально-технической или иной помощи. Такое содействие может рассматриваться как угроза силой или ее применение или представлять собой вмешательство во внутренние или внешние дела других государств»¹².

Таким образом, расширительное толкование понятий «вооруженное нападение» и «право на самооборону», предпринятое Советом Безопасности, соответствует определению Международного суда ООН.

В практике международных отношений XXI столетия наблюдается тенденция применять расширительное толкование этих понятий в политических интересах государств. При этом вопрос о том,

в какой мере конкретная ситуация соответствует правомерному применению силы в порядке самообороны, оставляется представителями заинтересованных государств не только на усмотрение Совета Безопасности, но и, по существу, самих государств. В итоге сформировались концепции превентивного и упреждающего применения силы как естественное развитие понятия самообороны.

На эту тенденцию обратили внимание постоянные представители государств-членов ООН. Экс-Генеральный секретарь ООН К. Аннан предложил в своем докладе принять две новые нормы международного права¹³, прямо или косвенно связанные с применением силы в порядке самообороны:

- а) установить правила превентивного использования силы (Preventive Use of Force) по решению Совета Безопасности ООН;
- б) определить правомерность так называемого упреждающего применения силы (Pre-emptive Use of Force).

Оба предложения вызвали широкую дискуссию в научных и дипломатических кругах. Относительно решения о превентивном использовании силы сущность спора состоит в том, кто его будет принимать: государство по собственному усмотрению или Совет Безопасности посредством принятия резолюции? С одной стороны, в соответствии с Уставом ООН Совет Безопасности может принимать такие решения, даже без специальной резолюции. А с другой – существует опасность изменения одного из основных принципов международного права. Именно поэтому, как полагает автор настоящего исследования, следовало бы принять такую норму, как дополнение к одной из статей главы VII Устава ООН. Это могло бы воспрепятствовать практике односторонних превентивных действий государств. Принятие же резолюции Совета Безопасности по этому вопросу создало бы прецедент, на основании которого могла бы произойти корректировка других принципов международного права, содержащихся в Уставе ООН.

Что же касается вопроса об упреждающем применении силы, то он содержит не меньше противоречий, чем дискуссии о превентивном ее применении:

- во-первых, в российской доктрине международного права толкование о легитимной возможности применения силы признается только в случае объявления войны;
- во-вторых, в Уставе ООН, где определены основные принципы международного права (в том числе принцип неприменения силы), отсутствует правовая основа как для упреждающей, так и для превентивной самообороны.

Можно предположить, что понятие «упреждающий удар» привнесено в международное право из боевых уставов вооруженных

сил, в которых регламентирована тактика ведения боевых действий. В то же время между понятиями «упреждение» и «превенция» существует достаточно тонкая грань. Доказательства позиций в отношении того, насколько правомерны были действия государств, применивших силу или угрозу силой, будут зависеть от степени их убедительности и истолковываться субъективно¹⁴. А в этом случае высока вероятность того, что будет действовать не сила права, а право силы.

Примечания

- 1 См. резолюции СБ ООН № 660 от 02.08.1990 г.; № 662 от 09.08.1990 г.; № 665 от 25.08.1990 г.; № 674 от 29.10.1990 г.; № 677 от 28.11.1990 г.; № 686 от 02.03.1991 г.; № 687 от 03.04.1991 г. Агрессивными действиями, или агрессивными актами, СБ ООН квалифицировал лишь такие действия Ирака, как закрытие дипломатических и консульских учреждений в Кувейте и лишение их сотрудников дипломатических привилегий, акты насилия против дипломатических представительств и их персонала, нарушение неприкосновенности помещений этих дипломатических помещений и похищение их персонала (резолюция № 667 от 16.09.1990 г.).
- 2 Case Concerning Military and Activities in and against Nicaragua. International Court of Justice // Reports of Judgements Advisory Opinions and Orders. Judgement of 27 June 1986. P. 103 (93).
- 3 В соответствии с этими положениями Устава ООН действия государств-членов блока НАТО во время югославского конфликта 1999 г. можно квалифицировать как неправомерные, так как, с одной стороны, НАТО – специализированная международная организация закрытого типа, которая не обладает компетенцией на участие в операциях с применением вооруженных сил в отношении тех стран, которые не связаны с ней какими-либо соглашениями в сфере безопасности, а во-вторых, сам факт вторжения был осуществлен без санкции Совета Безопасности.
- 4 Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. // Док. ООН A/RES/60/1. 2005. 24 окт. П. 92-93.170.
- 5 Там же. С. 19–22.
- 6 Резолюция Совета Безопасности ООН № 731 от 21.01.1992 г.
- 7 Резолюция Совета Безопасности ООН № 748 от 31.03.1992 г.
- 8 Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267 от 15.10.1999 г.
- 9 Шмит М.Н. Борьба с терроризмом и применение силы с точки зрения международного права // Публикация № 5 Центра им. Маршалла. Гармиш-Партенкирхен, 2002. С. 21.
- 10 Case Concerning Military and Activities in and against Nicaragua. International Court of Justice P. 195.

- 11 Определение агрессии. Резолюция, принятая XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН 14.12.1974 г.
- 12 Интервью с Р. Веджвуд, профессором Университета Джона Хопкинса (США): «Не стоит создавать копию Генеральной Ассамблеи» // Независимая газета. 2005. 14 сент.
- 13 Аннан К. В основе безопасного мира – демократизация, развитие и права человека // Независимая газета – Дипкурьер. 2005. 14 марта.
- 14 Сторонники концепции превентивного и упреждающего применения силы как на естественное развитие понятия самообороны обычно ссылаются на прецедент с американской шхуной «Кэролайн», которую англичане в 1837 г. сожгли на ее стоянке у острова, принадлежащего США и расположенного на пограничной реке Ниагара, разделявшей территории США и Канады. Свои действия англичане обосновывали тем, что экипаж шхуны оказывал помощь канадским сепаратистам, выступавшим за отделение Канады от Соединенного королевства. Именно этот случай, часто встречающийся в юридической литературе, многие юристы считают прецедентом «упреждающей самообороны», который с XIX в. используется в судах как свидетельство того, что такое «право» существует. Но анализ этого исторического факта обычно начинают со второго этапа истории «Кэролайн», когда сторонники восстания за независимость Канады, принадлежавшей в то время Великобритании, уже потерпели поражение и бежали в США, только после этого англичане и высадились на американский остров и сожгли судно.

Но дело в том, что уже на первом этапе этой истории, еще в период вооруженной борьбы сторонников независимости Канады против Великобритании, «Кэролайн» принимала самое активное участие в этой борьбе, снабжая сепаратистов боеприпасами, оружием и добровольцами. Именно поэтому со стороны англичан это был самый типичный пример действий в порядке «самообороны» в ответ на участие экипажа шхуны в вооруженной борьбе против них (следует полагать, не без ведома американских властей). Следовательно, в действиях сторонников Британской короны нет ничего общего с упреждающей самообороной, и они не могут быть оправданы.

А.А. Сербина

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Объектом рассмотрения в данной статье является специфическая группа акторов международных отношений – непризнанные государства. В чем суть проблемы в определении их статуса, почему эти образования претендуют на статус государства, в чем их отличие от сепаратистских групп, как регулируются отношения между подобными акторами международных отношений и всеми остальными? Для понимания природы данного явления в первую очередь необходимо четко определить весь набор характеристик, присущих состоявшемуся или признанному государству.

Ключевые слова: непризнанное государство, субъект права, субъект международного права, международная правосубъектность, суверенитет, актор международных отношений.

На сегодняшний день две самые широко употребляемые характеристики современного состояния человечества – это интеграция и глобализация. В эти понятия вкладывается огромное количество более мелких понятий от строительства наднациональных государств и появления все новых транснациональных корпораций до общемировой признательности американским ковбоям за изобретение джинсов.

Мир, в котором мы живем, кажется нам все более узким и управляемым, в нем пропагандируется толерантность, мультикультурализм, транспарентность власти и широкий выбор возможностей для каждого человека. Но мир перестает быть сколь-нибудь ясным и открытым, когда внутри одного государства вырастает незримая граница и государство де-факто перестает существовать и функционировать как единое целое.

© Сербина А.А., 2010

Если анализировать внутреннюю жизнь той или иной страны, можно увидеть множество многоуровневых конфликтов во всех областях общественной жизни, причем каждый из них может получить выражение именно в политическом конфликте. Наличие подобной напряженности является показателем развития государства, отсутствия стагнации в различных сферах жизни общества, умения находить выход из сложных ситуаций и при этом получать от них пользу. По эффективности разрешения подобных внутренних конфликтов угадывается стабильность всего государства в целом¹. Как правило, тенденции к сепаратизму проявляются в странах с ослабленной центральной властью.

Если обратиться к истории, то можно проследить такую закономерность. В XX в. мир потрясли три волны глобальных перемен, закончившиеся образованием десятков новых, большей частью национальных, государств. Первая волна образовалась после окончания Первой мировой войны, распада крупнейших европейских империй того времени, на территории которых возникли новые государства. Вторая волна была инициирована Второй мировой войной и крахом колониальных держав в 60-е годы прошлого века. Третья волна образовалась после распада СССР и Советского блока.

Многие исследователи считают, что сейчас человечество находится на излете «третьей волны», что делает возможным предсказать новые конфликты, связанные с отделением государств. Одним из доказательств данной теории являются события августа 2008 г., в результате которых Россией были признаны два новых государства – Абхазия и Южная Осетия.

По словам Збигнева Бжезинского², этнополитические конфликты в 90-х годах были лишь демонстрацией возможных конфликтов и угроз для Европы.

Самый известный парадокс, содержащийся в Уставе ООН, заключается в том, что нации имеют право на самоопределение, как говорится в первой статье Устава этой универсальной организации, а вторая статья запрещает любые попытки нарушения территориальной целостности государств. То есть у мирового сообщества на основании одного документа, еще раз подчеркну, универсальной организации существует выбор. От этого выбора порой зависят жизни миллионов людей.

Необходимость решения территориальных споров между различными субъектами имела место со времени зарождения жизни на Земле. Закрепление постоянного ареала проживания за различными видами было обусловлено борьбой за выживание.

Человечество недалеко ушло в этом вопросе от животного мира. Закрепление территории за определенным родом, общиной,

племенем или этносом сопровождалось не только борьбой за выживание, но и междоусобными войнами с целью получения дополнительной выгоды. Со временем территория общины стала расширяться, общины сформировались в этносы, этносы преобразовались в государства.

В современном международном праве новое государство может образоваться в результате:

- государственного переворота, революции (государства на территории бывшей Российской империи после 1917 г.) или войны (ГДР и ФРГ, КНДР и Южная Корея);

- после международного утверждения независимости от части государства, т. е. мирной сецессии (Чехия и Словакия после 1992 г., Индия после 1948 г.);

- присоединения территории или захвата одного государства другим (территории, вошедшие в состав СССР с 1939 по 1941 г.).

После осуществления одного из этих условий вновь появившееся государство должно пройти процесс международного признания для утверждения его в качестве полноценного субъекта международного права. Здесь необходимо сделать оговорку о различии в понимании двух терминов «субъект права» и «субъект международного права».

Субъектом права могут быть любые физические или юридические лица, обладающие по закону способностью осуществлять субъективные права и юридические обязанности. Таким образом, любой человек по факту рождения и любое юридическое лицо по факту его регистрации становятся субъектом права.

Для того чтобы стать субъектом международного права необходимо обладать международной правосубъектностью, т. е. подчиняться нормам международного права и нести в необходимых случаях международно-правовую ответственность. В современном праве различают два вида международной правосубъектности – первичную и производную. Первичная подразумевает под собой государства. Производная включает в себя все межправительственные организации.

Но существуют акторы, которые оказывают непосредственное влияние на мировую политику, хотя их статус как субъекта международных отношений находится под сомнением. Это особый вид государственных образований, больше известный как непризнанное государство.

Непризнанное государство – это государственное образование, обладающее такими атрибутами независимости, как собственная конституция, правительство, вооруженные силы, органы госбезопасности, таможенные и пограничные службы. Политические и эко-

номические структуры таких государств часто существуют в условиях изоляции, к которой приходится приспосабливаться.

Непризнанное государство, а точнее даже сама возможность их существования, является камнем преткновения в решении многих международных споров. В самом названии подобных образований заключен намек на конфликтность, с которой сопряжено их существование. Это не обязательно должен быть вооруженный конфликт, хотя чаще всего в истории встречаются именно примеры появления непризнанных государств в результате сепаратизма. Например, такие государства, как Чехия и Словакия, не признают Лихтенштейн, а он не признает их из-за имущественных споров. Это не мешает этим государствам входить в Европейский союз и динамично развиваться.

Очень часто быстрое признание государства зависит от отсутствия территориальных и иных претензий другого государства к вновь появившемуся. Иногда этот процесс может занять несколько лет. Если хотя бы одно государство признало другое, то для признавшего государства признанное государство становится полноценным и равноправным субъектом международного права. Для всех остальных оно продолжает не существовать и не обладает статусом государства. Так произошло с Абхазией и Южной Осетией. Россия и Никарагуа признали их. Теперь эти новые государства являются для России и Никарагуа полноценными равноправными партнерами, и после установления дипломатических и консульских отношений (что уже было сделано Россией) можно говорить о сотрудничестве. С другой стороны, Россия и Сербия не признают статус Косово как независимого государства, хотя 56 стран уже признали его, но для России и Сербии Косово остается составной частью последней.

История второй половины XX в. показывает, что новое (т. е. отделившееся или пытающееся отделиться) государство имеет больше шансов на признание международным сообществом в случае декларации следующих принципов:

- применение демократических процедур для установления и действий власти;
- соблюдение прав человека и в особенности прав иных этнических групп, проживающих на «их» территории;
- соблюдение всех принципов международного права и готовность нести международную ответственность;
- практическое подтверждение приверженности данным принципам.

К сожалению, далеко не все созданные в результате национальных движений государства обеспечивают права и достойную жизнь

своих меньшинств. Многим из них не всегда под силу обеспечить самостоятельное стабильное развитие и безопасность граждан. Некоторые могут существовать только при поддержке других государств.

В случае если к образовавшемуся государству существуют претензии разного рода и политическая конъюнктура складывается не в его пользу, шансы его на признание становятся призрачными.

Враждующие стороны в этом случае пытаются использовать все имеющиеся у них ресурсы. Возможна эскалация конфликта и переход его в стадию вооруженного противостояния, в которой международное сообщество становится заложником противостояния политических элит. Политику никак нельзя оставлять в стороне при анализе возникновения, эскалации и завершения конфликта. Например, в странах с гибкой и развитой системой представительства выявление и урегулирование конфликтов дает возможность эффективно поддерживать целостность политической системы, а в странах с ослабленной или авторитарной политической системой таких возможностей почти нет³.

Для более полного понимания ситуации, которая возникает между политическими элитами, представляется целесообразным привести одну из классификаций конфликтов, наиболее наглядно демонстрирующую не столько причины конфликта, сколько его цель.

Э. Паин и А. Попов типологизировали конфликты по принципу стадийности⁴.

Конфликт стереотипов – создание стереотипа недружественной группы. Из этого вырастают чаще всего этнические или политические стереотипы – относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных общностей⁵. В содержании стереотипов, как правило, зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах. Проще всего допустить эскалацию конфликта, манкируя этническими или религиозными факторами. Эти критерии могут стать благодатной почвой для ожесточения противоборствующих групп. Изменчивость оценок качеств тесно связана с меняющейся ситуацией в межнациональных и межгосударственных отношениях. Адекватность содержания относительно действительности весьма проблематична.

Конфликт идей подразумевает выдвижение оппоненту конкретных требований, эти требования могут сначала носить только политический характер, но если компромисс между сторонами не будет достигнут, это может привести не только к увеличению тре-

бований, но и к радикализации их характера. На место пассивного неприятия приходят отношения активного противостояния.

Конфликт действий – как следует из названия данной стадии – подразумевает активизацию деятельности сепаратистов.

К счастью, человечество не достигло ситуации разрушительного сосуществования и гоббсовская «война всех против всех» не стала повседневностью. Вместо этого человечество сумело выработать обычаи и правила ведения не только военных действий, но и переговоров для мирного достижения цели. Главными достижениями человечества в этом вопросе остаются утверждение принципа суверенитета и принципа применения договоров между субъектами международного права.

Суверенитет является основным признаком любого государства и означает политико-правовую независимость государственных решений и верховенство государственной власти на всей территории страны. Именно обладание суверенитетом делает государство полноценным субъектом международного публичного права и предполагает независимость от решений кого бы то ни было вне юрисдикции данного государства и гарантирует невмешательство во внутренние дела страны. Носителем суверенитета традиционно может являться либо народ, делегирующий полномочия на управление выборному правительству, либо монарх, исходя из средневековых представлений, признающих самодержца «помазанником Божиим». Если государство больше не обладает суверенитетом, то оно перестает существовать.

Благодаря обладанию суверенитетом, государство является традиционным и самым старым актором международных отношений, т. е. участником. Ф. Брайар и М.Р. Джалили дают такое определение этому понятию в сфере международных отношений: актор в широком смысле слова – это любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль. В сфере международных отношений под актором следует понимать любой авторитет, любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние⁶.

То есть в правовом смысле непризнанное государство, не имеющее статуса, суверенитета и не обладающее международной правосубъектностью, является при этом актором международных отношений и может существенно влиять на внешнеполитические курсы государств.

Непризнанное государство также не может быть приравнено ни к неправительственным организациям по объективным и очевидным причинам, ни к группам, занимающимся террористической,

А.А. Сербина

экстремистской или другой противоречащей закону деятельностью, если она таковой не ведет.

Таким образом, государство, в котором возникло еще одно государство, не имеет почти никаких других инструментов для предотвращения сецессии, кроме силовых.

Либо есть еще путь переговоров. В ходе переговорного процесса суверенному государству необходимо вести переговоры с представителями незаконно созданного сепаратистского образования, при этом, возможно, идти на уступки и искать общие пути выхода из сложившейся ситуации.

Либо можно смириться. Тем самым перевести возникший конфликт в разряд вялотекущих и продолжать развивать страну.

В любом случае (кроме силового решения вопроса) выигрывает участник, не обладающий ни статусом, ни правосубъектностью, ни международно-правовой ответственностью.

Примечания

- 1 *Brown M.E.* Ethnic Conflict and International Security. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1993.
- 2 *Бжезински З.* Великая шахматная доска [Электронный ресурс]. [2009]. URL: http://www.fictionbook.ru/author/bjezinskiyi_zbigneve/velikaya_shahmatnaya_doska_gospodstvo_ameriki_i_ego_geostrategicheskie/bjezinskiyi_velikaya_shahmatnaya_doska_gospodstvo_ameriki_i_ego_geostrategicheskie.html (дата обращения: 15.01.2009).
- 3 *Brown D.* Why is the Nation-State so Vulnerable to Ethnic Nationalism? // Nations and Nationalism №4 (1). ASEN, 1998. P. 1–15.
- 4 См.: Отечественная история новейшего времени: 1985–2005 гг.: Учебник / Отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2007.
- 5 *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособ. М.: Дело, 2005.
- 6 *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: Учеб. пособ. М.: Гардарики, 2004.

Т.И. Хорхордина

ОТ ГЕОПОЛИТИКИ КОНФЛИКТА К ГЕОПОЛИТИКЕ КОНСЕНСУСА

Статья посвящена анализу кризиса традиционных геополитических концепций в современных условиях. Автор представляет систему взглядов классиков геополитики, начиная от Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера и др. и заканчивая Э. Бжезинским и С. Хантингтоном, как основу политики, ориентированной на разработку способов завоевания господства в локальном, региональном и мировом масштабах. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости разработки принципиально новой геополитики как науки, которая исходит, в частности, из гуманитарных социально-культурных концепций П.А. Сорокина и Д.С. Лихачева.

Ключевые слова: геополитика, национальная идея, внешняя политика США, Культура Мира, ЮНЕСКО, Сибирь.

Несколько перефразируя известный афоризм, можно сказать так: если ты не занимаешься геополитикой, то рано или поздно она займется тобой. Мне пришлось убедиться в мудрости этого утверждения, занимаясь судьбами Сибири, ее прошлым, настоящим и будущим. Попробую вкратце изложить результаты наблюдений и сформулировать некоторые концептуальные предложения – итоги моих посильных размышлений.

«Размышления» геополитиков составляют основу военных планов (так было, так есть и, боюсь, что так и останется), а геополитика из абстрактных выкладок превращается в «геостратегию» и берет на вооружение дипломатами и военными.

Соответствующие примеры приводятся в учебниках по истории становления и развития геополитики, от времен создателя политической географии и «отца» немецкой геополитики, а кроме того, основоположника «органицистской школы» Ф. Ратцеля (1844–1904 гг.).

Современные геополитики считают, что он создал новую политическую картину мира.

Однако, внимательно изучив плоды его научного творчества, профессор кафедры всемирной истории Иркутского государственного педагогического института Е.Ю. Пуховская пришла к выводу, что Ратцель является прежде всего апологетом «немецкого порядка» в Африке и Океании. В его работах едва ли не впервые была теоретически обоснована идеологема противопоставления «дикого туземца» и «цивилизованного немца», основанная на концепции «расовых рядов».

Созданные им ментальные стереотипы оправдывали колониальную практику немецких властей – «высшей расы» – по отношению к «цветным»¹. Суть ее выражена в словах одного из тех чиновников, которые реализовывали теоретическую концепцию Ратцеля на практике: «Единственно верный принцип отношения к неграм – они должны знать, что я являюсь их хозяином».

Ратцель в своих геополитических построениях опирался на работы К. Риттера (1779–1858 гг.), который первым обосновал концепцию иерархического пространства мира, очертив «полукругом» на карте мира два якобы изначально непримиримых антагонистических субъекта мировой политики – государства Суши (Старый Свет) и Моря (Новый Свет), отдавая право на господство континентальному союзу цивилизованных государств Суши.

Казалось бы, это преданья старины глубокой.

Но все большему числу экспертов представляется непреложным тот факт, что история повторяется. Вновь они вынуждены констатировать, что под информационным прикрытием, в состав которого входят и геополитические концепции, любая очередная американская или натовская «интервенционистская операция на самом деле является новой мировой войной цивилизации против варварства»².

В работах отечественных специалистов по истории геополитики этот основополагающий аспект учения основоположника политической географии Ратцеля, лежащий в корневой системе геополитики, не подвергался должной научной оценке.

В трудах классиков современной геополитической науки К. Хаусхофера, Х. Маккиндера, М. Маклюэна, А. Мэхена, Н. Спайкмена и других вплоть до З. Бжезинского геополитика окончательно превращается в науку, разрабатывающую способы завоевания мирового господства как основы внешнеполитической и военной стратегии национального руководства.

Отечественный ученый А.Г. Дугин тоже считает, что, с его точки зрения, «геополитика – это мировоззрение власти, наука о власти и для власти <...> [это] дисциплина политических элит

(как актуальных, так и альтернативных), и вся ее история показывает, что ею занимались исключительно люди, активно участвующие в управлении странами и нациями»³.

Вполне прагматическими рекомендациями по силовому наведению порядка в современном мире в собственных (национальных) интересах насыщены большинство современных геополитических сочинений.

Так, во многом следуя выкладкам З. Бжезинского, С. Хантингтона с его концепцией столкновения цивилизаций, в США была официально провозглашена новая доктрина внешнеполитической стратегии, основанная на так называемой концепции «единоличного гарантированного уничтожения».

В рамках этой доктрины администрация Дж. Буша-младшего перешла к прямым и косвенным насильственным акциям в различных уголках земного шара. Иначе говоря, речь идет о переходе от риторики к стратегии глобального интервенционизма, т. е. серии «упреждающих действий», включающей в себя право на нанесение «превентивных ударов» по «мировому варварству», по центрам «мирового зла», разумеется, в интересах гуманизма, демократии и цивилизации.

Все это почему-то нередко рассматривается как вынужденная реакция на террористические акты последнего времени, как ответ на глобальные вызовы и угрозы со стороны «сил зла», пусть даже и не вполне адекватный, но заслуживающий внимания и поддержки. И вновь геополитики начинают создавать сценарии последнего, решительного сражения сил демократии, добра и порядка против сил мирового зла, варварства и хаоса.

Уже в середине XIX в. американские идеологи Т. Пеше и Ч. Генн утверждали, что в ближайшем будущем США станут центром, вокруг которого все нации объединятся в единый народ. Постепенно идеи, сформулированные в «доктрине Монро» в 1823 г., утверждавшие главенствующее и руководящее положение США сначала в Латинской Америке, затем в Западной Европе, а в середине XX в. уже во всем мире, нашли многих сторонников.

Наиболее четко эти установки были провозглашены в лозунге «американского века», сформулированном Г. Льюисом в 1941 г.: «XX в. должен стать в значительной степени американским веком». Американские бизнесмены, учителя, врачи, агрономы и инженеры, опираясь на американскую мощь, утверждал он, должны взять на себя бремя белого человека, неся с собой повсюду «стабильность» и «прогресс» американского образца.

Эти положения с 1945 г. стали основой государственной внешней политики США, когда президент Г. Трумэн 19 декабря 1945 г.

сказал: «Хотим мы этого или нет, но мы должны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром».

В Америке видели истинную столицу мира, базу руководства им такие политики, как президент Д. Эйзенхауэр и вице-президент Г. Хэмфри, немало сделавшие для реализации в практике внешне-политической деятельности «доктрины Трумэна».

В наиболее жесткой форме идея провиденциальной, особой миссии США была воплощена во внешней политике во время президентства Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Дж. Буша-младшего.

В наши дни эта концепция по существу стала геополитическим обоснованием для постулата, или, если хотите, догмата, об универсально-освободительном характере американской миссии, независимо от того, совершается ли подобное освобождение силой примера или силой оружия. Американцы, утверждали и утверждают руководители США, создали уникальную, образцовую политическую, экономическую и ценностно-нравственную систему, не только хорошую во всех отношениях для них самих, но и, безусловно, наилучшую для всех других народов. Поэтому всякий, кто сопротивляется этой системе, является не только врагом американцев, но и своим собственным врагом, ибо он пытается противиться устроению собственной жизни по американскому образу и подобию.

Идеи «справедливой войны», сакральной войны с «гуманными» целями, войны во имя высшей морали пронизывают геополитические концепции американских политиков.

Но у этой концепции есть и обратная сторона – любой агрессор может воспользоваться аналогичной аргументацией в защиту своих насильственных действий, в том числе и против, например, насаждения чуждых ему «американских» ценностей. Не случайно и мессианская по своей сути идея мировой революции так напоминает доктрину сакрального спасения силой угнетенного человечества.

В нынешнем взаимозависимом мире, где за мировое лидерство борются не только отдельные «центры силы», но и целые регионы, подобные геополитические концепции объективно обосновывают роковую идею о неизбежности «войны всех против всех».

С моей точки зрения, именно в этом кроются корни нынешнего кризиса в геополитике.

На практике это мы видели и видим воочию не только в Югославии, Афганистане и Ираке, но и в пределах собственного постсоветского пространства.

И вот уже даже в Сибири начали то тут, то там проявляться пока еле заметные, но уже вполне различимые отблески далеких

зарев «оранжевых», «бархатных», «розовых» и других разноцветных революций. Вдруг разгораются кампании под лозунгами жизненно важной необходимости «разоблачения Ермака», который, оказывается, был не первопроходцем, а «первоубийцей»⁴, или пропагандируется идея возрождения «национального самосознания на принципиально новой исторической основе», включающей принцип «неопанмонголизма», то искусственно раздувается концептуальный набор областнических по существу представлений о «геополитической уникальности и самодостаточности Сибири», и т. п., и т. д.

Кстати, в последнем случае характерно недостаточно осторожное использование в отношении Бурятии термина «страна-ворота». «Бурятия представляет собой мост и ворота (gateway) России на Восток» – так был сформулирован исходный тезис концептуальной статьи д-ра экон. наук Л.В. Потапова и д-ра филос. наук В.В. Мантатова «От Рио-де-Жанейро до Йоханнесбурга: как достичь устойчивого развития (на примере Республики Бурятия)». Эта статья, опубликованная в Вестнике Бурятского государственного университета⁵, является текстуальным воспроизведением доклада ее авторов на представительном международном форуме, многие участники которого были осведомлены о том, что термин «страна-ворота» был впервые введен современным американским геополитиком С. Коэном для обозначения небольшого государства с выгодным географическим положением на пересечении интересов крупных геополитических блоков, способных играть роль посредника при достижении баланса сил в регионе. В данном случае Сибирь могла быть воспринята как уникальный самостоятельный и самодостаточный геополитический регион вне общероссийского контекста. Напомним, что вплоть до настоящего времени во многих трудах западных историков Сибирь предстает как оккупированное Россией пространство, и потому она якобы принадлежит к странам, целью которых является борьба за национальное освобождение и, соответственно, нуждается в поддержке со стороны цивилизованного сообщества.

Конечно, не в этом состояла мысль наших ученых, провозглашенная в Йоханнесбурге, но это только доказывает, что с геополитической терминологией нужно обращаться чрезвычайно осторожно. Она взрывоопасна.

Отмечу сразу, что тему места Сибири в меняющемся мире, несмотря на свою несомненную значимость, большинство исследователей в своих работах фактически не затрагивают. В геополитических построениях относительно судеб Сибири мы недалеко ушли от идей В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова, которые покоятся

на двух идеологемах: Сибирь – это огромное малозаселенное пространство, а ее недра – неисчерпаемая кладовая сырьев. Научные труды ученых Сибирского отделения Российской академии наук (см., например, публикации в местных изданиях В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова, Ю.Г. Демьяненко, А.П. Дубнова, В.Г. Костюка и других) часто остаются на периферии внимания отечественной и мировой науки. Их анализ основывается на мысли о том, что, по меньшей мере, абсурдной следует признать ситуацию, когда огромную территорию за Уралом населяет чуть больше 30 миллионов человек. То есть можно сказать, что Сибирь, почти как во времена ее присоединения к России, не просто недонаселенный, а, можно даже сказать, – почти необитаемый континент. А ведь уже само обладание Сибирью вводит Россию в круг великих мировых держав и заставляет с нею считаться.

Десятилетиями звучит призыв начать ее настоящее освоение, которое полностью изменит и лицо России, и лицо мира. Думаю, не случайно в СМИ Америки уже публиковались проекты «выкупить» у России Сибирь и Дальний Восток за несколько триллионов долларов, как когда-то была «выкуплена» Аляска.

Если мы не превратим Сибирь в развитую процветающую страну, она будет потеряна для России, а Россия для мира. Сибирь – это сердце России, а не ее окраина. Вышеприведенные рассуждения содержатся, в частности, и в статье В.Г. Костюка, опубликованной более 10 лет назад⁶.

В конечном счете нельзя не согласиться с тем, что Сибирь и Дальний Восток – это огромное пространство, которое может и должно стать, с точки зрения многих ученых, базой для создания и развития российской цивилизации XXI в. На протяжении нескольких веков здесь была создана живая модель совместного устойчивого развития многонационального и мультиконфессионального мирного сообщества людей, в котором проявились лучшие качества человека – совесть, терпимость, действенное чувство сострадания к соседям и готовность переживать все беды и невзгоды сообща. Концептуальная основа этих геополитических рассуждений заслуживает, с моей точки зрения, внимания.

Как реагирует современная геополитика на глобальные цивилизационные изменения в истории человечества последнего времени, в частности, на переход к информационному обществу?

В концепции американского глобального превосходства, сформулированной З. Бжезинским в одной из его работ, в перечень имеющих значение областей мировой власти добавлена культура. Ранее их было три – военная сфера, экономика и технологии⁷.

Но при этом геополитика по-прежнему остается теоретическим основанием для практиков-геостратегов, которые исходят из парадигмы неизбежности силового решения разномасштабных и разнохарактерных конфликтов.

Можно добавить и еще далеко не полный перечень претензий к современной геополитике как науке. Например, спорность аксиоматики и, соответственно, спорность принятых на ее основе законов, теорий, гипотез, утверждений, о которых уже шла речь выше. В этом смысле можно указать на, пожалуй, самый показательный тезис геополитики, формулируемый как «усиление фактора пространства в человеческой истории». Не вдаваясь в подробности, отметим, что данный «закон» ныне не работает. При наличии современного оружия, достигшего космических высот, любое земное пространство сузилось до величины точки на карте, заложенной в память компьютера.

О кризисе западной геополитики как науки свидетельствует также значительное количество других «объективных законов» и аксиом, характерных для многих из крупнейших ее представителей. Обозначим лишь некоторые из них:

- закон планетарного дуализма – радикального, многоуровневого, комплексного противостояния между «силами Суши» (Россия, позже СССР) и «силами Моря» (Англия, Франция, позже США);
- закон, гласящий, что неконтролируемых пространств не бывает;
- геополитический закон, суть которого состоит в утверждении, что слабые государства неизбежно объединяются против сильного.

В приведенных утверждениях различных авторов нет, пожалуй, ни одного, способного выдержать обоснованную критику, а тем более иметь характер закономерности. Несмотря на это, указанная риторика активно используется многими геополитиками и представляется в качестве непреложных истин.

Отметим также схематичность и узость подхода, не позволяющего дать объективный научный анализ и прогноз разнообразных аспектов человеческой практики, в том числе международной политики.

Например, «закон фундаментального дуализма», являющийся первым и ключевым постулатом геополитики.

Дуализм Суша–Море в свое время показался слишком уж схематичным даже геополитикам прошлых веков, но дополненная «дугой Римланда» и прочими полумесяцами эта модель не перестала быть столь же схематичной.

Укажем также на явную тенденциозность в оперировании фактами. Например, критерии возникновения «теллурократических» и «талласократических», т. е. государств Суши и Моря, искусственно подогнаны под основные цивилизационные субъекты истории.

И наконец, не в пользу современной геополитики свидетельствует ее явная идеологизированность. Например, концепция «предначертанной судьбы» служит идее установления американского господства в мире, мессианской роли США, а для остального мира – обоснованием их собственных претензий на установление контроля в региональном и даже глобальном масштабе. Как уже указывалось выше, геополитика прямо позиционирует себя как «наука для власти», призванная оправдать претензии держав на соответствующее поведение.

Я не разделяю такой «примиренческий» взгляд на будущее геополитики.

На самом деле речь идет уже не только о надежде на внесение корректив косметического характера, а о необходимости парадигмального пересмотра всего спектра геополитических теорий и мнений, существовавших и существующих во времени, пространстве и политической сфере.

По большому счету речь идет о необходимости пересмотра основ геополитики в контексте новой «комплементарной» (основанной на принципе дополнительности) парадигмы всей системы современного научного знания, требующей осознания нераздельности и одновременно неслиянности мира современного человека. Иначе говоря, геополитике недоставало и недостает современного философского базиса, новой гуманитарной основы.

С моей точки зрения, у геополитики есть единственный неиспользованный гуманистический ресурс для развития, своего рода «спасательная подушка», контуры которой содержатся в нашей национальной школе мышления.

Большую ценность имеют взгляды тех ученых России, которые считают, что современная геополитика представляет собой новое междисциплинарное поле науки, имеющее как гуманитарно-историческое, так и естественно-природное измерение. То есть если брать геополитику как интегральную междисциплинарную научную дисциплину, то ее нужно «очеловечить», включив культурологию, или, говоря шире, человековедение, взгляд на человека как самоценность.

Иначе говоря, каждый народ и каждая страна рассматривается как живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой.

А это как раз и есть то, что отличает ментальный вектор отечественных мыслителей на протяжении столетий.

В число геополитиков традиционного типа никогда не включались такие имена, как П.А. Сорокин (в его научных трудах, особенно последнего периода, очень сильна «русская», духовная компонента), М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев. Обозначу только знаковые фигуры, которые могут определить контуры будущей геополитики «согласия» на основе концепций «альтруизма» и «конвергенции» (П. Сорокин) и «диалога культур» (М. Бахтин, Д. Лихачев).

Подробное обоснование тезиса о необходимости включения в амальгаму геополитических категорий и понятий культурологического ресурса на основании анализа соответствующих текстов выходит за пределы данной статьи. Это предмет дальнейших глубоких и детальных исследований.

Для меня главное – назвать тот контекст, вне рамок которого немислимо разумное решение существующих проблем глобального, регионального и локального масштабов. В том числе – и не в последнюю очередь – проблемы места и роли Сибири в современном «прекрасном и яростном мире» (А. Платонов). На мой взгляд, это объясняется тем, что любые конфликты в современном информационном и высокотехнологичном обществе касаются напрямую, самым непосредственным образом прежде всего Человека – каждого человека, где бы он ни жил и кем бы он ни был. Сегодня, как никогда раньше, актуален пророческий смысл слов английского поэта Дж. Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Не знаю более убедительного доказательства против геополитической концепции Моря и Суши, хотя вряд ли поэт даже подозревал о ее наличии. Но то, что любое географическое пространство всегда менее ценно, чем пространство человеческой души, – это не метафора, а факт. В том числе и факт геополитики с новым, «человеческим лицом».

И еще одно соображение, вытекающее из гуманистического существа работ отечественных мыслителей.

Из работ П. Сорокина (последнего периода его жизни) и Д. Лихачева следует, что если мы хотим изжить войну, нужно избавиться от «образа врага». На смену ему должны прийти идеалы взаимопонимания, терпимости и солидарности между всеми народами

и культурами. Действительно, «образ врага» резко ограничивает возможности рационального и контролируемого поведения, препятствует осознанию общих интересов, всего, что так или иначе могло бы объединить усилия двух сторон. Упор здесь делается исключительно на противоречия и противоположности, что соответственно диктует жесткую логику односторонних действий по противодействию «врагу». Это в свою очередь ведет к ответным контрмерам и в конечном счете – к опасной эскалации конфликта.

Конечно, и в прошлом войны наносили колоссальный урон цивилизации, однако они все же не ставили под вопрос ее общее поступательное движение и даже физическое выживание. Сегодня же и масштабы нависшей угрозы, и сложность глобальных проблем, и достигнутый уровень человеческого мышления – все это требует нового подхода к отношениям с другими странами и народами, выработки более адекватных взаимных представлений о себе, о других и об окружающем мире.

Традиционная геополитика глуха к нравственным критериям, и в первую очередь к общечеловеческим нормам нравственности, поскольку в ее основу положен или узко понимаемый «национальный», или групповой эгоистический интерес, достичь которого стремятся за счет других. Мышление, проникнутое «образом врага», является порождением и, в свою очередь, подкреплением воинствующего невежества. «Образ врага» – одно из главных препятствий на пути к диалогу и общению, он категорически исключает возможность цивилизованного международного общения и сотрудничества, ведь сосуществование с «врагом» просто невозможно и морально порочно.

Сказанное выше – не утопические рассуждения.

В начале XXI в. ЮНЕСКО провозгласила ряд конкретных принципов геополитического по своим масштабам характера, в основе которых лежала программа реализации «жизнестратегии» против стратегии смерти («танатостратегии») как «центрального пункта диалога цивилизаций». Так, в частности, назывался доклад Ю.В. Громыко на конференции в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже «Диалог культур и цивилизаций: мост между правами человека и нравственными ценностями», 13–14 марта 2007 г.

Напомню, что за два года до конца прошлого века по инициативе ЮНЕСКО в Москве состоялась международная научно-практическая конференция «От стереотипов войны к идеалам мира через культуру и образование». А 2000 г. по решению ООН стал международным годом культуры мира, именно – культуры, а не политики мира, его пропаганды и т. д. На нынешнем, кризисном, этапе человечества, когда во многом только распространение идеалов

и ценностей «культуры мира» может обеспечить возможность выживания и полноценного развития глобальной цивилизации, именно ученые могли бы противопоставить весомые аргументы, демонстрирующие антагонизм культуры мира как воплощения непрерывности коммуникативных связей людей во времени и пространстве, с одной стороны, и войны как антисистемы, стремящейся разрушить эти связи, редуцировать их до разрушительного противопоставления между «мы» («наши», «свои») и «они» («чужие», «враги»). Еще один пример. Перед самой кончиной Д.С. Лихачев закончил многолетнюю работу над «Декларацией прав культуры». По существу, в этом документе сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В нем прямо сказано, что культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и государств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла.

Как пишет А.С. Запесоцкий в книге «Д.С. Лихачев – великий русский культуролог»⁸, культура, таким образом, поставлена в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека. Культура – условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества.

В Декларации вводится понятие гуманитарной культуры, т. е. культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это понятно: ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усиливает экспансию антигуманных ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культурой своей сущностной функции – быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. В этой связи государства должны стать гарантами возвращения гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность развития, совершенствования человека и общества. Документ не только обогащает теоретическую мысль. Он имеет и практическое значение. На уровне государств его принятие должно было привести к изменению национального законодательства каждой страны, способствовать полноценному развитию национальных культур. На уровне мирового сообщества это был бы шаг на пути интеграции мирового культурного процесса, с общечеловеческих позиций это было бы обогащением коллективного разума.

Можно продолжить перечень подобного рода инициатив разработки программ строительства планеты людей на новой, гуманитарной основе. Беда в том, что геополитики не участвовали

и не участвуют ни в одной из этих инициатив – ни в теоретическом, ни в практическом плане. Похоже, что о культуре и цивилизации они вспоминают только тогда, когда нужно расширить зоны войны в рамках собственных умышлений. А ведь именно здесь открывается новое измерение геополитики как фундаментальной науки. В «минуты роковые» – роковые для народа или страны – именно культурная память предстает как зеркало нашей совести, напоминающей о том, что мы во всех случаях должны оставаться людьми, не забывать о том, кто мы есть и кому (и чему) обязаны своим человеческим бытием.

Речь идет о создании и утверждении *Культуры Мира*, для чего требуются усилия многих людей и прежде всего тех, кто влияет на умы и души людей, кто благодаря своему интеллектуальному и нравственному авторитету способен вдохновить моральное движение сопротивления нетерпимости. История и современность Сибири подтверждают справедливость и жизнеспособность этого тезиса.

Мне кажется, геополитики должны включиться в это движение и придать ему подобающую серьезность, избавив от излишнего пафоса.

Во всяком случае, единственная альтернатива этому движению – насилие, последствия которого в современном взаимозависимом и взрывоопасном мире, мягко говоря, не внушают оптимизма.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Пуховская Е.Ю.* «Дикий туземец» и «цивилизованный немец»: к вопросу о формировании ментальных стереотипов // *Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Материалы Всерос. научно-теорет. конф., посвященной памяти проф. В.И. Дулова.* Кн. 2. Иркутск, 2007. С. 82–86.
- 2 См.: *Василенко И.А.* Геополитика современного мира. М., 2007. С. 206.
- 3 См.: *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 1997. С. 13.
- 4 См.: *Халитов М.Х.* Не первопроходцы, а первоубийцы // *Родина.* 1990. № 5. С. 75–76; *Никитин Н.* Предъявлять ли счет векам? // Там же. С. 76–79; *Измайлов И.* Счеты и просчеты имперских историков // Там же. 1994. № 8. С. 28–32; *Борисёнок Ю.* Во власти новых штампов // Там же. С. 32–33; и др.
- 5 См.: *Потапов Л.В., Мантатов В.В.* От Рио-де-Жанейро до Йоханнесбурга: как достичь устойчивого развития (на примере Республики Бурятия) // *Вестник БГУ. Улан-Удэ,* 2003. Сер. 5. Вып. 6. С. 8.
- 6 См.: *Костюк В.Г.* Народы Сибири в современной геополитике // *Гуманитарные науки в Сибири.* 1998. № 1. С. 64–65.
- 7 См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 36, 38.
- 8 *Запесоцкий А.С.* Д.С. Лихачев – великий русский культуролог. СПб., 2006.

Проблемы национальной и международной безопасности

А.З. Арсенян

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В науке рассматриваются мнения разных ученых о таких понятиях как «безопасность», «национальная безопасность» и «безопасность государства». Определений этих понятий существует великое множество. И при их сравнении можно увидеть, что понятие «национальная безопасность» шире понятия «безопасность государства» или «государственная безопасность».

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность, безопасность государства, нация.

Термин «безопасность» в словаре Владимира Даля трактуется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»¹. В словаре-справочнике «Геополитика, международная и национальная безопасность» под безопасностью понимается «защищенность от вызовов, рисков, опасностей и угроз»². В юридическом понимании безопасность есть не что иное, как состояние защищенности субъекта от различных угроз, вреда или зла³.

В науке есть сходное понятие национальной безопасности. Национальная безопасность, или безопасность нации, – это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое прогрессивное развитие страны⁴.

По мнению В.И. Милованова, объектами национальной безопасности выступают: личность, ее права и свободы; социальные и национальные группы, их внутренняя целостность, самоуправление; общество, его материальные и духовные ценности; государство,

его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность⁵. Соответственно выделяются четыре взаимосвязанных уровня национальной безопасности: личность, общность, общество, государство. Соотношения между ними могут быть различными. Базовым элементом, высшей ценностью является безопасность личности. Безопасность общности, общества и государства – не самоцель, а функции обеспечения прав и свобод человека. Однако государство, находящееся в опасности, не в состоянии выполнить свои функции по защите личности и общества, которые по необходимости должны ограничивать свои интересы во имя интересов государства. В свою очередь кризис общества (который может быть вызван и вооруженным конфликтом международного и немеждународного характера или вообще «вооруженной нестабильностью» с сопредельными государствами) подрывает государственность и может поставить под вопрос само существование государства.

Следует отметить, что термин «национальная безопасность» впервые был использован в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г. Определение данного термина было дано в первом послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности» 1996 г.: «Национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства»⁶.

В учебнике «Общая теория национальной безопасности» дано следующее определение национальной безопасности: «Национальная безопасность, или безопасность нации, есть защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны»⁷.

Специалисты указывают на слабую теоретическую проработку вопросов безопасности, поэтому до сих пор не утихают споры по поводу возможности использования словосочетания «национальная безопасность»⁸. Полагаем, что употребление словосочетания «национальная безопасность» вполне оправданно. Нужно только четко представлять, что здесь речь идет об общенародной безопасности, о безопасности нации, страны, в данном случае – России.

Термин «национальная безопасность» фактически является калькой английских слов «national security», которые в принципе могут переводиться и как национальная, и как государственная безопасность, что нередко и делается рядом авторов.

В Конституции Российской Федерации говорится о трех разновидностях безопасности: «безопасность государства» (п. 5 ст. 13, п. 3. ст. 55), «безопасность граждан» (п. 1. ст. 56), «общественная безопасность» (п. 1 «б» ст. 72).

Остановимся более подробно на понятии «безопасность государства». Специалисты определяют безопасность государства как «защищенность конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства от внешних и внутренних угроз»⁹.

Конституционный строй государства – это определенная форма, определенный способ организации государства, закрепленный в его конституции¹⁰. Вместе с тем есть и другое понимание конституционного строя, заложенное в Конституции Российской Федерации. Оно связано с тем, что конституционным государством можно считать только такое, в котором обеспечено подчинение государства праву. Таким образом, конституционный строй – это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство.

К основам конституционного строя, закрепленным Конституцией Российской Федерации, относятся: демократизм, выражающийся в народном суверенитете, разделении властей, идеологическом и политическом многообразии, в признании и гарантировании местного самоуправления, а также правовое государство, воплощением которого и является конституционное государство.

Основу конституционного государства составляют также признание государством человека, его прав и свобод высшей ценностью, а также социальное рыночное хозяйство. С этим связаны и такие основы конституционного строя, как социальное государство, светское государство, федерализм, суверенность Российского государства и республиканская форма правления.

Суверенитет государства – это его свойство самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами, в международном общении.

Суверенитет государства проявляется в верховенстве государственной власти, в ее единстве и независимости. Верховенство государственной власти выражается в том, что оно определяет весь строй правовых отношений в государстве, устанавливает общий правопорядок, правоспособность, права и обязанности государственных органов, общественных объединений, должностных лиц и граждан.

В частности, в силу суверенитета государства вправе самостоятельно решать, какие меры, адекватные тяжести сложившейся

ситуации, необходимо предпринимать в период вооруженного конфликта немеждународного характера. Международное право не может ограничить в этом государство. Вместе с тем существуют обязательства, когда мировое сообщество не только вправе, но и обязано осуществлять контроль за предпринимаемыми чрезвычайными мерами. Это связано с необходимостью контроля за соблюдением прав человека, которые в XXI в. перестали быть предметом только национального обеспечения¹¹. В этом отношении заслуживает внимания позиция А.Я. Капустина, который пишет, что внутренние конфликты находятся вне зоны досягаемости международного права до тех пор, пока они не будут представлять угрозы международному миру и безопасности или приводить к массовым и грубым нарушениям прав человека¹².

Единство государственной власти выражается в наличии единого органа или системы органов, в целом составляющих высшую государственную власть. Юридические признаки единства государственной власти заключаются в том, что совокупная компетенция системы органов, составляющих высшую государственную власть, охватывает все полномочия, необходимые для осуществления функций государства, а различные органы, принадлежащие к этой системе, не могут предписывать одним и тем же субъектам при одних и тех же обстоятельствах взаимоисключающие правила поведения.

Важным свойством суверенной власти государства является ее независимость, которая означает самостоятельность государства в отношениях с другими странами. В соответствии с Конституцией России носителем суверенитета и источником государственной власти в стране признается ее многонациональный народ. За ним признано право непосредственно осуществлять государственную власть.

Подобные положения закреплены в конституциях других стран Содружества Независимых Государств¹³.

Территориальная целостность предполагает единство территории государства, его нерасчлененность. В ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации сказано о том, что Россия обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. В этом заложен международный, межгосударственный, геополитический смысл. Обеспечение целостности и неприкосновенности территории России есть прямое воплощение ее суверенитета и вовне, что вытекает из Устава ООН (ст. 1, 2), а также из многочисленных международных договоров. Обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, как и всякого другого суверенного государства, полностью соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права¹⁴.

Как отмечалось выше, наряду с понятием «безопасность государства» употребляется понятие «национальная безопасность». Именно в этом смысле употреблено понятие «безопасность» в Законе Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. с изменениями от 25 декабря 1992 г., в ст. 1 которого записано: «Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹⁵. Сходное понятие безопасности дано в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, которая утверждена Указом Президента РФ от 26 декабря 1997 г. № 1300 с изменениями от 10 января 2000 г. № 24: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации (далее Концепция) – система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности»¹⁶.

Когда в Советском Союзе все было государственным, и безопасность была государственной. В настоящее время ситуация в Российской Федерации коренным образом изменилась. Доля государства в экономике и в других сферах жизни человека и общества непрерывно сокращается. Поэтому в этих условиях более правомерно и целесообразно использовать термин «национальная безопасность». Следует понимать, что термины «национальная безопасность» и «государственная безопасность» – не синонимы, а разновеликие понятия. Подменять эти понятия недопустимо. Понятие «национальная безопасность» более общее, родовое, а понятие «государственная безопасность» – частное, видовое.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «национальная безопасность» шире понятия «безопасность государства» или «государственная безопасность». Первое понятие включает безопасность трех составляющих объектов: личности, общества и государства. Безопасность личности – это, прежде всего и главным образом, ее права и свободы. Безопасность общества – это его материальные и духовные ценности. Безопасность государства – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

В последнее десятилетие в российском праве термин «национальная безопасность» получил приоритет. По мнению И.Н. Глебова, преимущество понятия «национальная безопасность» состоит, прежде всего, в том, что оно не идеологизировано и носит междисциплинарный, межотраслевой характер, позволяет объединить в себе известные виды безопасности, защищаемые конкретным государством¹⁷.

Ключевыми в определении «национальная безопасность» являются понятия нации, личности, общества, государства, а также

жизненно важных интересов и угроз, которые являются важнейшими элементами системы национальной безопасности.

Обратимся к понятию «нация». Определений этого понятия существует великое множество. Главное здесь состоит в том, что в основу формирования нации положен не этнический принцип.

В Советском Союзе нация определялась как исторически устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни, психического склада, что проявляется в общности культуры.

В настоящее время доминирует признание нации как единства гражданского общества и государства. Нация составляет часть гражданского общества, ее стержнем является государство. Без государства нельзя представить себе нацию. Поэтому прав американский ученый К. Дейч, который определил нацию как народ, обладающий государством¹⁸.

Следует обратить внимание на то, что в понятие «национальная безопасность» включается понятие «личность», а не просто человек. Речь идет о человеке как социальном субъекте. Личность – это индивид с устойчивой системой его социально значимых черт¹⁹.

Что касается понятия «общество», то оно представляет собой совокупность индивидов во всем многообразии их общественных отношений. Общество представляет собой «совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности»²⁰.

Специального исследования заслуживает вопрос о национальной безопасности государства. Категория «безопасность» предполагает выявление национальных интересов, которые необходимо защищать. Поэтому в нормативных документах каждого государства Содружества Независимых Государств национальные интересы выявлены, очерчены и сформулированы достаточно четко.

Национальные интересы России, отмечается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, – это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Национальные интересы выражены в конституциях и иных нормативных правовых актах государства.

Национальные интересы носят долгосрочный характер. Именно они определяют основные цели и задачи внутренней и внешней политики государства. Таким образом, речь идет об определении стратегических задач внутреннего и международного развития страны.

Интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении

качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Среди этих интересов выделим обеспечение личной безопасности, без чего невозможно обеспечить и все другие интересы личности. По сути дела, речь идет о праве человека на жизнь и свободу. Это первостепенные, первоочередные права человека и гражданина, самые главные, без которых невозможна жизнь человека. Если государство обеспечивает личную безопасность человека, если в государстве создана обстановка, когда личность чувствует себя в безопасности, человек может пользоваться всем комплексом прав и свобод – гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными.

Как указывается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, цели состоят в упрочении демократии, в создании правового, социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России. Можно говорить о том, что интересы общества и в других странах Содружества идентичны тем, которые сформулированы Российской Федерацией.

Интересы государства, отмечено в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Как записано в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, во внутривнутриполитической сфере национальные интересы состоят в сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка, и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий – социальных, вооруженных конфликтов, терроризма.

Специалисты подразделяют национальную безопасность на внутреннюю и внешнюю²¹. Внутренняя национальная безопасность – это защищенность личности, общества и государства от внутренних угроз их устойчивому, стабильному функционированию и развитию. Внешняя национальная безопасность – это защищенность национальных интересов, национальных ценностей, богатства и образа жизни от угроз, исходящих извне государства²².

- 1 *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. Т. 1. СПб.: Динамит, 1996. С. 67.
- 2 *Абдурахманов М.И., Бариштолец В.А., Бариштолец Д.В., Манилов В.Л.* Геополитика, международная и национальная безопасность: Словарь-справочник. М.: Пробел, 1999. С. 25.
- 3 *Глебов И.Н.* Правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. С. 5.
- 4 *Возжеников А.В., Прохоров А.А.* Государственное управление и национальная безопасность России: Учеб. пособ. М.: РАГС, 1999. С. 8.
- 5 *Милованов В.И.* Безопасность национальная // Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 398.
- 6 О национальной безопасности. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996. С. 3–4.
- 7 Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2002. С. 22.
- 8 Там же.
- 9 *Абдурахманов М.И., Бариштолец В.А., Бариштолец Д.В., Манилов В.Л.* Указ. соч. С. 25.
- 10 *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: Учебник. М.: Юрист, 2006. С. 76.
- 11 *Коннов В.А., Лебедь С.В.* Международное право и режим чрезвычайного положения: проблемы обеспечения прав человека в условиях внутренней напряженности. М.: Моск. ун-т МВД, 2003. С. 10.
- 12 *Капустин А.Я.* Проблема имплементации норм международного гуманитарного права в немеждународных вооруженных конфликтах. СПб., 2001. С. 20.
- 13 Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сборник документов. Вып. 2. 1997.
- 14 См.: Конституция Российской Федерации. Комментарий. М.: Юрид. лит., 1994. С. 71 и сл.
- 15 Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. с изменениями от 25 декабря 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769; 1993. № 2. Ст. 77.
- 16 Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 26 декабря 1997 г. № 1300 с изменениями от 10 января 2000 г. Утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 32. Ст. 5909; 2000. № 2. Ст. 170.
- 17 *Глебов И.Н.* Указ. соч. С. 7–8.
- 18 *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1986. P. 96.
- 19 Общая теория национальной безопасности. С. 24.

Правовые аспекты национальной безопасности

- 20 *Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 432.
- 21 См., в частности: *Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева.* С. 33.
- 22 *Абдурахманов М.И., Баршполец В.А., Баршполец Д.В., Манилов В.Л.* Указ. соч. С. 27.

В.П. Анисимов

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В данной статье рассматриваются основные проблемы, возникающие в процессе становления современного международного экологического права, и пути их разрешения мировым сообществом.

Ключевые слова: международное экологическое право, окружающая среда, ООН, экология, конференция, экологическая безопасность.

Процесс становления отрасли международного экологического права (МЭП) протекает с XIX столетия и в своем развитии прошел несколько этапов.

Первый этап (1839–1948 гг.) связан с первыми попытками «цивилизованных» государств разрешить региональные и локальные проблемы экологии. Второй этап (1948–1972 гг.) увязывают с началом деятельности ООН. Третий этап (с 1972 г. по настоящее время) знаменует проведение глобальных международных конференций по развитию МЭП.

Хотя этот процесс имеет сравнительно недолгую историю, но он проходит весьма интенсивно.

В начальной стадии правовое регулирование международных экологических отношений развивалось на основе двусторонних договоров, затем на основе многосторонних конвенций. К настоящему времени в мире насчитывается свыше 1600 многосторонних универсальных (глобальных) и региональных международных конвенций и свыше 3000 двусторонних договоров.

Возрастание числа таких актов продолжается, хотя уже вполне обоснованно поставлен вопрос об обеспечении в первую очередь выполнения требований МЭП. На этом все более концентрируется внимание международного сообщества.

© Анисимов В.П., 2010

Несмотря на быстрый рост количества источников МЭП, договорное регулирование отстает от необходимого уровня управляемости. Для преодоления этого отставания прибегают к следующей процедуре. Заключаются договоры общего характера, рамочные конвенции, которые предусматривают различные методы принятия дополнительных норм в упрощенном порядке в форме дополнительных протоколов и резолюций. Но и это не решает проблему. Поэтому здесь большое значение приобретает «мягкое» право, т. е. право, не обладающее юридически обязательной силой. В качестве примера можно сослаться на резолюцию Института международного права 1997 г. «О процедурах принятия и имплементации норм в области окружающей среды».

В ней предполагается, что государства, голосовавшие «за» или молчаливо признавшие необязательные акты, содержащие ясные и конкретные нормы, должны следовать им. Это ведет к тому, что содержащиеся в резолюциях международных конференций правила в ускоренном порядке обретают статус обычных норм.

Еще одна особенность создания источников МЭП связана с той ролью, которую играют неправительственные организации, выступающие инициаторами и «группами давления» на правительства. Если на этапе становления МЭП широко применялись обычные нормы, то сейчас МЭП становится преимущественно договорным.

Решение проблемы обеспечения экологической безопасности связано с выбором концепции развития. В настоящее время, несмотря на разнообразие мнений, гипотез и моделей, реально конкурируют две концепции развития мира с позиций возникших экологических проблем.

Согласно первой концепции, называемой ресурсной или техногенной, человечество может решить все экологические проблемы технологическими средствами, т. е. меняя и исправляя хозяйство на основе новых технологий и не устанавливая ограничений по объему используемых ресурсов, экономическому росту населения. Эта концепция имеет широкий спектр оттенков, начиная от полного отрицания существования какой-либо экологической опасности, кроме локальных случаев, провозглашения отсутствия пределов развития, кончая призывами перейти к устойчивому развитию, понимаемому как удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей. Экономические проблемы в рамках этой концепции нередко представляются временным явлением, обусловленным «несбалансированным использованием технологий», которое будет преодолено в близком или отдаленном будущем.

Именно в рамках такой концепции сформировалось современное направление природоохранной деятельности, основанной на

системе локальных чисток среды от загрязнения и нормирования показателей качества окружающей среды по узкому набору показателей, а также внедрения ресурсосберегающих технологий.

Техногенная концепция не имеет разработанной теоретической базы. Она основывается на имеющемся у человечества опыте, и модели, создаваемые в ее рамках, в экологическом аспекте задают произвольные начальные условия с некоторыми предположениями относительно будущего развития. Однако эти модели с той или иной степенью отдаленности предсказывают тупик в развитии, его физическую ограниченность.

Вторую концепцию, называемую биосферой, отличают от первой попытки теоретического обоснования и осмысления. Она представляет собой эмпирическое обобщение накопленного экспериментального материала на основе известных законов физики и биологии. Главным направлением этой концепции является определение области устойчивости любой экосистемы, что позволит найти допустимую величину нагрузки на эту экосистему. Исходя из этой концепции, делается вывод, что главная причина глобальных экологических нарушений и развивающегося экологического кризиса, угрожающего существованию человечества, – это опасность разрушения стабилизирующей окружающей среду механизма – естественной биоты. Разрушение ее происходит пропорционально росту энергопотребления, т. е. даже при переходе к гипотетически безотходным технологиям, прекращении загрязнения и использовании безупречно чистых источников энергии окружающая среда будет терять свою устойчивость.

Отсюда путь к экологической безопасности лежит через решение смежной стратегической задачи – сохранение всеми доступными методами ненарушенной хозяйственной деятельностью территории с сохранившимся объемом естественной биоты, которая должна стать центром восстановления естественной природной среды и биоты в объеме, необходимом для обеспечения устойчивости окружающей среды.

Экологическую безопасность нельзя полностью обеспечить в одной отдельно взятой стране, для ее достижения необходима активная международная деятельность. Развитые страны в основном уже разрушили свою природную среду и сейчас являются главными экологическими загрязнителями. Крупные густонаселенные развивающиеся страны также практически полностью разрушили свои экосистемы, а остальные развивающиеся страны быстро движутся по этому же пути, варварски разрушая природу на своих территориях и наращивая массу выбрасываемых загрязнителей.

Необходима разработка эффективного международного механизма прекращения процесса разрушения природной среды, сохранения того, что осталось от нее, и перехода к расширению таких территорий. Ключевым здесь является вопрос сохранения тропических лесов – самых мощных регуляторов и стабилизаторов окружающей среды.

Также важным элементом этой задачи является дальнейшее развитие правовой составляющей инфраструктуры. Необходимо создание достаточно завершенной системы специального экологического законодательства и нормативно-технической базы, а также экологизация законодательных актов в других сферах деятельности, важных для решения основных стратегических задач экологической безопасности.

Другими важными элементами инфраструктуры для обеспечения экологической безопасности служат система сбора, накопления, обработки, выдачи и анализа информации по всему спектру природоохранных проблем, система экологического воспитания, обучения и образования, научные исследования и разработки взаимодействия человека с биосферой, система финансирования.

Объектами МЭП являются природные объекты, находящиеся под национальной юрисдикцией или вне ее (международные интернациональные природные объекты).

Правовой режим первых объектов определяется внутренним правом и частично нормами международного права, т. е. здесь существует соотношение и взаимодействие внутреннего и международного права. Обычно выработанные мировой практикой, получившие всеобщее признание и закрепленные в международно-правовых актах прогрессивные принципы трансформируются в нормы внутреннего права (имплементация).

Правовой режим вторых объектов определяется международным правом. Вопрос о собственности на эти объекты продолжительное время вообще не возникал. Господствовало молчаливое признание международных интернациональных природных объектов ничьей вещью и согласие с правом любой страны на захват этих объектов. Но в современных условиях такое положение все меньше стало отвечать интересам и потребностям народов мира. Стали выработываться и постепенно внедряться в практику некоторые международно-правовые принципы, ограничивающие возможность произвольных действий в отношении международных интернациональных природных объектов.

МЭП пока не кодифицировано, его нормы закреплены в многочисленных международных актах, имеющих комплексный характер. Для окончательного формирования МЭП как самостоятельной

отрасли международного права необходима его кодификация. Всемирным союзом по сохранению окружающей среды подготовлен проект пакета для кодификации международного права окружающей среды. ООН поручила Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП) кодифицировать международно-правовые экологические нормы и в перспективе разработать универсальную конвенцию в области охраны окружающей среды.

Для решения международных проблем создаются межправительственные и международные неправительственные организации универсального типа, региональные и субрегиональные органы. По содержанию охватываемых проблем их можно разделить на две группы: природоохранительного направления, комплексного природоохранительного профиля.

К первой группе относятся ЮНЕП и Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП).

В качестве первоочередных на ближайшую перспективу определены следующие основные направления деятельности ЮНЕП:

- а) здоровье человека, санитария окружающей среды;
- б) охрана земель, вод, предотвращение опустынивания;
- в) охрана океанов;
- г) охрана природы, диких животных, генетических ресурсов;
- д) энергетическая безопасность;
- е) образование, профессиональная подготовка;
- ж) торговля, экономика, технология.

По мере развития деятельности организации число приоритетных направлений может возрастать. В частности, уже выдвигаются проблемы кодификации и унификации международного и внутреннего экологического законодательства.

По степени экологической близости к ЮНЕП относится Организация Объединенных Наций по культуре, науке, образованию (ЮНЕСКО), которая природоохранную деятельность осуществляет по нескольким направлениям:

- а) руководство экологическими программами;
- б) учет и организация охраны природных объектов, отнесенных к всемирному наследию;
- в) оказание помощи развивающимся и другим странам в развитии экологического образования и подготовке специалистов-экологов.

Неправительственная организация МСОП, представляющая свыше 500 членов, определяет основные задачи в развитии международного экологического сотрудничества:

- а) сохранение естественных экосистем растительного и животного мира;

- б) сохранение редких и исчезающих видов растений и животных, памятников природы;
- в) организация заповедников, резерватов, национальных природных парков;
- г) экологическое просвещение.

Ко второй группе относятся Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), сельскохозяйственная продовольственная организация ООН (ФАО), международная морская организация (ИМО), Всемирная метеорологическая организация ООН (ВМО), Международный регистр потенциально токсичных химических веществ (МРПТХ), Бюро ООН по оказанию помощи в случае стихийных бедствий (ЮНДРО) и ряд других.

ВОЗ осуществляет санитарно-эпидемиологический мониторинг окружающей среды, обобщает данные о заболеваемости людей в связи с ее состоянием.

МАГАТЭ разрабатывает правила строительства и эксплуатации АЭС, проводит их экспертизу, устанавливает нормы радиационной безопасности, проверяет их выполнение.

ФАО занимается экологическими проблемами в сельском хозяйстве, подготовила почвенную карту мира, способствовала принятию Всемирной почвенной хартии.

ИМО участвует в борьбе с загрязнением моря, разрабатывает и согласовывает основные принципы международной политики по защите морской среды.

ВМО изучает и обобщает степень воздействия человека на погоду и климат планеты в целом и по отдельным регионам.

МРПТХВ изучает и распространяет информацию о токсичных химических веществах, их воздействии на человека и окружающую среду. В базе данных этой организации содержится информация о более чем 600 химических веществах, распространенных во всем мире. Это число продолжает расти.

ЮНДРО мобилизует и координирует помощь различными государствами странам, которые постигло стихийное бедствие. Оно собирает и обрабатывает информацию о стихийных бедствиях, разрабатывает меры по предотвращению нанесенного ущерба.

К третьей группе относятся организации, занимающиеся охраной перелетных птиц, охраной рыбных запасов, международными реками, охраной дикой природы, безопасностью источников энергии и т. д. В их число входят Гринпис, Всемирный фонд дикой природы, Международный социально-экологический союз, Международная ассоциация «Зеленый крест», Международный фонд защиты животных и ряд других организаций.

Для обсуждения возникающих проблем по охране окружающей среды собираются международные конференции. Первым крупным многосторонним мероприятием в этой области следует считать конференцию по международной охране природы, состоявшуюся 17–19 ноября 1913 г. в Берне. На ней было подписано Соглашение об учреждении Консультативной комиссии по международной охране природы.

В 1972 г. состоялась Стокгольмская конференция по окружающей среде. В ее работе приняли участие делегаты 113 стран и 400 международных организаций. Там были приняты Декларация, которая содержала принципы, заложившие основу МЭП, и План, состоящий из 109 резолюций, посвященных различным аспектам защиты окружающей среды.

Конференция свела вместе промышленно развитые и развивающиеся страны в определении прав человечества на благоприятную окружающую среду, подняла вопросы о регулировании использования природных ресурсов, идентификации и контроле за важнейшими видами загрязнений, международном сотрудничестве.

После этой конференции несколько государств признали в своих конституциях право на адекватную окружающую среду и обязательства государства сохранять эту среду.

Для осуществления решений конференции была создана межправительственная организация ЮНЕП, которая выполняет координирующую функцию.

В рекомендации конференции были включены предложения проводить программы по образованию и подготовке профессионального, технического и административного персонала в области решения проблем окружающей среды.

Стокгольмская конференция дала толчок развитию изучения окружающей среды на национальном и международном уровне, способствовала формированию правовых норм и законодательных инициатив, содействовала процессу поиска ресурсосберегающих технологий, ускорила возникновение международных форм сотрудничества по защите окружающей среды, стала предтечей конференции в Рио-де-Жанейро.

Можно также отменить принятие Генеральной Ассамблеей ООН «Резолюции об исторической ответственности государств за сохранение природы земли для настоящего и будущего поколений», 1980 г. Она по-новому раскрыла институт ответственности за сохранение природы как единого целого и также перед будущими поколениями, т. е. трансгенерационной ответственности.

Другой заметный природоохранный документ – это «Всемирная хартия природы», 1982 г. Он предусматривает уважение

природы, недопустимость препятствования ее существенным процессам, поддержание уровня популяции всех форм живого, достаточного для их выживания. Для достижения этого хартией предусматривается включение защиты окружающей среды в социальное и экономическое планирование с учетом долговременной способности природных систем обеспечить существование населения.

Также нужно отметить московское многостороннее «Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды» от 8 февраля 1992 г. Оно предусматривает сотрудничество в области охраны окружающей среды между странами СНГ. Участники соглашения договорились создать для этого Межгосударственный экономический совет и при нем Межгосударственный экономический фонд.

С 3 по 14 июня 1992 г. прошла Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Девизом конференции стал лозунг «Наш последний шанс спасти планету». Ее участниками были 177 стран, 3000 представителей от 1400 неправительственных организаций.

Конференция отметила, что в ближайшее 50 лет Земля потеряет от четверти до половины своего биологического разнообразия, сформировавшегося сотни миллионов лет, что в отношении генетических и других ресурсов в мире сложилась неравноправная ситуация, когда богаты ресурсами одни, прибыли от их использования получают другие. В биологическом разнообразии лидируют тропические страны, однако используются они в основном биотехническими компаниями промышленно развитых стран.

Был поставлен вопрос о том, что было бы справедливо передать развивающимся странам или часть прибыли, полученной от использования их генетических ресурсов, для сохранения биоразнообразия, или на льготных условиях новые технологии, способные содействовать решению вопросов охраны окружающей среды.

Противниками такой постановки вопроса выступили защитники права интеллектуальной собственности, защищенной патентами (в частности, США), считающие, что это право является необходимым условием достижения устойчивого развития. Они исходили из положения об абсолютном характере частной собственности, сложившегося в законодательстве XVIII–XIX вв. Однако уже реальное право XIX столетия знало различные ограничения прав собственности. Многие современные юристы единодушны во мнении, что право свободного использования выгоды и распоряжения собственностью имеют сейчас не более чем историческое значение.

На конференции широко обсуждался вопрос о введении системы цен на все виды ресурсов с учетом ущерба, наносимого

окружающей среде, а также о квотировании выбросов парниковых газов на душу населения. Было предложено, что квоту за выброс можно будет рассчитывать для региона в целом, оставляя за ним право маневрировать внутри, или же просто дать возможность региональным структурам по своему усмотрению оплачивать квоты своих участников.

Там была создана Комиссия по устойчивому развитию (КУР), контролирующая ход осуществления программы «Повестка дня на XXI в.». Другими основополагающими документами конференции были Декларация и «Заявление о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию лесов».

В целом итоги этой конференции, с одной стороны, можно считать исторической вехой в развитии международного природоохранного сотрудничества. Во-первых, собрав большое число деятелей высшего ранга, она ознаменовала переход экологических проблем из периферийной области международной политики в разряд главных приоритетов. Во-вторых, конференция, с ее акцентом на идее устойчивого развития, указала на необходимость комплексного подхода к решению экологических проблем. В-третьих, собрав множество представителей неправительственных организаций, конференция приобрела демократический статус.

С другой стороны, основаниями для скепсиса могут служить разногласия между промышленно развитыми и развивающимися странами. К ним можно отнести позиции по тотальному уничтожению тропических лесов, обязательствам государств по объемам и темпам сокращения выбросов в атмосферу парниковых газов, по правам, связанным с интеллектуальной собственностью.

Значительным событием в международном сотрудничестве явилась «Всемирная конференция ООН по устойчивому развитию» в Йоханнесбурге, 2002 г. В ее работе приняли участие посланцы 195 стран, в том числе 104 президента и премьер-министра. Ими были приняты политическая декларация, призывающая все страны к работе на благо всеобщего процветания и мира, план действий по борьбе с бедностью и охране земной экологии.

План предусматривает ряд широкомасштабных акций по доступу сотен миллионов человек к чистой воде и электрической энергии, 50% снижения уровня бедности к 2015 г., комплексные природоохранные программы по замедлению вырубок лесов и истощению рыбных запасов Мирового океана, глобальное снижение субсидий на добычу ископаемых энергоносителей, переход на возобновляемые источники энергии.

Оценивая эти документы, нельзя не отметить, что в них практически отсутствуют четко прописанные детали осуществления заяв-

ленных задач: обеспечение квалифицированными специалистами, финансирование проектов, сроки.

Итоги конференции, с одной стороны, являются перспективными, дающими основу для масштабных действий по защите природы и улучшению жизни людей, а с другой стороны, можно сказать, что они оказались безрезультатными и провальными.

Подводя итоги рассмотренному, можно сказать, что решение возникающих проблем МЭП и дальнейшее улучшение качества жизни человечества возможно в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего естественный биотический механизм саморегуляции природы.

Н.А. Ефремова

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРОВ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И НОРМ ВНУТРЕННЕГО ПРАВА

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия международного экономического права, принимаемого как в рамках соответствующих международных организаций, так и экономических интеграционных объединений. Новым явлением в международном экономическом праве является процесс придания юридической силы нормам, принимаемым в рамках таких организаций, в отличие от классических международных организаций.

Ключевые слова: интеграционные процессы, договор, международные организации, международное право, государства, ЕС, сообщество, национальное законодательство, МЕРКОСУР, экономическая безопасность.

Развитие интеграционных процессов в межгосударственных отношениях ведет к расширению сферы действия международного права. Его роль и влияние на внутреннее право государств заметно возрастают. Как отмечает А.А. Моисеев, государствам как первичным субъектам международного права приходится учитывать международные реалии все более интегрирующегося международного сообщества. «Государства, не способные приспособить свою национальную политику к многосторонним требованиям современного мира, не смогут эффективно справляться с требованиями всемирной интеграции и их увеличивающимся воздействием на внутригосударственную политику»¹.

Проблему соотношения договоров об экономической интеграции и норм национального права следует рассматривать исходя из того, что международное и внутригосударственное право представляют собой самостоятельные, хотя и взаимосвязанные, правовые системы, которые, однако, не изолированы друг от друга, а находятся

© Ефремова Н.А., 2010

в постоянном взаимодействии, соприкосновении, осуществляя взаимное влияние друг на друга. Это влияние проявляется, прежде всего, в том, что положения международных договоров об экономической интеграции инкорпорируются во внутреннее право. Такая инкорпорация осуществляется в различных формах – международно-правовые нормы могут непосредственно включаться в правовую систему государства; ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации устанавливает это положение, как и ст. 7 ГК РФ. Аналогичные положения содержат конституции Болгарии, Греции, Испании, Украины, ФРГ².

Специальное внимание вопросам инкорпорации договорных норм в национальное законодательство уделено в документах Общего рынка Южного Конуса (МЕРКОСУР). В июне 2000 г. была принята резолюция «Об инкорпорации норм МЕРКОСУР в правовые системы государств-участников»³. В декабре 2002 г. была введена система совмещения права МЕРКОСУР с национальным правом государств-членов⁴, предусматривающая согласование проекта норм, предназначенных для трансформации в национальное право, на предмет его соответствия национальному праву и определения процедуры и условий трансформации. Такая процедура придавала решениям органов МЕРКОСУР международно-правовой характер.

В июле 2004 г.⁵ была введена упрощенная процедура для трансформации решений, резолюций и директив органов МЕРКОСУР⁶.

Договоры об экономической интеграции, как и другие международные договоры, будучи включенными в правовую систему государства, получают дальнейшее развитие и их детализацию. Например, положения ст. 9 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. конкретизируются в ГК РФ применительно к отдельным видам договоров: договору купли-продажи (ст. 459, 474, 478), договору подряда (ст. 722, 724), расчетам по аккредитиву (п. 3 ст. 867), расчетам по инкассо (п. 2 ст. 874), договору хранения (п. 2 ст. 891) и др.

Объективные процессы экономической интеграции, вхождение государства в тот или иной блок ведут к необходимости унификации материальных норм национального законодательства. Нередко в самом договоре по тем или иным аспектам интеграции государства предусматривают необходимость унификации внутреннего законодательства его участников. К примеру, Женевский акт Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов от 02.07.1999 г. предусматривает возможность осуществления двумя и более государствами унификации своего национального законодательства по промышленным образцам⁷.

В рамках СНГ был принят ряд модельных законов, которые послужили основой для разработки и принятия соответствующих национальных законов государствами-участниками СНГ. Например, гражданские кодексы государств-участников СНГ принимались в соответствии с положениями Модельного гражданского кодекса СНГ⁸.

Тенденция укрепления связи международного права и национального законодательства, усиление на этой основе процессов унификации национального законодательства проявляются особенно в области экономической интеграции: растет число международных договоров и национально-правовых актов, посвященных регулированию одних и тех же аспектов межгосударственных экономических отношений, происходит сближение национального законодательства в сфере международного хозяйственного оборота. Такие процессы свидетельствуют о повышении влияния норм международного экономического права на внутригосударственное право. В связи с этим следует возразить против высказанной в свое время Е.Т. Усенко точки зрения о том, что значение норм международного права во внутригосударственном праве является чисто символическим⁹. Эта позиция противоречит положениям п. 4 ст. 15 Конституции РФ. Кроме того, влияние норм международного права на национальную правовую систему проявляется в необходимости приведения в соответствие норм национального законодательства с положениями данного международного договора, принятии новых норм национального права путем разработки и принятия принципиально новых законодательных актов, ранее не известных правовой системе государства, принятия законов, существенно изменяющих их нормативное содержание, либо принятия актов, вносящих частичные изменения и дополнения в действующие законодательные акты. Например, Закон РФ от 20 августа 1993 г. «О космической деятельности», «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне РФ» от 31 июля 1998 г.; ФЗ от 20 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод». В любом случае следует иметь в виду, что Конституция РФ обладает приоритетом применения перед международными договорами РФ (ст. 5 закона «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.).

Следует также отметить, что во многих российских внутренних нормативных правовых актах указывается на то, что регулирование соответствующих вопросов осуществляется согласно как российскому законодательству, так и международным договорам. Показательны в этом отношении положения в ст. 7 ГК РФ. Как

отмечает Л.П. Ануфриева¹⁰, возможность применения международного договора в национальном праве заслуживает особого внимания, поскольку в нем находит подтверждение взаимосвязь и взаимодействие международного права и национально-правовых систем. Средства международного и внутригосударственного права зачастую используются комплексно, о чем свидетельствуют как положения международных соглашений, так и нормы национально-правовых актов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что значение норм международного права для российской правовой системы нельзя рассматривать как чисто символическое.

Вместе с тем не следует полагать, что внутригосударственное право лишь пассивно воспринимает положения норм международного права. Нормы внутригосударственного права, со своей стороны, также оказывают воздействие на содержание норм международного права. При разработке и принятии международных договоров и соглашений суверенные государства согласовывают свои позиции, исходя из принципов и положений, содержащихся во внутригосударственном праве, формируя, таким образом, нормы международного права. Этот процесс назван Г.И. Тункиным «согласование воли государств». Тем самым в нормах международного права опосредованно отражаются и закрепляются положения национального права государств, участвующих в их разработке. При этом следует отметить, что другие государства при присоединении к договору лишены такой возможности. Присоединяясь, они могут сделать только оговорки, если договор это допускает.

Внутригосударственное право, по словам Р.А. Мюллерсона, оказывает на международное право как материальное, так и процессуальное воздействие¹¹. Материальное воздействие выражается в том, что положения внутригосударственного права получают выражение в нормах международного права. Процессуальное происходит путем воздействия национального права на процесс реализации норм международного права, иногда и на их правоприменение. При этом система норм национального права опосредует как внутригосударственные отношения, так и проводящуюся государством политику внутри страны и за ее пределами. Тем самым национальное право оказывает воздействие на сущность и содержание норм заключаемых международных договоров, определяет порядок их принятия и порядок их реализации¹².

В мировой экономике современного периода заметно интенсифицируются процессы глобализации, что не может не сказываться на международном праве, особенно в сфере экономической интеграции, а также на соотношении международных договоров в этой

сфере отношений и норм внутреннего права государства. Возникает такая же проблема соотношения норм, принимаемых в рамках международных интеграционных объединений и норм национального права государств-членов объединений. В юридической литературе выделяется то значение, которое оказывают на эти процессы межгосударственные организации, наделяемые признаками надгосударственности. Причем степень такого влияния зависит от характера и полномочий таких организаций. Целью подавляющего большинства международных организаций является содействие межгосударственному сотрудничеству в форме интеграции. Их решения распространяются непосредственно на граждан и юридических лиц государств-членов¹³. Многие авторы отмечают, что процессы глобализации актуализировали вопросы, связанные с поиском наиболее эффективных международно-правовых путей решения задач экономической интеграции с помощью многостороннего механизма и способствовали развитию такого явления, как надгосударственность в деятельности международных организаций¹⁴.

Говоря о признаках надгосударственности международных организаций, называемых в литературе, следует отметить мнение А.А. Моисеева. К таким признакам он относит: признание общности интересов государств-членов, принятие решений большинством голосов государств-членов, независимость международных чиновников, право своими решениями обязывать и уполномочивать физических и юридических лиц государств-членов, непосредственное действие решений организации на территории государств-членов, невозможность одностороннего выхода из организации, принятие решений, обязательных для государств-членов, передача государствами-членами части своих суверенных полномочий такой международной организации¹⁵. Нельзя не отметить, что экономические интеграционные объединения, как и экономические организации, признаются производными (от суверенных государств) субъектами, поэтому говорить об их надгосударственности (верховенстве) будет неправильно.

Следует отметить, что в рамках интеграционного объединения государства-участники добровольно передают этому объединению ряд собственных функций, в том числе в области правового регулирования экономических отношений, наделяя интеграционное объединение производной правосубъектностью с определенным объемом полномочий, проявляя тем самым потенциал своего суверенитета.

Особыми полномочиями в интеграционных процессах обладает Европейский союз, который, по мнению С. Кашкина и А. Четверикова, «превратился в подлинно европейскую интеграционную

универсальную организацию, обладающую собственным аппаратом управления и осуществляющую деятельность в самых различных сферах общественной жизни»¹⁶. Возникло право ЕС, которое, по мнению председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина, «всегда развивалось на базе национальных законов. Поэтому для понимания европейского права необходимо глубоко вникать в суть правовых систем и первоначальный смысл норм, которые “выросли” до норм европейского уровня, а оттуда уже возвращались на национальный уровень. Кроме того, в ряде случаев интернационализация норм и их развитие на национальном уровне по схожему пути в различных государствах идут параллельно»¹⁷. Как представляется, нельзя переносить признаки надгосударственности интеграционных объединений ЕС на любое и каждое интеграционное объединение в других регионах, так как надгосударственность ЕС нацелена на федерацию или конфедерацию европейских государств.

Право ЕС и национальное право государств-членов Союза хотя и самостоятельны по отношению друг к другу, но тесно взаимосвязаны, взаимозависимы, дополняют друг друга. Их взаимозависимость обусловлена тем, что, во-первых, право ЕС формировалось путем восприятия положений национального права государств-участников Союза, во-вторых, реализация норм права ЕС осуществляется через национальные правовые системы государств-членов путем принятия соответствующих нормативных правовых актов, вынесения судебных решений национальными судами и т. д. Инкорпорированные нормы права ЕС определяют границы и условия применения норм национального права в случаях совпадения объекта правового регулирования национальными нормами и нормами сообщества. Достаточно показателен в рассматриваемом контексте пример Великобритании, которая признала прямую применимость и прямое действие на своей территории права Европейских сообществ, что в корне отличается от обычного подхода Великобритании к трансформации международных обязательств. Можно отметить и тот факт, что конституции Германии и Франции были приведены в соответствие с договором о Европейском союзе¹⁸.

Появились и специфические формы взаимопроникновения права ЕС и национального права, в частности через решения Суда ЕС. Так, в соответствии со ст. 177 Договора о ЕС «национальные суды государств-членов обращаются в Суд Европейских сообществ за разъясняющим заключением», которое, как правило, предопределяет решение национального суда по конкретному делу¹⁹.

Исследуя вопрос о природе права Европейского сообщества, Суд ЕС отметил, что «Европейское экономическое сообщество

представляет собой новый международный правопорядок, в пользу которого государства ограничились своими суверенными правами»²⁰. Суд ЕС обладает полномочиями выносить решения относительно существования факта нарушения одним из государств-членов обязательств, перечисленных в договоре об учреждении ЕС; наделен неограниченной юрисдикцией в отношении санкций, предусмотренных в регламентах; обладает необходимыми полномочиями контролировать законность актов Сообщества, порождающих правовые последствия для третьих лиц²¹.

По мнению Н.Р. Мухиной, именно «судебная практика Суда Европейских сообществ составляет весьма важную часть правового регулирования соотношения права Сообществ и национального права»²².

Передача государством части своих суверенных полномочий интеграционному объединению и активное проникновение норм интеграционного объединения в правовую систему государства-участника актуализирует проблему обеспечения экономической безопасности этого государства.

Отсутствие легального определения понятия экономической безопасности, в частности в законодательстве РФ, не позволяет, во-первых, четко определить возможные угрозы для экономической безопасности страны, в том числе связанные с негативными моментами экономической интеграции, такими, например, как дисбаланс во внешней торговле, зависимость национальной экономики от импорта важнейших продуктов питания, во-вторых, затрудняет выработку действенной системы мер, противодействующих этим угрозам.

Угрозы экономической безопасности России могут также возникнуть вследствие поспешной или недостаточно обоснованной инкорпорации норм международных интеграционных договоров в правовую систему страны. Для предотвращения такой угрозы целесообразно проведение правовой экспертизы проектов международных интеграционных договоров, в разработке которых Россия принимает участие и участницей которых она собирается стать, с точки зрения возможного воздействия положений этих договоров на состояние экономической безопасности и выработки предложений по нейтрализации возможных угроз правовыми средствами, например путем оговорки в отношении определенных положений заключаемого международного договора, если возможность такой оговорки не запрещена договором.

Примечания

¹ *Моисеев А.А.* Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 4.

Соотношение договоров об экономической интеграции и норм внутреннего права

- 2 Международное право / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2004. С. 143–144.
- 3 MERCOSUR/CMC/DEC. No. 23 / 00.
- 4 Решение «Совершенствование системы инкорпорации норм МЕРКОСУР в правовую систему государств-членов» MERCOSUR/CMC/DEC. No. 20 / 02.
- 5 MERCOSUR/CMC/DEC. No. 22 / 04.
- 6 См.: *Рыжов В.Б.* Методы формирования права регионального интеграционного объединения // *Внешнеторговое право.* 2006. № 2.
- 7 Публикация ВОИС № 229 (R). Женева. Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1999. С. 5–83.
- 8 Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Ч. 1 (принят в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 1995. № 6. С. 3–192.
- 9 *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права в Российской Конституции // *Московский журнал международного права.* 1995. № 2. С. 16
- 10 Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. М., 1999. С. 76.
- 11 См.: *Мюллерсон Р.А.* Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 30.
- 12 См.: *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. С. 223–224.
- 13 См.: *Шляпцев Д.А.* Международное право: курс лекций. М., 2006.
- 14 См.: *Моисеев А.А.* Указ. соч. С. 29 и др.
- 15 Там же. С. 43–44.
- 16 *Кашкин С., Четвериков А.* На пути к европейской конституции: Европейский конвент и перспективы разработки Конституционного договора (Конституции) Европейского союза // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение.* 2003. № 1 (42). С. 38.
- 17 *Зорькин В.Д.* Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // *Журнал российского права.* 2006. № 12.
- 18 *Лантвева К.Н.* Роль судов государств в применении и развитии современного международного права: проблемы и решения в судебной практике Российской Федерации и зарубежных стран // *Право и политика.* 2006. № 8.
- 19 См.: *Мухина Н.Р.* Право Европейского союза. М., 2006. С. 82–83.
- 20 Суд Европейских сообществ. Избранные решения / Отв. ред. Л.М. Энтин. М., 2001.
- 21 *Тихоновецкий Д.С.* Функции и полномочия Суда ЕС, его роль в институциональной структуре Европейских сообществ // *Московский журнал международного права.* 2003. № 2. С. 208–209.
- 22 *Мухина Н.Р.* Указ. соч. С. 83.

В.М. Жуковский, Л.М. Жуковская

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СУДОХОДСТВА И УНИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРДОВ

Безопасность судоходства является одной из важнейших задач при осуществлении международной торговли. Для реализации этой задачи мировым сообществом предпринимаются шаги, направленные на унификацию международных стандартов, закрепление в национальных законодательствах норм международного права, а также ужесточение требований, предъявляемых к техническим средствам судоходства и командам этих средств. В статье подняты вопросы, касающиеся безопасности мореплавания, международных документов, относящихся к этой тематике, затронута проблема пиратства, а также меры борьбы с актами незаконного проникновения на судно в международном и национальных законодательствах.

Ключевые слова: безопасность, Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74), морское судоходство, Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС), пиратство, терроризм.

В ежегодном докладе, опубликованном Центром информации по пиратству Международного морского бюро ICC International Maritime Bureau (IMB) Piracy Reporting Centre (PRC), отмечается рост пиратства в 2008 г. Поскольку пиратство представляет угрозу развитию свободной торговли и туризма требуется координация усилий международного сообщества в области противодействия и борьбы с ним. Однако в деле борьбы с пиратством необходима надежная правовая база, адекватная нынешним вызовам морских разбойников.

Сегодня мы являемся свидетелями объединенной борьбы мирового сообщества с пиратским захватом судов на море. Свет увидел ряд резолюций ООН по данной проблеме, дающих междуна-

© Жуковский В.М., Жуковская Л.М., 2010

родно-правовую основу силовым действиям против пиратов у побережья Сомали. В связи с этим некоторые страны направили боевые корабли в опасные зоны, приступили к регулярному военному патрулированию в районе Аденского залива и Африканского Рога. Подчеркнем, что все резолюции Совета Безопасности ООН основываются на положениях Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS)¹ (заключена в городе Монтего-Бей 10.12.1982 г.), других универсальных договоров, направленных на защиту интересов международного судоходства и не преследуют изменение действующего международного права.

Международные требования по охране безопасности судоходства и портовых средств изложены в ряде международных документов. Среди них:

1. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.² (СОЛАС-74) (заключена в Лондоне 01.11.1974 г.);

2. Международный кодекс по охране судов и портовых средств³ (Кодекс ОСПС, принят на конференции договаривающихся Правительств конвенции СОЛАС-74 по охране на море 12.12.2002 г. резолюцией № 2);

3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства⁴ (SUA) (заключена в Риме 10.03.1988 г.);

4. Рекомендации (резолюции) международной морской организации (ИМО)⁵ и международные договоры.

В настоящей статье затронуты только первые два источника международного права, поскольку именно они в настоящем и ближайшем будущем будут оказывать существенное влияние на безопасность морского судоходства.

В Российской Федерации продолжается процесс внедрения требований главы XI-2 Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Международного кодекса по охране судов и портовых средств. После вступления в силу этих документов прошло много времени. На начальном этапе было сломано немало копий о целесообразности скорейшего внедрения положений Кодекса ОСПС на территории Российской Федерации и проведено множество совещаний, на которых как доказывалась необходимость скорейшего внедрения, так и пытались определить компетенцию органа, занимающегося данной проблематикой. Если в 2002 г. вопросами морской безопасности занималось одно ведомство – Федеральная служба морского флота Министерства транспорта Российской Федерации, то после проведения административной реформы Россия получила не один орган, ответственный за безопасность, а целых три.

Правительство Российской Федерации постановлением от 30 июля 2004 г. № 395 утвердило Положение о Минтрансе России⁶, в котором наделило Министерство транспорта России функциями «Администрации» и «Назначенного органа» по выполнению обязательств, вытекающих из участия России в МК СОЛАС-74.

В свою очередь Минтранс России поделился полномочиями со всеми заинтересованными сторонами. Приказом от 8 декабря 2004 г. № 41 «О реализации требований Главы Х1-2 Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Международного кодекса по охране судов и портовых средств»⁷ разграничил полномочия в указанной сфере деятельности, предусмотрев следующее:

1) министерство оставляет за собой право осуществлять общую координацию работы, направленной на реализацию положений главы Х1-2 СОЛАСа и Кодекса ОСПС, а также разработку предложений по определению государственной политики в области охраны объектов морского и речного транспорта;

2) Ространснадзору поручается обеспечить надзор за выполнением требований главы Х1-2 СОЛАС на территории Российской Федерации;

3) Федеральному агентству морского и речного транспорта предписывается организовать внедрение требований международных документов на подведомственных объектах.

Федеральное агентство морского и речного транспорта издало распоряжение от 27 декабря 2004 г. № ВР-110-р «Об организации выполнения требований Главы Х1-2 Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Международного кодекса по охране судов и портовых средств»⁸, которым Федеральное государственное учреждение «Служба морской безопасности» определено как организация, на которую возложена практическая реализация требований главы-Х1-2 СОЛАС-74 и Кодекса ОСПС на объектах морского и речного транспорта.

Таким образом, в Российской Федерации за внедрение кодекса ОСПС в судоходных компаниях и портах отвечает ФГУ «Служба морской безопасности», силами которого подготавливаются поправки в Кодекс торгового мореплавания, а также некоторые распоряжения Росморречфлота и приказы Минтранса России. При непосредственном участии ФГУ проводятся семинары, разрабатываются методические рекомендации, проводится разъяснительная работа. Ространснадзор контролирует выполнение кодекса, а Министерство транспорта, как отмечено выше, является «Администрацией» и «Назначенным органом» по выполнению обязательств, вытекающих из участия России в МК СОЛАС-74.

Как сказано в преамбуле к Кодексу ОСПС, «...после трагических событий 11 сентября 2001 г. на 22-й сессии Ассамблеи ИМО в ноябре 2001 г. было единогласно принято решение выработать новые меры в отношении судов и портовых средств для принятия их в декабре 2002 г. на Конференции Договаривающихся правительств Конвенции СОЛАС-74 (известной как Дипломатическая конференция по охране на море)».

В действительности мир стал иным. Ранее не замечаемые угрозы обрели реальные очертания. Сначала террористической, а затем и пиратской деятельности стало уделяться все больше внимания как со стороны правительств, так и общественных организаций. Трудно представить, с какими бедами могло бы столкнуться человечество в случае взрыва захваченного террористами супертанкера «Сириус Стар» из Саудовской Аравии, способного перевозить до 2 миллионов баррелей нефти. Взрыв такого танкера мог привести к тяжелейшей экологической катастрофе. Недавний захват пиратами судна «Фаина» поставил много вопросов. Судно перевозило 33 танка Т-72, гранатометы, зенитные установки и боеприпасы, которые Украина продала Кении. Окажись данное оружие в руках воинствующих группировок в Сомали или в соседних странах, могла бы вспыхнуть новая война.

С момента трагических событий 11 сентября 2001 г. прошло чуть более года, когда международному сообществу был представлен один из основополагающих документов по морской безопасности – Кодекс ОСПС. В нем нашел отражение опыт применения национальных правил по обеспечению безопасности судоходства стран Европы и США. Кодекс ОСПС поделен на две части: часть «А» имеет обязательный статус, устанавливает ответственность Договаривающихся правительств и обязанности судоходной компании; часть «Б» является рекомендательной по выполнению части «А» Кодекса ОСПС и главы XI-2 СОЛАС-74.

Наиболее существенными требованиями Кодекса ОСПС являются правила, предъявляемые непосредственно к защите судна во время морского перехода и стоянки в порту, а также к защите портового средства. Все остальные требования лишь направлены на осуществление основной и главной задачи – осуществление защиты судна и портового средства от актов незаконного проникновения или использования.

Для реализации мер по защите судов и портовых средств предлагается ряд мероприятий, которые должны способствовать безопасной работе как флота, так и порта. Эти мероприятия включают в себя назначения должностного лица в компании и на судне, должностного лица портового средства, а также обучение лиц,

ответственных за охрану судна или портового средства, в специализированных организациях. Кодекс ОСПС четко определяет, кто должны быть эти лица и какие требования к ним предъявляются. В специализированных учебных центрах указанные специалисты получают необходимые знания для осуществления технических и организационных мероприятий по защите вверенного им объекта от актов незаконного вмешательства. Также уделяется особое внимание знанию каждым членом экипажа действий во время перехода и стоянки в порту, тренировкам по обеспечению безопасности.

До настоящего времени ситуаций, при которых бы данным специалистам пришлось отстаивать правильность принятых решений, в российских портах не случилось и при должном выполнении своих обязанностей случиться не должно.

Основным документом, подтверждающим соответствие судна или портового средства Кодексу ОСПС, является план охраны, разрабатываемый специализированной организацией, имеющей лицензию. В период с 2002 по 2008 г. 1658 судов успешно прошли освидетельствование и получили Международное свидетельство об охране судна, 270 портовых средств получили одобрение планов своей охраны.

Администрация устанавливает уровень охраны, который действует на судах и в портах, подвластных ей. Всего предусмотрено три уровня охраны, действующих на судне и в порту. Уровни охраны отличаются между собой объемом требований.

Требования кодекса направлены на снижение возможности незаконного проникновения на судно и защиту портовых средств от актов незаконного воздействия. При этом неважно, со стороны кого и как может произойти данное проникновение. При движении судна в открытом море экипаж в соответствии с одобренным планом охраны должен быть на своих местах и докладывать офицеру судна, ответственному за охрану, обо всех подозрительных событиях. К примеру, при приближении к судну быстроходных катеров член экипажа обязан сообщить об этом, а офицер, ответственный за охрану, должен принять меры против сближения своего судна с подозрительными судами и не допустить взятия судна на бордаж. На судне во время перехода должны устраиваться учебные тревоги, позволяющие отработать меры по пресечению незаконного проникновения на судна, такие же тренировки проходят и при стоянке в порту. Однако нередки случаи, при которых в море выходят суда, не имеющие плана охраны судна и/или подготовленных офицеров, а команда не знает, что делать при нападении. За примерами подобных случаев ходить далеко не надо. Участвовавшие случаи нападения пиратов на торговые суда у берегов Сомали и Индии говорят

сами за себя. К сожалению, опыт подобных нападений редко учитывается как самой судоходной компанией, так и офицерами судна. В большинстве своем члены экипажа пренебрегают своими обязанностями по охране судна, что приводит к трагическим последствиям. Если бы капитаны судов, офицеры, ответственные за охрану судна, выполняли свои должностные обязанности на высоком профессиональном уровне, а члены экипажа судов знали свои обязанности по охране судна, то многих захватов судов пиратами удалось бы избежать.

Любое судно, заходящее в порт, должно предоставить определенную информацию, указывающую уровень охраны судна, последние несколько портов захода и другие сведения. В случае если у портовых властей возникнут подозрения в достоверности подаваемых сведений или судно не имеет плана охраны судна и свидетельства, то такому судну может быть отказано в праве заходить в порт для осуществления грузовых операций и посадке-высадке пассажиров. В то же время судно также требует от порта предоставить информацию о его уровне охраны и план охраны портового средства. В случае если уровни охраны порта и судна совпадают, то судно заходит в порт под грузовые операции, если же в порту уровень охраны, установленный администрацией, выше, нежели у судна, то судно должно предпринять меры к выравниванию уровня охраны при стоянке в порту. Аналогична ситуация и при обратном варианте: когда уровень охраны судна выше, чем у порта, то порт предпринимает меры для выравнивания уровней охраны путем выполнения требования со стороны судна о заполнении декларации об охране.

Необходимо отметить, что требования кодекса распространяются на все суда и все портовые сооружения, участвующие в международном сообщении, за исключением военных судов и вспомогательных судов военно-морского флота, судов, используемых договаривающимися правительствами в некоммерческих целях. Действие кодекса во многом зависит от понимания членами экипажей судов и руководством портового средства самих принципов безопасности. Требования положений кодекса продиктованы не столько желанием затруднить деятельность игроков международного рынка, сколько уберечь их участников от актов незаконного воздействия, таких как терроризм, пиратство.

За время действия Кодекса ОСПС и СОЛАС-74 были выявлены несовершенства отдельных вопросов и завышенные требования при стоянке судна в порту. Например, на 81-й сессии Комитета по безопасности на море (КБМ) ИМО были рассмотрены такие проблемы и случаи, при которых членам экипажей судов не дозво-

лялось сходить на берег в порту прихода, были отказы в оказании медицинской помощи, капитанам судов не разрешалось сменить экипаж, в отдельных случаях за попытку пополнить запасы судна накладывались штрафы. Также была поднята проблема нелегальной эмиграции и торговли запрещенными товарами.

Проблема нелегальной эмиграции и торговли запрещенными товарами стоит перед морским судоходством довольно остро. Связано это в большинстве своем с конфликтами в отдельных государствах развивающегося мира.

В случае ввоза в страну нелегальных мигрантов или запрещенных товаров часть ответственности было решено переложить на порт отправки. На деле это позволяет существенно снизить поток нелегальной миграции, поскольку порты, замеченные в этом, существенно понизят свои рейтинги, а судовладельцы будут выбирать другой порт захода за грузом.

Помимо приведенных выше проблем с реализацией Кодекса ОСПС и СОЛАС-74, было также отмечено, что несмотря на циркулярное письмо ИМО MSC / Circ.1156 (Руководство по доступу органов государственной власти, аварийных служб и лоцманов на борт судна), представители контролирующих служб продолжают игнорировать требования охраны судна, находящегося в порту, в частности, инспекторы не носят идентификационные карточки, игнорируют требования о записи в журнал посещений. Для исключения подобных нарушений морского законодательства КБМ одобрил «Руководство по базовым элементам национальных программ контроля выполнения положений главы XI-2 СОЛАС-74 и Кодекса ОСПС». Этот документ предусматривает изменение или создание национальных программ для выполнения требований Кодекса ОСПС и СОЛАС-74 на территории договаривающихся правительств.

Многие страны Европы, а также США внедрили Кодекс ОСПС посредством изменения национального законодательства. Законы, принятые в этих странах, вступили в силу одновременно с Кодексом ОСПС. Российская Федерация также меняла свое законодательство для более тесной интеграции с международным сообществом. 9 февраля 2007 г. президентом России был подписан Федеральный закон № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»⁹. Ст. 4 данного закона определяет, что «объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, обеспечение транспортной безопасности которых осуществляется исключительно федеральными органами исполнительной власти, определяются федеральными законами, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации». Однако к настоящему моменту данные

объекты не определены ни федеральными законами, ни постановлениями Правительства Российской Федерации. Также данная статья возлагает на органы исполнительной власти осуществление государственного контроля и надзора в области обеспечения транспортной безопасности. Представляется возможным предположить, что нормативное обеспечение этого закона также будет возложено на ФГУ «Служба морской безопасности».

Помимо относительно нового законодательства со времени принятия Кодекса ОСПС в Российской Федерации были на различных уровнях приняты нормативно-правовые документы, регламентирующие внедрение Кодекса ОСПС и главы XI-2. Среди основных, конечно же, необходимо отметить следующие: Постановление Правительства РФ от 11 апреля 2000 г. № 324 «Об утверждении Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания»¹⁰; Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»¹¹; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹²; Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2007 г. № 746 «О реализации положений Главы XI-2 Международной Конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. и Международного Кодекса по охране судов и портовых средств»¹³.

Несвоевременное выполнение Российской Федерацией международных обязательств по защите объектов морского и речного транспорта могло привести к значительному сокращению существующих и перспективных объемов внешнеторговых перевозок и транзитных грузопотоков через территорию страны с участием российских портов и судоходных компаний, снижению их конкурентоспособности на мировом рынке. Внедрение положений Кодекса способствует не только обеспечению безопасности портового средства или судна, но и выработке единых стандартов и норм поведения, поднимает рейтинг объектов морского и речного транспорта, и, соответственно, их привлекательность для свободной торговли и туризма возрастает многократно.

На момент вступления в силу новых международных требований по морской безопасности (01.07.2004 г.) Россия свои международные обязательства выполнила полностью, дальнейшее же развитие законодательства позволило России занять ведущее место среди морских держав в части обеспечения морской безопасности.

- 1 Собрание законодательства РФ. 01.12.1997. № 48. Ст. 5493.
- 2 См.: Консолидированный текст МК СОЛАС-74 с учетом изменений и дополнений, принятых на 84-й сессии КБМ в мае 2008 г. СПб.: ЦНИИМФ, 2008.
- 3 См.: Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС). СПб.: ЦНИИМФ, 2003.
- 4 Собрание законодательства РФ. 26.11.2001. № 48. Ст. 4469.
- 5 ИМО – Международная морская организация – организована под покровительством ООН в 1948 г. (Женева).
- 6 Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3342.
- 7 Нормативная база / Издания. Национальные [Электронный ресурс] // Федеральное государственное учреждение «Служба морской безопасности». [М., 2009]. URL: <http://www.msecurity.ru/rus/page61/> (дата обращения: 01.02.09).
- 8 Там же.
- 9 Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 837.
- 10 Там же. 17.04.2000. № 16. Ст. 1714.
- 11 Там же. 20.02.2006. № 8. Ст. 897.
- 12 Там же. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.
- 14 Там же. 12.11.2007. № 46. Ст. 5585.

В.В. Минаев

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В статье рассматривается актуальная проблема нашего времени – правовое регулирование миграции. Для этого осуществляется разработка и практическая реализация комплекса законодательных и подзаконных актов, определяющих условия, которые стимулируют либо ограничивают перемещения людей, а также их определяющих численных контингентов в направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям общества, государства, групп стран, а также мирового сообщества в целом. Правовое регулирование миграции осуществляется как внутригосударственным (национальным), так и межгосударственным правом.

Ключевые слова: миграция, беженцы, Всеобщая декларация прав человека, Конституция РФ.

Правовое регулирование миграции осуществляется путем разработки и практической реализации комплекса законодательных и подзаконных актов, определяющих условия, которые стимулируют либо ограничивают перемещения людей, а также их определяющих численных контингентов в направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям общества, государства, групп стран, а также мирового сообщества в целом. Регулирование вопросов миграции устанавливается внутренним законодательством государства. В настоящее время правовую базу в этой сфере составляют законодательные акты, направленные на урегулирование как внешней, так и внутренней миграции. Регламентирование вопросов миграции осуществляется внутригосударственным (национальным) и межгосударственным правом. Однако и те и другие нормы представляют собой комплекс правил, только в своей совокупности дающих полное представление об общем

направлении политики Российского государства по регулированию вопросов миграции людей на его территории. Еще полтора десятилетия назад России не требовалось специального правового регулирования вынужденной или трудовой миграции населения. Но непрерывное увеличение численности мигрантов, количества совершаемых ими правонарушений, усложнение правовых отношений между различными категориями мигрантов и государством вызывают потребность законодательного регулирования миграции в целом и отдельных ее видов. В этой связи закономерно, что в «Общественном классификаторе отраслей законодательства» еще на 1993 г., утвержденном указом Президента Российской Федерации № 2171 от 16 декабря 1993 г., была предусмотрена разработка таких отраслей законодательства, как «Миграция» (010.080.040) и «Беженцы и вынужденные переселенцы» (010.080.030)¹.

На современном этапе можно говорить о комплексном правовом регулировании международной миграции населения. Во-первых, во многом международно-правовое и национально-правовое регулирования едины в своих подходах. Например, российское законодательство² восприняло понятие беженца, которое первоначально было закреплено в конвенции ООН 1951 г. «О статусе беженцев»³.

Во-вторых, национальное законодательство основывается на общих принципах и нормах международного права, которые были выработаны в процессе международно-правового регулирования⁴. В этом случае достаточно обратить внимание на Всеобщую декларацию прав человека⁵ либо на Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.⁶ Принцип свободы передвижения и выбора места жительства, провозглашенный в Декларации, был закреплен и в Конституции Российской Федерации⁷.

В-третьих, Российская Федерация является активным участником международного правового регулирования в области миграции населения.

Российская Федерация является участником большинства соглашений в области международной миграции населения, как двухсторонних, так и многосторонних.

Учитывая сказанное, необходимо сделать важное пояснение. При участии в международно-правовом регулировании Российская Федерация должна в первую очередь руководствоваться национальными интересами. В противном случае могут возникнуть ситуации, аналогичные последствиям присоединения в 1992 г. Российской Федерации к Конвенции 1951 г. «О статусе беженцев». Ратифицировав этот документ и фактически взяв на себя обязательства по приему и распределению беженцев, Россия не имела

ни законодательной базы, ни средств для реализации положений Конвенции. Результатом «доброй воли» явились тысячи вынужденных мигрантов, осевших на территории РФ. Данной категории международных мигрантов Россия не могла ни помочь – не было средств, ни выдворить – не было правовых оснований. Сегодня мы имеем результат в виде нелегальных иммигрантов, часть из которых – те самые беженцы.

В то же время каждое государство имеет право с помощью своего национального законодательства регулировать въезд мигрантов на свою территорию, порядок их проживания, занятия трудовой деятельностью и т. д. Это специально подчеркивается в международно-правовых документах о правах человека. Так, ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющая право каждого человека на свободу передвижения и выбора местожительства, а также право покинуть любую страну, включая свою собственную, предусматривает возможность их ограничений, предусмотренных законом, необходимых «для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других <...>». В Декларации о правах человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г.⁸, в отношении лиц, не являющихся гражданами стран, в которых они проживают, еще более категорично указывается, что никакое положение этой Декларации «не должно толковаться как узаконивающее незаконное проникновение иностранца в государство и его присутствие в государстве» или «как ограничивающее право любого государства принимать законы и правила, касающиеся въезда иностранцев и условий их пребывания <...>».

Таким образом, в ряде международных документов признается право государства на принятие мер по недопущению нелегальной миграции.

Внутреннее миграционное законодательство Российской Федерации обширно. К общим нормативно-правовым актам (относительно регулирования миграции иностранных и российских граждан) относятся: Конституция Российской Федерации 1993 г., содержащая основополагающие нормы, конкретизирующиеся в шести федеральных законах – «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г. в редакции от 22 августа 2004 г.; «О гражданстве Российской Федерации»; «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». К нормативным актам, полностью адресованным иностранным гражданам и лицам без гражданства, относятся законы «О беженцах», «О пребывании и передвижении иностранных граждан и лиц без гражданства».

Правила передвижения только собственных граждан в пределах границ Российского государства содержатся в законе «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г. Исходя из вышеперечисленного, нетрудно сделать вывод, что действующая система юридических норм имеет существенные особенности. Дело в том, что основы этих норм заключены не только в общеправовых актах для всего населения нашей страны, но и в правовых актах, специально адресованных субъектам обеих форм и разных видов миграций.

Большой массив вопросов, в том числе и не нашедших полного отражения в федеральном законодательстве, содержат индивидуальные акты государственных органов власти и управления. К ним относятся указы президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации.

Рассмотрим подробно, как регламентирует право на свободу передвижения, выбор места жительства каждый из источников миграционного законодательства Российской Федерации.

В Конституции Российской Федерации полностью нашли отражение гражданские права человека, а именно право на свободу передвижения, провозглашение в ст. 2 приоритета прав и свобод человека и гражданина как одной из важнейших основ конституционного строя и закрепление его во второй главе «Права и свободы человека и гражданина». Их признание и гарантированность осуществляются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (ч. 1. ст. 17). Впервые в нашей стране, проводя различие между статусом человека и статусом гражданина, т. е. между сферами частных и преимущественно публичных интересов личности, государство дает возможность человеку рассчитывать не только на гарантию своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие в их реализации. Конституция РФ закрепила право на свободу передвижения в полном соответствии с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, которые являются источниками конституционно-правового статуса личности в соответствии с п. 4. ст. 15 Конституции России. Это имеет важное значение как для страны с точки зрения интеграции в мировое сообщество, так и для мигрантов, чьи права и обязанности за рубежом существенно расширяются.

Закрепленная в ст. 7 Конституции Российской Федерации в качестве основы конституционного строя характеристика госу-

дарства как социального предполагает его обязанность создавать условия для достойной жизни граждан и реализации их естественных прав и свобод. К их числу можно отнести право на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства как собственных, так и иностранных граждан.

Статья 27 Конституции, наряду с Международным пактом о гражданских и политических правах, другими международными договорами, предусматривает в части 1 как свободное передвижение, так и выбор места пребывания и жительства для всех лиц, законно находящихся на территории Российской Федерации. Несмотря на это, более чем в 20 субъектах Российской Федерации введены ограничения на прием мигрантов, их регистрацию по месту пребывания и месту фактического жительства. Нормативные акты по этим вопросам, принятые в Москве и Санкт-Петербурге, Московской, Ростовской, Калининградской и других областях, Краснодарском, Ставропольском краях, Республике Адыгея, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках и некоторых других регионах страны, вступают в полное противоречие с федеральным законодательством. Часть 2 рассматриваемой статьи декларирует свободу выезда за пределы России как собственных граждан, так и иностранных. Россияне, в отличие от иностранных граждан и апатридов, имеют право беспрепятственно возвращаться в свою страну.

В ст. 61 Конституции РФ содержится два основополагающих принципа российского гражданства: запрет на высылку российских граждан за пределы государства (ч. 1), что является правовой преградой к произвольному выдворению отдельных граждан, и обязанность Российского государства защищать и оказывать покровительство своим гражданам, находящимся за границей (ч. 2). Гарантии и покровительство Конституция распространяет на российских граждан, как постоянно проживающих на территории иностранного государства, так и выехавших временно.

Статья 62, закрепляющая принцип двойного гражданства, в ч. 3 устанавливает конституционные основы правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Норма конституции уравнивает иностранных граждан и лиц без гражданства в правах и обязанностях с российскими гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором России.

Отдельная статья Конституции говорит о возможности предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства (ст. 63, ч. 1).

Многие конституционные нормы позднее конкретизировались и дополнялись специальными законодательными актами.

Так, положения Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» содержат исчерпывающий перечень оснований к ограничению права гражданина РФ на выезд. При этом определяется, что право гражданина РФ может быть ограничено временно. Сроки ограничения либо прямо указаны в правовой норме, либо определены условиями трудового договора (контракта), либо раскрываются в иных нормативных правовых актах.

Интересным представляется предусмотренное Законом основание ограничения выезда, заключающееся в обязанности выполнения лицом своего долга по защите Отечества, которое может выражаться как в прохождении военной службы по призыву⁹, так и в прохождении альтернативной гражданской службы¹⁰. Предусматривается и возможность ограничения выезда до одного месяца Министерством иностранных дел Российской Федерации в случае сообщения лицом о себе заведомо ложных сведений при оформлении документов на выезд.

Въезд граждан Российской Федерации на территорию Российской Федерации осуществляется беспрепятственно. Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 1996 г. № 1752 «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации»¹¹ определен перечень документов, удостоверяющих личность гражданина РФ за границей¹².

Беспрепятственный въезд осуществляется гражданином Российской Федерации и в случае утери им за рубежом документов, удостоверяющих личность. В этой ситуации ему выдается свидетельство на въезд (возвращение) в Российскую Федерацию¹³.

Наряду с осуществлением добровольной миграции граждан Российской Федерации может также въехать на территорию Российской Федерации в целях поиска убежища по основаниям, предусмотренным в законе Российской Федерации «О вынужденных переселенцах»¹⁴.

В отношении граждан иностранных государств и лиц без гражданства Российской Федерацией осуществляется разрешительный порядок международной миграции на свою территорию. Въезд иностранных граждан на территорию Российской Федерации может осуществляться либо добровольно, либо в поисках убежища.

Законом Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации» определяется, что пересечение государственной границы на суше лицами и транспортными средствами осуществляется на путях международного железнодорожного, автомобильного сообщения либо в иных местах, определяемых

международными договорами Российской Федерации или решениями Правительства Российской Федерации¹⁵.

Иностранные граждане и лица без гражданства могут добровольно въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии российской визы¹⁶ по действительным документам, удостоверяющим их личность¹⁷ и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

Международные мигранты могут въезжать на территорию Российской Федерации в целях поиска убежища. Анализ норм российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что международным мигрантам при поиске убежища может быть предоставлен один из следующих статусов: беженца¹⁸, вынужденного переселенца¹⁹, лица, получившего временное убежище²⁰, политическое убежище²¹.

Из всей совокупности норм, нашедших закрепление в этой группе нормативно-правовых актов, можно выделить положения, которые, на наш взгляд, носят императивный характер.

1. Разрешительный порядок въезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации и выезда с территории Российской Федерации²².

2. Свободный выезд с территории РФ и беспрепятственный въезд на территорию РФ граждан РФ.

3. Предоставление Российской Федерацией территориального убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права.

4. Российская Федерация не допускает выдачи другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действие или бездействие, не признаваемое в Российской Федерации преступлением²³.

5. Депортация иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ за совершенные ими противоправные деяния²⁴.

Представляется возможным сделать вывод о том, что указанные выше положения, во-первых, полностью соответствуют международным принципам в сфере международной миграции населения; во-вторых, должны определять направления внутригосударственного правового регулирования международной миграции населения на уровне подзаконного регулирования.

Как федеративное государство Россия имеет миграционное законодательство субъектов. В него входят: конституции и уставы субъектов Российской Федерации, а также нормативные акты, издаваемые законодательными и исполнительными органами власти субъектов в составе Российской Федерации.

Нормативными актами соответствующих министерств и ведомств РФ устанавливаются содержание, средства и методы контроля в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, конкретизируются определенные права и обязанности государственных органов, должностных лиц и т. п.

Например, Министерством здравоохранения РФ совместно с Федеральным фондом обязательного медицинского страхования на основании Постановления Правительства РФ от 11.12.98 г. № 1488 «О медицинском страховании иностранных граждан, временно находящихся в Российской Федерации, и российских граждан при выезде из Российской Федерации»²⁵ определен порядок медицинского страхования, минимальный перечень медицинских услуг, оказываемых в системе медицинского страхования²⁶ застрахованным иностранным гражданам, временно находящимся в РФ²⁷.

Кроме того, представляют интерес нормативные акты Федеральной налоговой службы Российской Федерации. В них определяется порядок и условия уплаты налогов²⁸ международными мигрантами, находящимися на территории Российской Федерации.

Исходя из вышперечисленного, можно сделать вывод, что действующая система юридических норм, регулирующая данную область правоотношений, имеет особенность, состоящую в том, что основы рассмотренных норм заключены не только в общеправовых актах для всего населения страны, но и в правовых актах, специально адресованных субъектам миграции.

Примечания

- 1 Сборник актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. 1993. № 3. Ст. 17.
- 2 Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 25 марта 1993 г. № 12. Ст. 425.
- 3 Текст Конвенции опубликован в журнале «Гражданин и право» (2002. № 6).
- 4 См., напр., ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; п. 7 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Там же. № 22. Ст. 2031 и др.
- 5 См. ст. 13 Всеобщей декларации прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Библиотечка «Российской газеты». 1999. Вып. 22–23.
- 6 См. ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений

- и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII. С. 44.
- 7 См. ст. 27 Конституции Российской Федерации, 1993 г.
 - 8 Генеральная Ассамблея. Рез. 40/144 от 13 декабря 1985 г.
 - 9 См.: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
 - 10 См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» // Там же. 2002. № 30. Ст. 3030; Постановление Правительства РФ от 28 мая 2004 г. № 256 «Об утверждении Положения о порядке прохождения альтернативной гражданской службы» // Там же. 2004. № 23. Ст. 2309.
 - 11 СЗ РФ. 1996 г. № 52. Ст. 5914.
 - 12 В Указе определяется, что документами, удостоверяющими личность гражданина РФ за границей, являются: паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт, паспорт моряка (удостоверение моряка). Все эти виды паспортов являются специальными документами и выдаются на основе документа, удостоверяющего личность. Дипломатический паспорт выдается лицам, обладающим дипломатическим иммунитетом. Служебными паспортами снабжаются лица, следующие за границу с целью выполнения задач, изложенных в командировочных предписаниях. Указанные виды паспортов являются собственностью Российской Федерации и подлежат возврату. Паспорт моряка (удостоверение личности моряка) предоставляется для осуществления выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию на судах, что исключает возможность их предоставления офицерам флота, проходящим службу на военных кораблях.
 - 13 См.: Постановление Правительства РФ № 1142 от 01 октября 1998 г. // СЗ РФ 1998. № 41. Ст. 5020.
 - 14 См. п. 2, ст. 1: вынужденным переселенцем признается гражданин РФ, вынужденный покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывший на территорию РФ. Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 // ВВСР 93-12, (с изменениями и дополнениями на 20 декабря 1995 г., № 202-ФЗ, Российская газета. 1995. № 274).
 - 15 См.: ст. 9 Закона от 1 апреля № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» 1993 г. // СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
 - 16 В соответствии со ст. 25.1 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», виза – выданное уполномоченным государственным органом разрешение на въезд в Российскую Федерацию и транзитный проезд через территорию Российской Федерации по действительному документу, удостоверяющему личность иностранного гражданина или лица без гражданства и признаваемому Российской Федерацией в этом качестве.
 - 17 Иностранным гражданам или лицам без гражданства въезд в Российскую Федерацию и выезд из Российской Федерации могут быть не разрешены по осно-

- ваниям, предусмотренным Федеральным законодательством. Въезд иностранных граждан и ЛБГ, обладающих статусом беженца, осуществляется на основе удостоверения беженца, выданного дипломатическим представительством РФ за рубежом. Въезд данной категории лиц, а также получивших статус беженца на территории РФ, осуществляется на основании проездного документа беженца. Подробнее вопросы выдачи см.: Постановление Правительства РФ от 07.10.1998. № 1162 «О проездном документе беженца» // СЗ РФ. 1998. № 41. Ст. 5030.
- 18 Закон РФ «О беженцах» от 28.06.1997 г. № 95-ФЗ // Там же. 1997. № 26. Ст. 2956.
- 19 Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 28.12.1995 г. (с изменениями и дополнениями) // Там же. 1995. № 52. Ст. 5110.
- 20 Постановление Правительства РФ от 09.04.2001 г. № 271 «Предоставлении временного убежища на территории РФ» // Там же. 2001. № 16. Ст. 1603.
- 21 Указ Президента РФ № 746 от 21.07.97 г. «Об утверждении положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» // Там же. 1997. № 30. Ст. 3601.
- 22 Исключение в ряде случаев составляют пассажиры круизных судов; подробнее см.: Постановление Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 532 «Об утверждении Положения о пребывании на территории Российской Федерации иностранных граждан – пассажиров круизных судов» // Там же. 2003. № 35. Ст. 3448.
- 23 См.: ст. 63 Конституции РФ.
- 24 См.: Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Там же. 1996. № 34. Ст. 4029; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Там же. 2002. № 30. Ст. 3032; Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Там же. 1998. № 2. Ст. 219; Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» // Там же. 1995. № 14. Ст. 1212; Приказ МВД РФ от 26 августа 2004 г. № 533 «Об организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и Федеральной миграционной службы по депортации либо административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 4 октября 2004 г. № 40.
- 25 СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6305.
- 26 Письмо дирекции Федерального фонда ОМС от 3 ноября 1999 г. № 5545/30-3и «О медицинском страховании иностранных граждан». Текст взят из правовой системы «Гарант».

- 27 См.: Приказ Минздрава РФ от 06.07.1999 г. № 315; Письмо Федерального фонда ОМС от 5 октября 2000 г. № 4647 / 30-3 и «Об обязательном медицинском страховании студентов, учащихся и аспирантов образовательных учреждений» // Сборник законодательных актов и нормативных документов Федерального фонда обязательного медицинского страхования. М., 2001. Т. 12.
- 28 См., напр.: Инструкция МНС РФ от 02.11.1999 г. № 54 «По применению Закона Российской Федерации “О налогах на имущество физических лиц”» // Налоговый вестник. 2000. № 4; Приказ МИД России и МНС России от 13 ноября 2000 г. № 13748 / БГ-3-06 / 387 «Об освобождении от налогообложения доходов отдельных категорий иностранных граждан» // Экспресс-Закон. 2001. Март. № 11.

А.В. Мельцов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АРКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Статья посвящена правовому статусу арктического региона. Территориальные споры, касающиеся региона, имеют своей первопричиной наличие огромного потенциала развития Арктики. Богатый природными ресурсами и имеющий стратегически важный характер край еще долгие годы будет предметом пристального внимания не только государств, имеющих статус арктических, но и всего остального мира. Место России, ее сила и успешное развитие в будущем во многом зависят от того, какие шаги по укреплению влияния в регионе предпримет она сейчас.

Ключевые слова: арктический регион, правовой статус, концепция полярных секторов, международное морское право, «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.».

Россия, США, Канада, Дания и Норвегия – это прибрежные к Северному Ледовитому океану государства, имеющие статус арктических. Также имеют такой статус Швеция, Финляндия и Исландия, так как часть сухопутной территории этих государств располагается в так называемом арктическом бассейне (согласно Декларации об учреждении Арктического совета 1996 г.).

С точки зрения географии, определение границ арктического региона не представляет особой сложности. Географически его можно определить таким образом: с севера – Северный полярный круг плюс материковые части Евразии и Америки и островные образования Северного Ледовитого океана, с юга – географическая параллель 66° 33' северной широты.

Ситуация в корне меняется, когда мы начинаем говорить о территориальной принадлежности данного региона конкретным странам. Это обуславливается его расположением и наличием огром-

ного количества как исследованных, так и скрытых пока ресурсов. Арктика имеет большое значение с любой точки зрения: военной, экономической, геополитической безопасности, экологической и т. д.

Современный правовой статус этих территорий определяется исходя из суверенитета вышеперечисленных государств и регулируется общими нормами международного права. Здесь следует отметить, что он практически не отличается от объема прав прибрежных государств в неарктической части Мирового океана.

В связи с особым положением Арктики выработалась международно-правовая концепция (концепция полярных секторов), основанная на признании особой ответственности и сопутствующих ей особых прав, учитывающих законные интересы арктических государств. Одним из проявлений этой концепции было признание права прибрежных арктических государств устанавливать границы полярных владений в секторах, вершиной которых является Северный полюс, основанием – их арктическое побережье, а боковыми границами – меридианы, проходящие через крайние точки северного побережья указанных стран. Секторальное деление сложилось исторически начиная с XIX в. рядом двусторонних соглашений. Следует отметить, что данное деление не соответствует Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву.

Именно особые климатические условия Арктики предопределили договоры о мирных переходах через территориальное море, но они также стали отправной точкой для появления «исторических прав»¹ в морских пространствах за пределами внешней границы территориального моря. Данные права регулируются как нормами действующего международного права, так и нормами внутригосударственного права этих государств.

Первым актом, фиксирующим принадлежность России северных территорий, была нота Министерства иностранных дел Российской империи в 1916 г., устанавливающая принадлежность островов (территорий), составляющих продолжение на север Сибирского континентального плоскогорья, и островов, расположенных вблизи европейского побережья России (Земли императора Николая II, острова цесаревича Алексея, острова Старокадомского и др.). Данное положение было подтверждено в 1924 и 1926 гг. советским правительством. Указанные нормативные акты также устанавливали восточные границы арктических владений России / СССР с США. Западные границы были установлены Договором о Шпицбергене в 1920 г.

Российский сектор Арктики охватывает площадь около 9,46 млн км², из которых 6,8 млн км² приходится на водное пространство, что составляет 45% общей площади Северного Ледови-

того океана. В пределах сектора континентальный шельф России составляет 6,19 млн км², или 41% площади всей водной акватории Арктики.

За время использования природных ресурсов над регионом, кроме опасности оспаривания прав на территории, нависла и другая угроза. В силу особых климатических условий все больше стало появляться проблем, связанных с экологической безопасностью Арктики. В целях создания механизма, позволяющего координировать деятельность государств и обсуждать на регулярной основе вопросы международного сотрудничества в этом регионе, в 1990 г. образован Международный арктический научный комитет.

Важным шагом в этом направлении стало проведение первой межправительственной Конференции по охране окружающей среды Арктики в июне 1991 г. в Финляндии. Восемь северных государств подписали Декларацию об охране окружающей среды Арктики и Стратегию экологической защиты региона, включающую охрану морской среды арктических морей.

В 1996 г. учрежден Арктический совет, который уделяет внимание проблемам защиты окружающей среды от загрязнения. В этом же году была принята Икалуитская декларация министров государств – членов Арктического совета, в которой поддерживаются «усилия Российской Федерации по разработке и выполнению Российской национальной программы действий по охране арктической морской среды от негативного влияния человеческой деятельности на суше»².

В Конвенцию ООН по морскому праву также включена специальная ст. 234, посвященная проблемам загрязнения «покрытых льдом районов». Согласно этой статье, прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение «законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особенно суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его»³.

Свою национальную морскую политику, в том числе в арктическом региональном направлении, Российская Федерация проводит в соответствии с «Морской доктриной Российской Федерации на период до 2020 г.», утвержденной Президентом РФ 27 июля 2001 г. № Пр-1387. Так, особую важность приобретает «закрепление богатств исключительной экономической зоны и континентального

шельфа Российской Федерации, роль Северного флота для обороны страны с морских и океанских направлений, а также возрастающее значение Северного морского пути для устойчивого развития Российской Федерации»⁴.

Однако остаются проблемы, связанные с самой доктриной международного права по вопросам, относящимся к региону. Хотя идея установления арктических секторов нашла поддержку у представителей международно-правовой доктрины ряда арктических государств, в работах западных юристов можно встретить самые крайние квалификации режима – от открытого моря до полного суверенитета приарктических государств.

Конвенция ООН по морскому праву предусматривает наличие в пределах 200-мильных экономических зон особых районов, в которых «по признанным техническим причинам, связанным с океанографическими и экологическими условиями, а также с использованием этого района или защитой его ресурсов и с особым характером движения судов в нем», допускается принятие специальных обязательных мер для предотвращения загрязнения с судов (ст. 211, п. 6).

Особо следует остановиться на вопросах делимитации зон функциональной юрисдикции – исключительных экономических зон и зон континентального шельфа между государствами с противоположными или смежными побережьями.

Учитывая наличие природных ресурсов в регионе, у многих стран возникают территориальные споры, длящиеся годами. Такие споры могут быть разрешены мирным способом только после подписания соответствующего договора, устраивающего стороны участницы конфликта. Но примеров успешного разрешения противоречий не так уж и много, поэтому до сих пор остаются спорные территории.

В Арктике это, прежде всего, длящийся многие годы спор с Норвегией о делимитации морских границ в Баренцевом море, включающий вопросы, связанные с толкованием статуса архипелага Шпицберген, и спор о делимитации с Соединенными Штатами Америки в Чукотском и Беринговом морях, который также был предметом многолетних переговоров, завершившихся все же подписанием Соглашения между правительствами СССР и США летом 1990 г.⁵

«Правовой режим морских районов Арктики, даже постоянно покрытых льдами, регулируется нормами международного морского права, касающимися морских пространств (внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море)»⁶.

Крайне важным до сегодняшних дней остается международный политико-правовой статус арктических территорий. У каждого секторального «хозяина» есть собственные геополитические интересы и особое видение правового закрепления этих территорий. В последние годы в СМИ очень остро ставятся вопросы принадлежности территорий⁷. Политические и экономические интересы государств в этом регионе способствуют общей координации действий для закрепления этих пространств. Практически все приарктические государства имеют собственные Арктические стратегии или доктрины⁸.

Ряд ученых отмечают важные особенности международно-правового режима морских пространств Арктики с точки зрения интересов Российской Федерации. Для укрепления правового режима российской Арктики и Северного морского пути предлагаются меры, которые закрепляют правовой статус континентального шельфа Северного Ледовитого океана. Также особая роль отводится подготовке и последующему принятию закона о Северном морском пути⁹.

«Предлагаемые меры, во-первых, находятся в полном соответствии с действующим международным правом и современными тенденциями, относящимися как к правовому режиму, так и к использованию Арктики и Северного морского пути. Во-вторых, эти меры позволили бы на деле укрепить правовой режим российской Арктики вообще и Северного морского пути в частности, что в значительной степени обеспечит экономические, политические и оборонно-стратегические интересы Российской Федерации»¹⁰.

Примечания

- 1 См.: *Коломбос Д.* Международное морское право. М., 1975. С. 171–172.
- 2 *Вылегжанин А.Л., Колодкин А.Л., Михина И.Н.* Северный морской путь – исторически сложившаяся транспортная коммуникация Российской Федерации в Арктике // Проблемы Северного морского пути / Отв. ред. А.Г. Гранберг, В.И. Пересыпкин. М., 2006.
- 3 Современное международное морское право: Режим вод и дна Мирового океана. М., 1974.
- 4 *Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В.* Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М., 2007.
- 5 *Молодцов С.В.* Международное морское право. М., 2007.
- 6 *Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В.* Указ. соч.
- 7 См. также: Скандинавские страны создают «арктический кулак» [Электронный ресурс] // Сайт «Новости@mail.ru». [М., 2009]. URL: <http://news.mail.ru/>

Политико-правовой статус арктических пространств

- politics/2364882/ (дата обращения: 14.02.2009); Еврокомиссия выступает за интернациональный статус Арктики [Электронный ресурс] // Сайт «Прайм-Тасс». [М., 2008]. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=839629&ct=news> (дата обращение: 14.12.2008).
- ⁸ Ministry of Foreign Affairs of Denmark «Arktisk Strategi» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Дании. [Копенгаген, 2008]. URL: <http://www.um.dk/da/menu/Udenrigspolitik/GlobaleEmner/Arktis/ArktiskStrategi/> (дата обращения: 15.02.2009).
- ⁹ Проект подготовлен рабочей группой под руководством академика А.Г. Гранберга и заместителя председателя Государственной думы А.Н. Чилингарова. В рабочую группу по подготовке проекта входят В.В. Михайличенко, Г.К. Войтоловский, А.Н. Вылегжанин, А.Л. Колодкин.
- ¹⁰ *Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В.* Указ. соч.

Л.А. Аветисян

ЗНАЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАВОВЫХ МЕР В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Данная статья посвящена проблеме эффективности законодательства в области привлечения иностранных инвестиций в экономику. Существующие нормы не всегда удовлетворяют потребностям инвестора, а отсутствие универсального механизма по защите иностранных инвестиций не способствует развитию этого института. Нельзя также забывать о факторах, влияющих на мировую финансовую систему, но не относящихся к законодательству. Какое влияние оказывают они и какое значение они бы имели, если был бы создан эффективный международный механизм регулирования международной инвестиционной деятельности?

Ключевые слова: международная инвестиция, инвестиционная деятельность, технопарк, международный деликт, государства-импортеры и государства-экспортеры капитала.

Иностранные инвестиции на сегодняшний момент находятся в упадке. Последний пресс-релиз ЮНКТАД сообщает, что за 2008 г. общий объем прямых иностранных инвестиций сократился на 21% и будет падать на протяжении всего 2009 г.¹

Перед лицом глобальной экономической рецессии, жестких условий кредитования, падающих доходов корпораций и неясных перспектив и призрачности роста мировых экономик многие компании объявили о планах по сокращению производств, штата сотрудников. Все это и приводит к снижению уровня инвестиций. Влияние глобального экономического кризиса различно и зависит от уровня подготовленности в разных регионах и странах, что отражается даже на географических рамках снижения или увеличения инвестиций.

© Аветисян Л.А., 2010

Современная ситуация отличается от той, которая возникла при последнем финансовом кризисе, явившемся результатом бурного развития азиатских стран и оказавшем значительное негативное влияние на некоторые из них, как, например, Индонезию². Кризис, который мы наблюдаем сейчас, напротив, начался в развитых странах, хотя и стремительно распространился на развивающиеся и так называемые страны с переходной экономикой. Это повлияло на направления инвестиций и места их вложения.

Говоря о стремительно развивающихся странах и о крупнейших из них (Бразилия, Россия, Индия, Китай), необходимо отметить, что в 2008 г. они переживали экономический подъем и увеличение иностранных инвестиций в национальную экономику. По данным статистики, общий приток инвестиций в эти страны увеличился на 16%³.

На данный момент исследователи убеждены, что все признаки финансового и экономического кризиса останутся доминирующими в этом году. Это означает, что и уровень иностранных инвестиций также будет снижаться⁴.

Таким образом, актуальность данной темы напрямую связана в широком смысле с эффективным функционированием национальной экономики. Без иностранных инвестиций усилия правительства в вопросе принятия мер для выхода из глобального экономического кризиса могут потребовать больше времени и затрат. Поэтому для государства, стремящегося к присоединению к рангу развитых экономик мира и обеспечению национального благосостояния, необходимо принимать во внимание один из важнейших и актуальнейших институтов мировой глобальной экономики – иностранные инвестиции. Среди таких средств, способных наиболее эффективно защитить иностранных инвесторов, можно отметить принятие специальной законодательной базы, развитие института страхования, структурные реформы и другие.

Государство, очевидно, должно сыграть основную роль в установлении приемлемых условий для восстановления объемов иностранных инвестиций. Структурные реформы, направленные на закрепление стабильности финансовой системы, своевременные и эффективные экономические стимулы, предоставленные национальными правительствами, убедят в готовности возобновить инвестиционную деятельность.

В специальной литературе отсутствует единообразное понимание термина «иностранная инвестиция». Это также препятствует процессу унификации и гармонизации института страхования иностранных инвестиций.

Под иностранной инвестицией, в общепринятом смысле, понимается любая законная, не противоречащая публичному порядку

принимающего государства инвестиция, осуществляемая в допускаемых законом принимающего государства видах и формах собственности, которая отвечает как целям инвестора, так и принимающего государства (либо государства, дающего гарантию), направленная на социально-экономическое развитие принимающего государства, независимо от правового механизма страхования (международно-правового или национально-правового)⁵.

В узком смысле слова, инвестиция – это долгосрочное вложение капитала с целью получения дохода за рубежом.

Инвестиции являются неотъемлемой составной частью современной экономики. Инвестиции отличаются степенью риска для инвестора, так как такой вид вложения денег, как кредит, необходимо возвращать в оговоренные сроки независимо от прибыльности проекта и при этом выплачивать строго оговоренное количество процентов. Инвестиции возвращаются и приносят доход в прибыльных проектах. Если проект убыточен, инвестиции могут быть утрачены. Не следует также путать инвестирование и финансирование. Финансирование – выделение средств или ресурсов для достижения намеченных целей не обязательно с последующим получением прибыли.

Изменение характера и увеличение международных инвестиций связаны с интеграционными процессами и деятельностью ТНК (транснациональных компаний), которые осуществляют глобальную стратегию, размещая производство по всему миру и стремясь оптимально использовать все ресурсы, в том числе и финансовые⁶.

Во второй половине XX в. страны стали больше внимания уделять не созданию производственных зон, ориентированных на экспорт, целью которых в основном было пополнение валютных ресурсов соответствующих стран, а созданию технопарков (парков высоких технологий). Создание технопарков преследует цели развития наукоемких, высокотехнологических отраслей производства. Создается целая инфраструктура, состоящая из высших учебных заведений, компаний и корпораций, финансовых структур, которые готовы продвигать свои идеи и финансировать производство в других регионах мира.

Уровень затрат на НИОКР на сегодняшний момент настолько высок, что часто государства не могут позволить себе единоличные разработки. Участвуя в прямых иностранных инвестициях, корпорации стремятся удержать тем самым контроль над ключевой технологией, дающей ей конкурентные преимущества. Прямая взаимосвязь между развитием НИОКР и объемом экспорта капитала подтверждается практически для всех развитых стран⁷.

Этот процесс является логическим продолжением интеграции. С экономической точки зрения, интеграция – это консолидация экономических ресурсов стран для создания более эффективных товаров и услуг. Это заставляет страны консолидироваться и совместными усилиями создавать конкурентоспособную продукцию.

Кризис, который мы сейчас наблюдаем, может оказаться хорошей возможностью для обретения нового импульса для инвестиционной деятельности. С другой стороны, он таит в себе опасность обращения к политике протекционизма, которая ограничит еще в большей мере зарубежные капиталовложения. Хотя в современных кризисных условиях поток инвестиций снизился, но не прекратился из-за повышенной мобильности финансовой системы и диверсификации.

Соответственно активизировалось национальное и международное правотворчество в этой области. Это объясняется различием национальных правовых систем, которые по-разному не только объясняют некоторые экономические явления, но и по-разному их регулируют. Подобные соглашения и законы направлены, как правило, на либерализацию правового режима инвестиций, с одной стороны, и на повышение уровня их защиты – с другой. Большинство нормативных актов предусматривают возможность рассмотрения споров между иностранным инвестором и принимающим государством в беспристрастном арбитраже и немедленную и полную компенсацию по разрешению спора⁸.

Можно сделать вывод, что подобные договоры и соглашения предоставляют существенную международно-правовую гарантию иностранным капиталовложениям. Благодаря им нарушение принимающим государством инвестиционного контракта становится международным деликтом⁹.

Система регулирования международных инвестиций обеспечивает эффективное и динамичное развитие мировой экономики. Значительное место в ней принадлежит нормам обычного международного права. Они дополняются договорными нормами, которые повышают эффективность системы, уточняя общие нормы и определяя конкретные средства защиты инвестиций.

В ст. 4 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в РФ» говорится, что «правовой режим деятельности иностранных инвесторов и использования полученной от инвестиции прибыли не может быть менее благоприятным, чем правовой режим деятельности и использования полученной от инвестиций прибыли, предоставленный российским инвесторам, за изъятиями, устанавливаемыми федеральными законами»¹⁰.

Любую правовую систему можно назвать системой координат, которая позволяет взаимодействовать субъектам. Применительно к системе защиты международных инвестиций можно выделить следующие опорные пункты:

- обеспечение соответствия международным стандартам;
- недискриминация по каким-либо показателям;
- обеспечение защиты и безопасности;
- свободный перевод инвестиций и прибыли;
- недопустимость национализации без немедленной и адекватной компенсации.

В современной экономике даже в состоянии кризиса существуют различные факторы позитивного характера, которые раньше или позже смогут оказать положительный эффект на увеличение притока иностранных инвестиций. Пока нельзя с уверенностью сказать, что страны встают на путь выздоровления от финансовых проблем, но желание аккумулировать ресурсы для решения первостепенных задач, экономические и налоговые реформы, диверсификация экономик позволят встать на путь возвращения к докризисным цифрам.

К положительным факторам, которые могут оказать влияние на оздоровление мировой экономики, можно отнести:

- возможности, основанные на низких ценах на активы и промышленной реструктуризации;
- относительно большие доступные финансовые ресурсы в развивающихся и нефтедобывающих странах;
- быстрое развитие инновационных технологий, касающихся источников энергии и переработки материалов;
- относительно быстрая адаптивная способность международных компаний.

Создание новых институтов по регулированию инвестиционной деятельности и защите прав инвестора, имплементация международно-правовых актов в национальное законодательство, улучшение инвестиционного климата, взаимовыгодные формы сотрудничества – все это способствует привлечению зарубежных капиталовложений. Эти факторы определяют конъюнктуру рынка, но в долгосрочной перспективе они могут меняться или даже совсем потерять свою актуальность.

Государства обеспечивают прозрачность экономического пространства и либерализуют национальное законодательство, руководствуясь целью достижения национальных интересов. Здесь необходимо разъяснить причины экономической привлекательности института инвестиций.

Постоянные причины, одинаково относящиеся к импорту и экспорту капитала, можно разделить на три большие группы:

- обеспечение технологического преимущества;
- обеспечение конкурентных преимуществ;
- получение прибыли.

Каждая группа состоит из множества элементов, которые в разных комбинациях влияют на направление потока инвестиций.

Использование совместных разработок обеспечивает не только прибыль, но и во многом дает стимул для прогресса. Как уже говорилось, идет объединение государств не только на государственном уровне, но и на частном для создания технопарков. На единой площадке, которую обычно предоставляет государство, частные компании и правительственные организации концентрируют интеллектуальные и материальные ресурсы для обеспечения производства и разработки инновационных, конкурентоспособных товаров. Необходимо также учитывать потребность инвестора в тех или иных природных ресурсах: чем выше потребность корпорации в определенном природном ресурсе, тем больше объем ее экспорта прямых инвестиций в ту сторону, где этот ресурс имеется.

Кооперация и создание качественно новых продуктов являются не единственными способами получения прибыли. Современные транснациональные корпорации выводят свои производства из развитых стран, где уровень зарплат сравнительно высок, в развивающиеся для снижения стоимости конечного продукта. Хотя чем выше уровень зарплат в корпорации, тем выше объем экспорта прямых инвестиций¹¹.

Международное инвестирование обеспечивает также преимущество в рекламе, что способствует популяризации производимых товаров и услуг. Это в свою очередь означает, что чем больше продажи, тем больше объем экспорта инвестиций.

На основе статистических данных инвестор (например, банк) может оценить текущее состояние и краткосрочные перспективы рынков акций, описываемых фондовыми индексами, характеризующими среднюю стоимость определенного набора акций компаний по сравнению с их ценой в прошлом месяце. Фондовые рынки развивающихся стран сильно зависят от ситуации в странах с развитой экономикой, движение фондовых индексов стран Европы в основном связаны друг с другом, однако особое влияние на них оказывают индексы стран Азии, Северной и Южной Америки.

В качестве показателя деловой активности на мировом рынке ценных бумаг используются следующие индексы: для России – RTS, Германии – DAX, Канады – TSX, Японии – Nikkei 225, Гонконга – Hang Seng, Великобритании – FTSE 100, Франции – CAC 40.

Инвестиционные аналитики, рассматривая динамику иностранных индексов, могут принять инвестиционные решения.

Эффективность правового регулирования иностранных инвестиций зависит не только от волеизъявления импортирующего или экспортирующего капитал государства, но и от степени согласованности различных разделов этого регулирования.

Ярким примером является Даляньская свободная экономическая зона (ДСЭЗ, или Бондовая зона) в КНР. ДСЭЗ – самая крупная на северо-востоке Китая, облегчает доступ к китайскому внутреннему рынку и предоставляет возможности снижения стоимости инвестиций в китайскую экономику. Производители, импортеры и экспортеры имеют уникальную возможность реализовать инновационные проекты, связанные с ведением бизнеса в Китае.

Федеральный закон Российской Федерации от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях» (с последующими изменениями) устанавливает национальный режим для иностранных инвесторов, т. е. такие же условия функционирования, как и для отечественных, предоставляет иностранному инвестору большую правовую защиту и разрешает заниматься всеми видами деятельности (кроме запрещенных федеральными законами).

Так, действующий закон предусматривает, что изъятия ограничительного характера для иностранных инвесторов могут быть установлены федеральными законами только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, Россия выбрала в сфере международных инвестиций один из наиболее выгодных, с точки зрения привлечения таковых, механизм. С другой стороны, именно несогласованность действий разных ведомств и субъектов, отсутствие стратегического плана привлечения инвестиций, коррупция в государственной сфере замедляют приток капитала, кроме газо- и нефтедобывающих областей, хотя именно там Правительством РФ был сделан ряд исключений. Такая тенденция очевидна, на сегодняшний день эти области продолжают оставаться самыми прибыльными в средне- и краткосрочной перспективах.

Государство, с одной стороны, является участником инвестиционной деятельности, а с другой – основным регулятором и законодателем. Только от воли государства зависит инвестиционная привлекательность, а следовательно, и инвестиционная позиция той или иной страны.

Все государства, участвующие в международных экономических отношениях, могут быть разделены на две неравные группы.

Первая немногочисленная группа представляет собой страны-экспортеры капитала, которые стремятся обеспечить соблюдение собственных интересов в сфере иностранных инвестиций с использованием как национально-правовых, так и международно-правовых форм регламентации. Как правило, эти страны редко являются обладателями богатых запасов природных ресурсов, но готовы инвестировать капитал в эти области. Страны-реципиенты часто страдают от нестабильной политической и экономической системы, поэтому экспортеры стремятся получить как можно больше гарантий и обезопасить себя в случае любых неожиданных поворотов курса.

Вторая и многочисленная группа государств – страны-импортеры капитала. Они стремятся к правовому регулированию иностранных инвестиций на уровне национального законодательства, обеспечивая тем самым себе высокие доходы от налогообложения иностранных инвесторов. В идеале эта группа стран использует инвесторов для социально-экономической выгоды, используя доходы и совместно разработанные технологии на развитие своего государства.

Существует еще третья группа акторов – частные инвесторы, у которых нет единого координирующего центра, поэтому внутрикорпоративный интерес частных инвесторов выражается в классической форме, т. е. сделках согласно международно-правовым актам и внутреннему законодательству принимающего государства.

Как видно, цели и задачи у этих групп совершенно различны и понимание регулирования международных инвестиций тоже неоднородно. В результате до сих пор не выработан универсальный механизм и нет унифицированного документа, регулирующего данную область.

Примечания

- 1 UNCTAD Press Release: Global Foreign Direct Investment now in decline – and estimated to have fallen during 2008. [2008]. URL: <http://www.unctad.org> (дата обращения 03.02.2009).
- 2 Сайт «РосБизнесКонсалтинг». [М., 2009]. URL: <http://www.rbc.ru> (дата обращения: 20.03.2009).
- 3 UNCTAD Press Release.
- 4 Сайт «РосБизнесКонсалтинг». [М., 2009].
- 5 *Трапезников В.А.* Валютное регулирование в международном инвестиционном праве. М.: Волтерс Клувер, 2004.
- 6 *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004.

Л.А. Аветисян

- 7 UNCTAD Press Release.
- 8 *Трапезников В.А.* Указ. соч.
- 9 *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть: Учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
- 10 Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ (редакция от 03.06.2006 г.) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 25.06.1999 г.).
- 11 UNCTAD Press Release.

Актуальные вопросы международного частного права

В.В. Алешин

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Одним из основных правовых институтов международного частного и гражданского права разных государств является вещное право. Сущность вещного права заключается в том, что оно закрепляет отношение субъекта права к вещи. Вещные права оформляют и закрепляют принадлежность материальных вещей субъектам гражданских правоотношений.

В публикации анализируются нормы, регулирующие вопросы, связанные с возникновением, прекращением и изменением вещных прав на движимое и недвижимое имущество согласно законодательству различных государств. Становится очевидным тот факт, что только тщательное изучение норм национального права позволит ответить на вопрос об отношении имущества к недвижимому или движимому.

Ключевые слова: международное частное право, вещное право, право собственности, движимое и недвижимое имущество, коллизионный принцип, коллизионные привязки.

Одним из основных правовых институтов международного частного и гражданского права разных государств является вещное право. Сущность вещного права заключается в том, что оно закрепляет отношение субъекта права к вещи. Вещные права оформляют и закрепляют принадлежность материальных вещей субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений. Этим они отличаются от обязательственных прав, оформляющих переход вещей и иных субъектов гражданских правоотношений от одних участников к другим (динамику имущественных отношений, т. е. собственно гражданский оборот), а также от исключительных вещных прав, имеющих

объектом нематериальные результаты творческой деятельности, либо средства индивидуализации товаров (интеллектуальной и промышленной собственности). Категорией вещных прав охватывается, во-первых, право собственности – наиболее широкое по объему правомочий вещное право, предоставляющее управомоченному субъекту максимальные возможности использования принадлежащего ему имущества, во-вторых, ограниченные (по сравнению с содержанием права собственности) вещные права. Классическим примером ограниченных вещных прав являются сервитуты¹.

Определенный интерес представляет соотношение вещных прав и права собственности, закрепленное в кодифицированном Гражданском законе Германии (ГГУ) и наиболее близкое России по системе. Третья книга ГГУ «Вещное право» начинается с права владения и рассматривает владение как фактическую власть над вещью. На втором месте стоит право собственности. § 903 ГГУ связывает это право с возможностью распоряжаться вещью по своему усмотрению и устранять любое вмешательство, если тому не препятствуют закон или права третьих лиц. Третье место занимает наследственное право застройки. Затем следуют сервитуты и основная их разновидность – земельный сервитут. В § 1018 ГГУ определяется, что под земельным сервитутом понимается право использовать чужой земельный участок в определенных случаях, или воздержаться от определенных действий на чужом земельном участке, или исключение осуществления права собственности на обремененный земельный участок. Пятое место ГГУ отводит узупфрукту. Представляя разновидность сервитутов, узупфрукт тем не менее в § 1030 ГГУ получил самостоятельное закрепление: «Вещь может быть обременена таким образом, чтобы лицо, в пользу которого произведено обременение, имело право извлекать все выгоды от пользования вещью». Далее § 1093 ГГУ говорит о праве пользования жилым помещением. Данное право трактуется как разновидность ограниченного личного сервитута и состоит в возможности пользоваться зданием или его частью для проживания при освобождении его собственником помещения. И наконец, в § 1113 и 1204 ГГУ выделяются ипотека и залоговое право на движимые вещи как ограниченные вещные права.

Таким образом, практически все из классических римских видов вещных прав нашли закрепление в главном Гражданском законе Германии. Возможно ли позаимствовать всю немецкую систему? Думается, при всей близости наших систем простое копирование в данном случае невозможно и не целесообразно².

Как уже отмечалось, право собственности является наиболее широким по содержанию вещным правом. Российская цивилистика

рассматривает право собственности в двух значениях – широком (объективном) и узком (субъективном).

Право собственности в объективном смысле представляет собой комплексный правовой институт, содержащий совокупность правовых норм, регулирующих принадлежность материальных благ конкретным лицам, возможность владеть, пользоваться и распоряжаться ими, а также обеспечивающих защиту правомочий собственника в случае их нарушения. Следует подчеркнуть, что в институт права собственности входят не только нормы гражданского права. Данный институт охватывает все нормы права, которые закрепляют, регулируют и защищают принадлежность материальных благ определенным лицам. Это нормы конституционного, административного права, а также некоторые уголовно-правовые предписания. Однако преобладающее значение в институте права собственности занимают нормы гражданского права.

Право собственности в субъективном смысле – это возможность определенного поведения, дозволенного законом конкретному лицу. С этой точки зрения оно представляет систему правовых норм, регулирующих отношения по владению, пользованию и распоряжению собственником принадлежащей ему вещью. В соответствии с Гражданским кодексом (ГК) России содержание права собственности составляют принадлежащие собственнику правомочия по владению, пользованию и распоряжению.

Правомочие владения – это основанная на законе возможность иметь вещь в своем обладании. Это юридически обеспеченная возможность хозяйственного господства собственника над вещью. Такое господство не предполагает, чтобы собственник находился с вещью в постоянном и непосредственном контакте. Например, собственник дома, уезжая в отпуск, продолжает им оставаться. Владение вещью может быть законным (титულным) и незаконным (беститулным). Титулное владение основано на каком-либо праве (правовом основании, или титуле), которое вытекает из конкретного юридического факта, например право собственности на вещь, основанное на договоре купли-продажи. Незаконное владение на правовое основание не опирается, а поэтому является беститулным.

Правомочие пользования – это юридически обеспеченная возможность извлечения из вещи полезных свойств в процессе ее использования (например, фермер, используя сельскохозяйственную технику, получает соответствующий урожай овощей и фруктов).

Правомочие распоряжения – это юридически обеспеченная возможность определить судьбу имущества путем изменения его принадлежности (например, собственник распоряжается имуществом путем составления завещания).

В своей совокупности правомочия владения, пользования и распоряжения исчерпывают все предоставленные собственнику возможности.

Право собственности относится к числу исключительных прав. Это означает, что собственник наделен правом исключать воздействие всех третьих лиц на закрепленную за ним собственность. Однако это не означает, что власть собственника в отношении принадлежащего ему имущества безгранична. В соответствии с нормами гражданского права собственник вправе совершать в отношении своего имущества любые действия, но они не должны противоречить законам и другим правовым предписаниям.

Право собственности предполагает возложение определенных обязанностей по содержанию, расходам, страхованию и другим мерам, поддерживающим вещь в нормальном состоянии. Поэтому ГК РФ закрепляет норму, что собственник несет бремя (тяжесть) содержания принадлежащего ему имущества. Более того, риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором. Например, договором аренды расходы по содержанию имущества могут быть возложены на арендатора.

Право собственности может приобретаться различными способами, которые подразделяются на две группы: первоначальные и производные.

Первоначальные способы не зависят от прав предшествующего собственника на конкретную вещь. К первоначальным способам приравниваются также случаи, когда собственника ранее вообще не имелось, в частности, относятся к новой вещи.

Производные способы приобретения права собственности предполагают волеизъявление первоначального (предшествующего) собственника. В качестве оснований для приобретения имущества в собственность ГК России предусматривает заключение различных гражданско-правовых договоров (купли-продажи, дарения, мены, ренты). К производным способам приобретения права собственности относится также приватизация государственного и муниципального имущества, при которой приватизируемое имущество из государственной или муниципальной собственности переходит в частную.

ГК России предусмотрены различные основания прекращения права собственности. Право собственности может быть прекращено по воле собственника, когда он отчуждает (например, по договору купли-продажи, дарения) свое имущество другим лицам или добровольно отказывается от своего имущества.

Отметим, что гибель или уничтожение вещи может произойти и помимо воли собственника, при случайных обстоятельствах, за которые никто не отвечает. Риск утраты имущества несет собственник. Если же вещь погибла по вине конкретных лиц, то собственник имеет право на возмещение причиненного вреда.

Прекращение права собственности может произойти и помимо воли собственника, но при сохранении самого имущества как объекта права. Таким прекращением права собственности является отчуждение имущества, которое не может принадлежать данному лицу в силу запрета, установленного законом; отчуждение недвижимости в связи с изъятием земельного участка; выкуп бесхозно содержащихся культурных ценностей; выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними; реквизиция. Изъятие имущества у собственника по общему правилу производится на возмездных началах, т. е. с компенсацией ее стоимости.

Лишь в двух случаях допускается безвозмездное изъятие у собственника имущества помимо его воли: 1) обращение взыскания на имущество собственника по его обязательствам и 2) конфискация имущества.

Особый случай прекращения права собственности представляет собой приватизация государственного и муниципального имущества. Она распространяется только на имущество, находящееся в государственной и муниципальной собственности, и неприменима к частной собственности.

Законом сохранен и такой порядок обращения в государственную собственность имущества, находящегося у граждан и юридических лиц, как национализация. Национализация в настоящее время возможна на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков.

ГК России в качестве основополагающего установил правило о том, что в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных его видов. Исключение, в частности, обусловлено соображениями общественной безопасности и относится к некоторым видам оружия, сильнодействующим ядам, наркотикам и т. д., а также особой значимостью объектов (например, находящихся только в федеральной собственности).

Имущество граждан может быть использовано не только для удовлетворения личных потребностей, но и в предпринимательских целях, что предопределено содержанием правоспособности граждан и таким ее элементом, как право заниматься предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью. И хотя в этом случае применяются правила ГК РФ, которые регулируют

деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, права граждан на свое имущество сохраняются в том же виде.

Право собственности применимо к коммерческим и некоммерческим организациям, за исключением государственных и муниципальных предприятий, а также учреждений, финансируемых собственниками. Право собственности юридических лиц изначально возникает в силу факта передачи имущества участниками, учредителями, членами в качестве вкладов и по иным основаниям, предусмотренным законом. Российское законодательство регулирует вопросы, связанные с правовым положением государственной и муниципальной собственности.

Далее отметим, что гражданское право классифицирует объекты вещных прав, определяет правовое положение вещи в зависимости от принадлежности ее к определенному виду, устанавливает содержание права собственности и других вещных прав, порядок возникновения, изменения или прекращения этих прав. Эти важные вопросы могут по-разному решаться в праве разных государств, что приводит к возникновению коллизий между участниками конкретных правоотношений, осложненных иностранным элементом.

Если вопросы права собственности, помимо норм гражданского права, регулируются и другими отраслями права, то коллизионные проблемы права собственности подлежат рассмотрению только международным частным правом.

Основным принципом, используемым для разрешения коллизий правовых норм в сфере имущественных отношений, является закон места нахождения имущества – *lex rei sitae*. Это коллизионный принцип определяет, что вопросы права собственности и других вещных прав должны подчиняться законам того государства, на территории которого находится спорная вещь.

Вообще закон места нахождения вещи является одним из первых коллизионных правил, разработанных в доктрине и применяемых на практике. По мнению Г.К. Дмитриевой, этот коллизионный принцип в совокупности с личным законом и законом места совершения сделки положил начало той совокупности правовых норм, которая получила название коллизионного права³. Одним из первых этот принцип был закреплен в итальянской доктрине международного частного права еще в XIV в. и был исследован в работах ученого Бальда⁴. Однако в тот период такой подход использовался для регулирования в отношении недвижимости. Движимое имущество регулировалось личным законом собственника. Обоснование применения закона места нахождения вытекало из самой природы

недвижимого имущества – из его неподвижности, что предопределяло наличие естественного центра тяжести прав на это имущество там, где оно находилось. Движимое имущество не имеет такого центра прав, и поэтому оно движется за своим собственником и подчиняется его личному закону.

В XIX в. по мере появления новых видов движимого имущества и быстрого роста их стоимости (например, ценные бумаги, морские суда и т. д.) государства проявили стремление подчинить и движимое имущество своему праву. Постепенно сфера применения закона места нахождения вещи расширилась, распространяясь и на отношения по поводу движимого имущества. В настоящее время этот коллизионный принцип общепризнан⁵.

Так, согласно ст. 1205 ГК России содержание права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество, их осуществление и защита определяются по праву страны, где это имущество находится. Принадлежность имущества к недвижимым и движимым вещам определяется по праву страны, где это имущество находится. Закон местонахождения имущества используется в качестве формулы прикрепления в целом ряде коллизионных норм. В их число входят следующие коллизионные нормы:

1) возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на это имущество определяется по праву страны, где это имущество находилось на момент, когда имело место действие, или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено законом (п. 1 ст. 1206);

2) при отсутствии соглашения сторон о праве, подлежащем применению к договору в отношении недвижимого имущества, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан, т. е. право страны, где находится недвижимое имущество (п. 1 ст. 1213);

3) наследование недвижимого имущества определяется по праву, где находится это имущество, а наследование движимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, по российскому праву (п. 1 ст. 1224).

Федеральный закон о международном частном праве Австрии от 15 июня 1978 г. предусматривает: приобретение и прекращение прав на материальные вещи, включая распоряжение ими, регулируются правом государства, в котором эти вещи находятся.

Гражданский кодекс Греции предусматривает применение права государства нахождения вещи в отношении вещных прав на недвижимое и движимое имущество⁶.

Для регулирования отношений собственности и иных вещных прав в правовых системах разных государств, помимо традиционного *lex rei sitae*, закрепляются и другие коллизионные принципы. К ним относятся: а) закон места совершения сделки; б) закон места отправления движимого имущества; в) закон места регистрации имущества; г) закон автономии воли и т. д. Данный перечень не является исчерпывающим: достаточно воспользоваться законом автономии воли, чтобы по меньшей мере удвоить количество коллизионных принципов, подходящих для конкретных правоотношений. При этом не следует забывать, что один и тот же коллизионный принцип, закрепленный в разных правовых системах, осуществляет различное регулирование. Это связано с тем, что содержание фактических обстоятельств, приемлемых для действия *lex rei sitae*, каждое государство определяет по-своему.

Следует согласиться с мнением Г. Федосеевой, которая отмечает, что существенным препятствием при выборе искомого права является проблема квалификации таких юридических понятий, как «переход права собственности», «недвижимое и движимое имущество» и т. д. Так, например, законодательство разных государств неодинаково устанавливает момент перехода права собственности. Одни правовые системы связывают этот момент с фактической передачей вещи; другие определяют момент перехода согласно контракту, независимо от времени фактической передачи⁷.

Государства и другие субъекты международного частного права в отношениях между собой по вопросу правового положения вещных прав достаточно активно применяют принцип автономии воли – *lex voluntatis*.

Поскольку большинство правовых систем признает правовые системы других стран и находится в постоянном международном взаимодействии, автономию воли следует рассматривать как выражение сущности права⁸.

Закон автономии воли определяет статут обязательственного правоотношения, предусматривая, что оно регулируется правом того государства, которое выбрали стороны такого правоотношения. Наличие иностранного элемента и договорный характер отношений между субъектами обуславливают возможность выбора подлежащего применению материального права самими сторонами – участниками договора. По мнению Н.Ю. Ерпылевой, закон автономии воли занимает центральное место во всех национальных системах международного частного права, и все остальные коллизионные привязки рассматриваются как носящие вспомогательный характер, и используются только при отсутствии выбора применимого права сторонами, заключившими договор. Право,

избранное сторонами договора, считается применимым правом и регулирует следующий круг вопросов: а) порядок заключения договора; б) формальную и юридическую действительность договора, а также основания для признания его недействительности; в) права и обязанности сторон по договору, а также порядок его толкования; г) порядок приведения договора в исполнение, а также меры ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение; д) порядок прекращения обязательств по договору⁹.

Важными, с позиции определения правового положения вещных прав, представляются вопросы квалификации имущества как движимого, так и недвижимого. Уяснение, к какому виду относится имущество, определяет выбор коллизионной нормы. В праве разных государств закреплены различные коллизионные нормы, применимые для регулирования правового положения недвижимого и движимого имущества.

Национальные правовые системы содержат различный перечень имущества, относящегося к категории недвижимости. К недвижимости относятся земельные участки и возведенные на них строения. Однако помимо этого, понятием «недвижимость» могут охватываться сельскохозяйственные орудия, инструменты, сырье, используемое на предприятиях, как, например, принято во Франции. В соответствии с английским правом собственник документа, удостоверяющего право на земельный участок, а также собственник ключа от дома считаются лицами, обладающими недвижимостью. В некоторых штатах США строение, возведенное для проведения выставки, имеет статус движимого имущества¹⁰.

Таким образом, только тщательное изучение норм национального права позволит ответить на вопрос об отнесении имущества к недвижимому или движимому.

В заключение отметим, что многообразие проблем и отсутствие унифицированных материальных норм по вопросам вещных прав обуславливает на практике различное решение сходных ситуаций. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости тщательного анализа правоотношений и изучения различных правовых систем с целью уяснения особенностей регулирования вещных отношений в области международного частного права.

Примечания

- ¹ Гражданское право: Учеб. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: БЕК, 2000. Т. 1. С. 475–476, 590.
- ² См.: *Щенникова Л.В.* Вещное право. М.: ЮРИСТЪ, 2006. С. 68–69.

В.В. Алешин

- 3 См.: *Дмитриева Г.К.* Международное частное право. М.: ЮРИСТЪ, 2002. С. 189.
- 4 См.: *Брун М.И.* Очерки истории конфликтного права. СПб., 1915. С. 51.
- 5 См.: *Дмитриева Г.К.* Указ. соч. С. 189.
- 6 *Бендевский Т.* Международное частное право. М.: Статут, 2005. С. 300.
- 7 *Федосеева Г.* Международное частное право. М.: Остожье, 1999. С. 142.
- 8 *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право. М.: Проспект, 2004. С. 145;
Мосс Д. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. М., 1996. С. 8.
- 9 *Ерпылева Н.Ю.* Указ. соч. С. 144, 146.
- 10 См.: *Чешир Дж., Норт П.* Международное частное право. М., 1982. С. 324.

С.Н. Лухманова

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья посвящена международной системе соглашений в области интеллектуальной собственности и классификации составляющих ее нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, международные соглашения, система международно-правовых норм.

При осуществлении международного экономического, культурного, научно-технического сотрудничества важную роль играют вопросы международной охраны интеллектуальной собственности. Общая особенность прав на результаты интеллектуальной деятельности заключается в том, что они носят территориальный характер, т. е. признаются и охраняются на территории того государства, где они первоначально возникли. Территориальный характер действия указанных прав позволяет преодолеть международные договоры о взаимном признании и защите прав на результаты творческой деятельности, возникших в других государствах.

Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 г. определяет международный договор как регулируемое международным правом соглашение, заключенное государствами и другими субъектами международного права в письменной форме, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном, двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования¹.

В соответствии с Конституцией РФ международные соглашения, в которых участвует Российская Федерация, являются составной частью российской правовой системы и имеют приоритет перед национальным законодательством (ч. 4 ст. 15)².

Правовое регулирование интеллектуальной собственности характеризуется развитой системой источников, представленных международными договорами и соглашениями. Указанные соглашения можно разделить на несколько групп по различным признакам.

По кругу участников международные договоры в области интеллектуальной собственности можно традиционно классифицировать как:

- 1) договоры общего значения (с неограниченным числом участников);
- 2) региональные или партикулярные договоры (с ограниченным числом участников);
- 3) двусторонние (договоры, в которых участвуют два государства, либо договоры, когда с одной стороны выступает одно государство, а с другой – несколько).

Договоры общего значения включают в состав государств-участников государства, находящиеся в различных регионах земного шара, принадлежащие к различным социально-политическим и правовым системам. В качестве международного договора общего значения выступает, например, Парижская конвенция по охране промышленной собственности, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (1994 г.), Найробский договор об охране олимпийского символа (1981 г.). Важнейшим международно-правовым актом общего значения является также конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (1967 г.).

На региональном уровне действует Соглашение о создании Африканской организации интеллектуальной собственности³.

К двусторонним договорам относится Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о взаимной охране авторских прав на произведения литературы, науки и искусства (1975 г.), которое продолжает действовать в отношениях между Российской Федерацией и Словацкой Республикой и в отношениях между Российской Федерацией и Чешской Республикой. Данный договор предоставил в России правовую охрану иностранному произведению на условиях, установленных для граждан России⁴.

В зависимости от субъекта, заключающего договор, различают три вида международных соглашений:

- 1) межгосударственные (договоры, заключаемые от имени Российской Федерации), например Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.);
- 2) межправительственные (заключенные от имени Правительства РФ), например Соглашение между Правительством Рос-

сийской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (1993 г.);

3) межведомственные (соглашения, заключаемые на уровне ведомств), например межведомственные соглашения о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности между Роспатентом и Государственным агентством Республики Молдова по охране промышленной собственности (1999 г.); межведомственные соглашения о сотрудничестве в области правовой охраны программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем между Роспатентом и патентными ведомствами Республики Узбекистан, Кыргызской Республики и Комитетом по авторским и смежным правам Республики Беларусь (1999 г.).

По предмету регулирования различают универсальные и специальные соглашения.

К универсальным соглашениям относятся такие важнейшие конвенции, как конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) (1967 г.) и Конвенция об охране промышленной собственности (1883 г.)

Конвенция, учреждающая ВОИС, распространяется на все объекты интеллектуальной собственности. Она призвана содействовать охране интеллектуальной собственности во всем мире путем сотрудничества государств и, в соответствующих случаях, во взаимодействии с любой другой международной организацией.

Парижская конвенция устанавливает принципиальные положения по правовой охране не только изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, но и товарных знаков, знаков обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменных наименований, а также указывает на содержание понятия «промышленная собственность»: «Промышленная собственность понимается в самом широком смысле и распространяется не только на промышленность и торговлю в собственном смысле слова, но также и на области сельскохозяйственного производства и добывающей промышленности и на все продукты промышленного или природного происхождения, как, например: вино, зерно, табачный лист, фрукты, скот, ископаемые, минеральные воды, пиво, цветы, мука»⁵. Универсальный характер имеет Соглашение прав интеллектуальной собственности (1994 г.).

Специальные соглашения регулируют относительно узкую область отношений. К таким соглашениям относится, например, Договор о законах по товарным знакам (1994 г.), который применяется к знакам, состоящим из визуальных обозначений, при условии, что только те из договаривающихся сторон, которые прини-

мают к регистрации объемные знаки, обязаны распространять действие договора на такие знаки⁶.

По характеру правовых норм, содержащихся в тех или иных нормативно-правовых актах, международные соглашения можно разделить на четыре группы:

- 1) декларативные международно-правовые акты;
- 2) договоры об охране объектов интеллектуальной собственности;
- 3) договоры о регистрации объектов интеллектуальной собственности;
- 4) договоры о классификации объектов интеллектуальной собственности.

Примером первой группы могут служить Всеобщая декларация прав человека и гражданина, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., ст. 27 которой торжественно провозглашает: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является»⁷, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. (ст. 6, 15 ч. 3), Итоговый документ Венской встречи и др. Указанная группа источников содержит нормы, основная функция которых состоит в провозглашении официального признания института интеллектуальной собственности государствами-участниками данных актов и необходимости его законодательного обеспечения⁸.

К договорам об охране объектов интеллектуальной собственности относятся: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Мадридское соглашение о пресечении ложных и вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах (1891 г.), Всемирная конвенция об авторском праве (1951 г.), Римская конвенция об охране исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), Международная конвенция по охране сортов растений (1961 г.), Женевская конвенция об охране производителей фонограмм от несанкционированного воспроизведения их фонограмм (1971 г.), Брюссельская конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники (1974 г.), Найробский договор об охране олимпийского символа (1981 г.), Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности

(1994 г.), Договор о законах по товарным знакам (1994 г.), Договор ВОИС по авторскому праву (1996 г.), Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (1996 г.), Договор о патентном праве (2000 г.), Сингапурский договор о законах по товарным знакам (2006 г.).

Договорами о регистрации объектов интеллектуальной собственности являются: Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (1891 г.) и протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации товарных знаков (1989 г.), Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов (1925 г.), Лиссабонское соглашение об охране указаний мест происхождения и их международной регистрации, Договор о патентной кооперации (1970 г.), Будапештский договор о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры (1977 г.).

К договорам о классификации объектов интеллектуальной собственности можно отнести: Ницкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (1957 г.), Локарнское соглашение об учреждении Международной классификации промышленных образцов (1968 г.), Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации (1971 г.), Венское соглашение об учреждении Международной классификации изобразительных элементов знаков (1973 г.).

Административные функции в отношении большинства вышеперечисленных договоров выполняет Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Всемирная торговая организация (ВТО) выполняет такие функции в отношении Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (1994 г.). ЮНЕСКО выполняет административные функции в отношении Всемирной конвенции об авторском праве (1952 г.). Административные функции в отношении Римской конвенции выполняются ЮНЕСКО и Международной организацией труда совместно с ВОИС, а в отношении Международной конвенции по охране селекционных достижений – Международным союзом по охране селекционных достижений⁹.

Действующие договоры образуют международную систему интеллектуальной собственности.

Примечания

¹ Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) [Электронный ресурс] // Сайт «Консультант». [М., 2009]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=12754> (дата обращения: 16.03.09).

С.Н. Лухманова

- 2 Конституция Российской Федерации. Гл. 1. Основы конституционного строя [Электронный ресурс] // Сайт «Конституция Российской Федерации». [М., 2009]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 16.03.09).
- 3 Там же. С. 399.
- 4 Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации): Учеб. пособие / Под общ. ред. Н.М. Коршунова. М.: Норма, 2009. С. 96.
- 5 Парижская конвенция по охране промышленной собственности. [М., 2009]. URL: http://www.fips.ru/npdoc/INTERLAW/prom_co0.htm (дата обращения: 16.03.09).
- 6 *Городов О.А.* Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения. М.: Wolters Kluwer Russia, 2006. С. 398.
- 7 Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Сайт «ООН». [2009]. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm> (дата обращения: 16.03.09).
- 8 *Усольцев С.В.* Международная система нормативно-правового регулирования интеллектуальной собственности [электронный ресурс] // СибЮрВестник. № 2. [М., 1999]. URL: <http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/19992/usolceva.html> (дата обращения: 16.03.09).
- 9 *Судариков С.А.* Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2009. С. 10.

Н.Б. Тымчук

НЕПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКТОРИНГА

Задачей национального права, касающегося экономических аспектов, является обеспечение определенного способа функционирования общества и регулирование отношений в рамках экономической системы одного конкретного государства. Но из-за того, что национальное право зачастую не может решить проблему по существу из-за отсутствия приспособленности к обеспечению оптимального регулирования договора международного факторинга, предлагается обратиться к неправовому регулированию, рассмотрев возможность применения *lex mercatoria*.

Ключевые слова: международный факторинг, *lex mercatoria*, УНИДРУА, GRIF, неправовое регулирование.

Довольно часто можно услышать сегодня о несостоятельности и национального, и международного механизмов регулирования договора международного факторинга из-за плохой приспособленности к обеспечению оптимального регулирования интернациональных хозяйственных отношений¹.

Разгадка кроется в том, что основным, или главным, предназначением национального права является обеспечение определенного способа функционирования общества и регулирование отношений в рамках экономической системы одного конкретного государства. А коллизионное право в свою очередь также не может обеспечить недостающую регламентацию, поскольку по природе своей является отсылочным и лишь указывает на конкретный правовой порядок, который необходимо применить для урегулирования спорных вопросов. Применение норм коллизионного права всегда сопряжено с возможностью возникновения коллизии коллизий, например, обратной отсылкой или отсылкой к праву третьего государства,

© Тымчук Н.Б., 2010

а также с таким явлением, как конфликт квалификации, и еще многими сложностями применения коллизионного способа регулирования.

Еще Л.А. Лунц справедливо заметил, что внутригосударственное право не учитывает потребности и особенности международного оборота, а коллизионные отсылки к внутреннему праву разных стран не могут обеспечить надлежащего регулирования внешне-торговых сделок в силу того, что многие такие сделки не знакомы традиционным категориям гражданского права².

Таким образом, становится понятным, что к неправовому способу решения проблемы регулирования договора международного факторинга, а именно отношений, связанных с финансированием денежного требования под уступку, заставила обратиться недостаточность правового регулирования этих отношений. В связи с этим 31 января 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция № 56/81 о регулировании переуступки дебиторской задолженности в международной торговле.

Члены FCI и IFG³ приняли 20 октября 2004 г. правила GRIF – General Rules for International Factoring – «Правила международной факторинговой деятельности» (далее – Правила 2004 г.), которые относятся к неправовым источникам регулирования договора международного факторинга, поскольку характеризуются неправовой природой происхождения норм.

Говоря о современном регулировании правоотношений, вытекающих из договора международного факторинга да и всего коммерческого оборота, сегодня невозможно не упомянуть *lex mercatoria*, иначе картина будет представлена не в полном объеме. Прежде чем продолжать разбираться в неправовом регулировании упомянутых правоотношений, необходимо определить, о чем конкретно идет речь.

История *lex mercatoria* началась еще в Средние века и в то время подразумевала обычаи и обыкновения в торговом праве, применяемые коммерсантами, вовлеченными в европейскую и восточную торговлю для регулирования их торговых отношений, и существовали в устной форме. С тех пор многое претерпело изменения. И вот уже сегодня налицо различное отношение к *lex mercatoria* у правоприменителей различных государств: от полного признания, причем в качестве самостоятельного правового порядка, до полного его отрицания. Также нет единого понимания, что представляет из себя *lex mercatoria*. Вот три основных определения:

– автономный правовой порядок, созданный сторонами внешне-экономических отношений и существующий независимо от национальных правовых порядков;

– совокупность норм, достаточных для разрешения международных коммерческих споров, действующих альтернативно по отношению к национальному праву;

– дополнение к применимому национальному праву, которое представляет постепенное объединение обычаев и установившейся практики в международной торговле.

Так, например, Б. Гольцман определяет *lex mercatoria* как «систему общих принципов и обычноправовых норм, спонтанно сложившихся в рамках международной торговли, существующих независимо от конкретных национальных правовых систем»⁴. А Д. Якобсон, в свою очередь, утверждает, что «право, регулирующее международные коммерческие сделки – это по существу транснациональная система права, которая выросла из контрактных обыкновений и обычаев, сложившихся в сообществе международных торговцев, банкиров и других лиц, занятых в морской и страховой индустрии, и берет свое начало из обычаев средневековых торговцев»⁵.

Профессор А. Лоуренфельд же, напротив, считает, что *lex mercatoria* является источником, не является самодостаточной системой, регулирующей все аспекты международного коммерческого права, и может лишь служить альтернативой коллизионному регулированию⁶.

Однозначного подхода в настоящее время нет не только к определению *lex mercatoria*, но также не выработана и единая позиция по составным элементам этого явления. В качестве составных частей предлагается рассматривать международные договоры, конвенции, типовые законы и модельные кодексы, решения международных организаций и международные торговые обычаи: общие принципы права, обычаи, обыкновения, своды единообразных правил. А также часто делается оговорка о невозможности привести исчерпывающий перечень источников.

Такое объединение вряд ли способно усилить действие неюридических норм, скорее, будет умалять значение норм юридических⁷.

Принимая во внимание все вышесказанное и то, что Правила 2004 г. содержат механизмы регулирования международного факторингового оборота именно в случаях, когда при помощи норм Конвенции 1988 г. и других международных норм (в частности, Конвенции 2001 г.) урегулировать отношения не удастся, тогда можно говорить об особой роли Правил 2004 г., применяемых в целях упорядочения международных коммерческих отношений. Они применяются в качестве дополнительного источника, регулирующего трансграничные (международные) факторинговые контракты постольку, поскольку они регулируются не каким-либо кон-

кретным порядком, а условиями, включенными сторонами в контракт, и общепризнанными в международной торговле принципами права, к которым относится и *lex mercatoria*.

В комментарии к статье о применимом праве для регулирования международных факторинговых (франчайзинговых) отношений в подтверждение возможности использования *lex mercatoria* закреплено следующее: сторонам рекомендовано применять независимые документы, например Принципы УНИДРУА 1994 г., Принципы европейского права 1994 г. или *lex mercatoria*.

Для того чтобы было понятнее, для чего необходимо применять не только нормы Конвенции 1988 г., но и нормы Правил 2004 г., обратимся к основным положениям последних.

Ст. 1 Правил 2004 г. содержит определение факторингового контракта, под которым понимает контракт, согласно которому поставщик передает права требования фактору, возможно, с целью получения финансирования, а также для получения одного из видов обслуживания, например таких, как ведение бухгалтерского учета поступающих денежных средств, предъявление к оплате денежных требований или защита от неплатежеспособных должников (п. 1.01).

Если сравнить это определение с прописанным в Конвенции 1988 г., то можно констатировать тот факт, что они практически совпадают за некоторыми исключениями, чего не скажешь об определении круга участвующих субъектов, являющихся договаривающимися сторонами в международном факторинговом контракте. Так, в Правилах 2004 г. выделены четыре вида участвующих субъектов: поставщик (клиент, продавец), должник (покупатель, потребитель), экспорт-фактор и импорт-фактор, а в Конвенции 1988 г. определение круга участвующих субъектов сводится лишь к общим понятиям поставщика, финансового агента и должника.

Согласно ст. 3 п. 3.01, Правила 2004 г. применяются только к денежным требованиям, вытекающим из контрактов купли-продажи на кредитных условиях товаров и/или услуг, осуществленной любым поставщиком, имеющим соглашение с экспорт-фактором, по поводу должников, находящихся на территории того государства, где импорт-фактор обеспечивает факторинговое обслуживание. Данные положения более детализируют сферу применения Правил 2004 г., чем аналогичные положения Конвенции 1988 г., что говорит о направленности Правилами 2004 г. на регулирование конкретного круга отношений.

В Правилах 2004 г. определен официальный язык общения, порядок исчисления сроков, дано детальное понятие зафиксированного, или письменного, способа отражения взаимодействия сторон,

оговорена возможность заключения субъектами трансграничного факторинга соглашений, не совпадающих с положениями рассматриваемых Правил 2004 г., использование их как части Правил 2004 г., а в вопросах, выходящих за пределы регулирования Правил 2004 г., наличие у таких соглашений преобладающей силы действия по сравнению с положениями Правил 2004 г.⁸ Также в Правилах 2004 г. определен порядок разрешения разногласий между экспорт- и импорт-фактором в связи с осуществлением международных факторинговых операций, вводится собственная система нумерации поставщиков, должников, импорт- и экспорт-факторов для идентификации при необходимости.

Заслуживает внимания положение еще одной статьи Правил 2004 г., которая посвящена доверию и взаимному сотрудничеству, т. е. все права и обязанности выполняются добросовестно согласно п. 11.01, а п. 11.02 определяет, что импорт- и экспорт-факторы действуют, постоянно предпринимая все возможное для получения каких-либо документов или выполнения другой стороной ее обязанностей и/или защиты ее интересов.

В случае нарушения экспорт-фактором любого положения Правил 2004 г. с импорт-фактора снимается обязанность совершения платежа в той степени, в какой указанное нарушение нанесло вред, связанный с кредитным риском, или повлияло на способность приобретения и предъявления к оплате денежных требований (ст. 32, п. 32.01). Также в статье отмечается, что бремя доказывания лежит на импорт-факторе, а в случае осуществления последнего необходимого платежа при выявлении нарушений со стороны экспорт-фактора импорт-фактор имеет право на компенсацию осуществленных расходов.

Подводя итог, можно сказать, что появление Правил 2004 г. во многом облегчило регулирование ряда вопросов в рамках договора факторинга, которое из-за отсутствия правовой регламентации ранее было затруднено.

Примечания

- 1 *Вилкова Н.Г.* Договорное право в международном обороте. М., 2002; *Бахтин С.В.* Субправо. СПб., 2002. С. 83.
- 2 *Луиц Л.А.* Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973. С. 25.
- 3 IGF (International Factors Group) – первая факторинговая ассоциация, объединяющая более 60 компаний из 38 стран мира, созданная еще в 1960 г.
- 4 *Goldman B.* The Applicable Law: General Principles of Law – The Lex Mercatoria // Contemporary Problems of International Arbitration. L.: London for Commercial Law Studies, 1986. P. 114.

Н.Б. Тымчук

- 5 См.: *Jacobson D.* New Border Customs. Migration and the Changing Rule of the State. P. 3, UCLAI. Int'l.L.&Foreign Aff. 1998. P. 449.
- 6 *Lowenfeld A.* Lex Mercatoria: An Arbitrator's View // *Lex Mercatoria: An Arbitration*. N. Y.: Transnational Juris Publications, 1990. P. 50.
- 7 См.: *Луткова О.В.* Основные концепции источников международного права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 55.
- 8 В какой-то мере такое положение совпадает с нормами Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. (Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 1994. № 14).

СОЦИУМ «ВНУТРЕННЕГО СОВЕРШЕНСТВА»

Статья посвящена постановке вопроса о теории кооперации как единой теории социума, реализация которой через всемирное кооперирование народов мира привела бы к созиданию человеческого общества, социально бесконфликтного и материально благополучного, по образу природы, в которой, по А. Эйнштейну, «внутреннее совершенство».

Ключевые слова: сособственность граждан, национальное богатство, фундаментальные постоянные, отношения собственности, кооперирование, соединение.

Выдающийся физик академик АН СССР А.Ф. Иоффе как-то посетовал на то, что А. Эйнштейн зря потратил последние несколько десятилетий своей жизни на поиск несуществующей в природе единой теории поля. Но постэйнштейновская наука физики всего мира вот уже более полувека бьется как рыба об лед над решением задачи, им оставленной. (Правда, некий американский ученый Энтони Гаррет Лизи утверждает, что он уже создал ее¹). Предполагается, что она в природе есть, допустим, что она будет создана или уже создана. Этим доказывается, что все функциональные взаимодействия элементарных частиц физической природы взаимосвязаны, что, наверное, лежит в основе отмеченного А. Эйнштейном «внутреннего совершенства», природы.

Эйнштейновская постановка проблемы о единой теории предполагает возможным объединение четырех функциональных взаимодействий элементарных частиц: 1) удерживающее кварки в составе атомного ядра, 2) электромагнитное между электрическими зарядами и магнитом, 3) обуславливающее некоторые типы реакций радиоактивного распада, 4) обуславливающее гравитационную

силу притяжения. Целью создания этой теории является познание основ жизни на Земле и в нашей Вселенной².

Как пишет А. Сергеев, уравнения, которые описывают основные взаимодействия физических явлений, «содержат так называемые фундаментальные постоянные. Среди них скорость света, задающая темп самых быстрых процессов, постоянная Планка, определяющая масштаб квантовых явлений, гравитационная постоянная, характеризующая силу всемирного тяготения, а также массы, заряды и другие параметры ряда элементарных частиц»³. Проведенный в 1982 г. во Франции эксперимент Аспека продемонстрировал, что две квантовые частицы, некогда соединенные, будучи разделенными и разнесенными друг от друга на огромное расстояние, тем не менее оставались связанными между собой: происшедшее изменение в одной тотчас же отражалось в другой (со скоростью, превышающей скорость света). На этом основании автор книги «К видению нового мира» Расселле Дикарло (Пенсильвания, США), ссылаясь на свои беседы с другими авторитетами научного мира, пишет, что «мы еще не достигли вершины человеческого развития» и «мы, скорее, соединены со всем, что есть в жизни, чем отделены от всего этого»⁴.

Эксперимент Аспека, мысль американского ученого и другие известные факты наводят на нижеследующие размышления, так или иначе связанные с проблемой человечества как целостного, внутренне единого. Во-первых, они приближают мышление человечества к разрешению затянувшегося на тысячелетия спора между материалистами и идеалистами о механизме происхождения пророков (пророчества) в пользу первых. Биологическая взаимосвязь людей, видимо, осуществляется некими воспринимающими идущие от каждого живого существа «волны» «рецепторами», имеющимися, физически, в теле, дополняемыми у человека душой (сознанием, чувствами). Степень развитости этих рецепторов, как и всего прочего, у всех людей разная. У некоторых людей они развиты, видимо, до такой высокой степени, что их носители воспринимают в себе всю боль, все чаяния и надежды человечества (как отдельные матери – боль погибающего на фронте сына). В ранние периоды развития человечества, когда социальная наука была весьма слабой, названного типа люди становились пророками, которые понимали, что люди, как существа, наделенные интеллектом, не повязанным нравственностью, будучи обреченными существовать в условиях отсутствия абсолютной полноты благ, погибнут в междоусобной истребительной войне «за кусок хлеба». Жизнь им подсказывала императивную необходимость установления определенных норм, правил общежития людей, которые пророки и разъяс-

няли массам, подкрепляя их ссылками на Бога, «милующего» за «правильные» деяния и «наказывающего» за дурные. В последующем развитии истории функцию пророков взяли на себя гуманитарная наука, ее выдающиеся представители, философы, мыслители с высокоразвитыми, упомянутыми выше, рецепторами и гениальным интеллектом (в их числе коммунисты-утописты и «научные» коммунисты). Если пророки предсказывали и худшее, и лучшее будущее человека на том свете, то ученые, мыслители – на этом, отрицая тот свет вообще. Предсказания пророков не сбываются по той простой причине, что они ни на чем, кроме их лучших побуждений, не основаны. Предсказания ученых, мыслителей не сбываются так как, «точки отсчета» непрерывно меняются, перечеркивая любое, пусть и самое дотошное планирование. Всемирный опыт показывает, что человек способен познать прошлое вплоть до момента зарождения Вселенной. То есть то, что состоялось в природе – познаваемо, а то, что будет (в глобальном масштабе) – нет, непознаваемо.

ЖИЗНЬ – победоносна, она «гнет» свою линию, и потому «лучшее будущее» достигается лишь содействием тому, что в ней самой есть устоявшееся лучшее, обеспечивающее благополучие и благоденствие (вне зависимости от того, где и когда они состоялись!), не мудрствуя лукаво выдумыванием несусветного, например, мотивируя это исключительностью своего пути.

Во-вторых, не будет ли ошибкой продолжить мысль цитированного ученого предположением о направленности дальнейшего развития человека к закреплению биологически-физической соединенности его с себе подобным организационно-социально-экономическим соединением в планетарном масштабе? То есть человек, продолжая познавать самого себя, на вершине своего развития как бы подтверждает свое объективное, т. е. уже наличное в планетарном масштабе, субъективно осознанное дело в том же масштабе в социально-экономическом плане. Созидавая социум «внутреннего совершенства» во всех, без исключения, государствах (народах), что послужит всемирному единению человечества (*всемирной кооперации*).

В-третьих, абсолютно неизбежным следствием всемирного кооперирования будет не только торжество экуменического движения в христианстве, но и единение всех религий. Материальное единство человечества закрепится его духовным единством. Лучше бы было, если бы второе предшествовало первому, что возможно лишь при условии преодоления религиозного мракобесия, что, в свою очередь, реально, если удастся развить интеллект до слияния его с нравственностью, при котором он не сможет «работать» на зло.

Процесс мирового развития мыслится мне следующим образом. Человеческое общество – инобытие природы. Естественно, в социуме есть свои фундаментальные постоянные, во взаимодействиях влияющие на формы и способы его жизнедеятельности. К таковым я отношу труд, собственность, власть. Их взаимодействие определяется отношениями собственности, рожденными в мире, построенном «на лишении и в котором нет абсолютной полноты благ» (Н. Алексеев). Эти отношения являют собой единственную силу социального притяжения, предназначенную соединять людей в общество, нацию, государство. В зависимости от того, есть у человека собственность или ее нет, т. е. по его социальному статусу, они ориентируют его на соответствующие взаимодействия: с самим собой; с другими людьми; с обществом; с властями. А также определяют: 1) характер труда – рабского (физического и наемного) или творчески-свободного, 2) сущность власти: социально-справедливой или угнетательской, ступеньку социальной лестницы, на которой стоит данный конкретный человек (класс), тем «указывая» на его место и роль в жизнедеятельности общества как субъекта развития или потребителя.

Источником саморазвития человечества в классовых формациях, его прогресса в экономике и базирующихся на ней надстроечных категорий являются не противоречия между собственниками и неимущими, как это утверждается марксизмом, ибо они (противоречия) мешают, тормозят развитие: в борьбе (классовой тоже) не только ничего не производится, но и уничтожается наличное; производство возможно лишь в сотрудничестве. Участие неимущего в материальном производстве имеет целью удовлетворение своих насущных потребностей, но отнюдь не увеличение ни того богатства, не принадлежащего ему, на которое он трудится, ни иного богатства, от которого он отчужден. В увеличении богатства как источника жизни и процветания его самого, клана, наследников и т. п. заинтересован собственник, являющийся по этой причине *субъектом развития*. Поэтому-то источником прогресса в классовых формациях (и даже если они достигнут такого уровня развития, при котором общество будет состоять из одних лишь собственников) являются противоречия между самими собственниками, конкуренция между ними на рынке (под воздействием ее «адамсмитовской невидимой руки»), ведущая к техническому, технологическому, а в конечном счете к общественному прогрессу в целом, объективна. А конкуренция действительно субъективна, если созданы необходимые материальные условия для регулирования отношений собственности, что имеет место, как показывает мировая практика, при рассредоточении собственности в большинстве народа –

среднем классе. На нынешнем этапе такого развития (с большинством в народе среднего класса) достигли лишь некоторые высокоразвитые страны демократии, а подавляющее большинство народов проживает свой век в «обществах потребителей», не созидателей, влача жалкое существование, проедая данное природой богатство, включая самого себя, точа «зубы» (и нередко пуская их в ход) на благополучные народы или просто соседей, обвиняя их в своих бедах.

Ныне «парадом» командует монополистический капитал, сросшийся с продажной государственной бюрократией в целях безмерного ограбления народа, у его «подвижной» (финансовой) части определяющая тенденция движения – туда, где ему гарантирована хищническая прибыль, т. е. за рубеж; и потому он, будучи по происхождению национальным, тем не менее по сути является космополитическим. Единственное, что препятствует ему угробить свою родину, так это одно замечательно объективное свойство богатства – у него двойственная природа: оно, будучи чей-то собственностью, в то же время находится в пространстве, данном природой и историей этому конкретному народу, и объективно в силу этого, а также порождаемых ею соответствующих общественных отношений является как бы и «достоянием» общества, нации. И потому они к нему не безразличны.

Человечество, по образу и подобию матери-природы, в которой «внутреннее совершенство», дабы не погибнуть правильным регулированием отношений собственности, должно достигнуть социального совершенства, с одной стороны, исключая антагонизм как внутри отдельных государств, так и во всем мире, с другой – способного к прогрессу.

Возьмем Россию как одну из наиболее многорегиональных, с беспредельно отличающимися друг от друга по жизненно важным параметрам регионами. Ныне в межнациональных отношениях и даже в отношениях руководств русских областей (краев) с Центром проклюнулись центробежные силы, что является следствием не только экономического неблагополучия как в Центре, так и на местах, но и существенных различий в развитии экономики последних, зависимых от свойств природы и от уровня развития производительных сил в них. В составе России есть несколько весьма богатых природными ресурсами краев, имеются и обделенные ими. Но освоение и развитие первых – дело рук всех россиян, а их благами в основном или преимущественно пользуются их жители и, разумеется, Центр. Нормальные отношения собственности предполагают организацию экономики на началах сосуществования граждан⁵ на свои, изначально равные для всех без исключе-

ния, доли национального богатства, что выравнивает количество материальных благ, получаемых гражданами страны от единого общероссийского национального богатства вне зависимости от их места проживания и деятельности. Одна страна – одни и те же изначальные возможности. Если бы этот принцип распространить на весь мир, в котором весьма велики страновые различия по наличию минеральных и других природных богатств, уже сегодня грозящие энергетическим кризисом мирового масштаба, то восторжествует принцип распределения всего природного (а со временем и индустриального) богатства всей Земли на равных началах между всем человечеством, всеми его жителями. Но оставалось бы различие, связанное с трудовым вкладом, культурой производства (уровнем производительности труда) и т. п., что послужит серьезным стимулом для усилий по преодолению различий в качестве жизни народов, будет побуждать к мобилизации интеллектуальных ресурсов, талантов, мастерства, добросовестности каждого народа и региона. Главным источником народного благополучия, его степени станет труд, умелое хозяйствование, а не одни только природные свойства или историческое наследие, тем более не бюрократические выверты Центра (имперские амбиции великих государств) по созданию льгот или дискриминации. Повышение жизненного уровня народа, проживающего в любом регионе (государстве), будет зависеть от него самого. В то же время укрепится понимание того, что благосостояние населения любого региона (государства) напрямую связано с общим национальным (и мировым!) богатством. Отсюда – заинтересованность всех и каждого в целостности как отдельного государства, так и в благополучии всего мира.

Сособственничество граждан на все национальное богатство затормозит стихийную миграцию людей, в особенности «утечку мозгов», в погоне за «длинным рублем». Более того, начнется обратный процесс. У граждан любого государства получит второе дыхание чувство патриотизма. Ведь что такое «патриот»? Изначальный его смысл – «Отечество как собственность» (П. Струве). Отечество, материальной сутью которого является национальное богатство, в сознании граждан должно из виртуально общенародного перейти в реально всенародное, принадлежащее каждому гражданину в наглядном и осязаемом виде и всем без исключения. К примеру, угроза распада России не ограничивается лишь сепаратизмом отдельных регионов. Нет, он давно присутствует в государственном отщепенстве граждан. Сие понятие было введено либеральной буржуазией в начале прошлого века применительно к радикальной, демократической интеллигенции, революционно настроенной и, следовательно, антигосударственной. Думается, что оно приме-

нимо вообще ко всем «припертым к стене нуждой» людям, которые идут на революцию или покидают родные края. Марксизм сформулировал, полагаю, верную мысль о том, что у пролетариев нет отечества. Не может быть отечества у человека там, где нет его корней, где он как мотылек, перекасти-поле, где его благосостояние с очевидностью не зависит от богатства страны, которым распоряжается не он, а стоящий над ним чиновник. Причем благосостояние последнего тем выше, чем ниже оно у рядовых граждан, безбожно обираемых государством и его челядью.

В условиях *всемирной кооперации* всех государств проблема «утечки мозгов» снимется вообще потому, во-первых, что трудовой вклад на любой точке Земли приносит доход в общую копилку, во-вторых, все человечество оказывается одинаково заинтересованным в развитии всех весей, всей территории своего обитания.

Человечество сегодня находится в состоянии строительства нового глобального сообщества, формируемого наилучшим образом пока в Западной Европе, в тех странах, в которых утвердился демократический капитализм с социально ориентированной рыночной экономикой. Видимо, ответом на эти «человечные» (кооперационные) процессы в бытии человечества явилось распространение синергетического подхода (синергетики как общей теории самоорганизации) к социальным явлениям, рождение, таким образом, науки синергетической социологии о совместной деятельности людей (в локальном, региональном и глобальном измерениях). Отсюда не позволительно ли допустить, что сособственничество граждан в национальном богатстве есть сердцевина (стержень), основание совместной деятельности самоорганизующихся (как собственников) людей на свое и всех других членов общества благо?! Оно же отвечает на вопрос о вполне определившейся в мировом сообществе тенденции к всемирному кооперированию пока, хотя бы по экологическим и некоторым экономическим проблемам.

Тенденция глобализации человечества естественна и неизбежна. Человечество долго и упорно шло и идет к глобальному единению, до недавнего времени осуществлявшегося в основном войной, созданием империи, которые рано или поздно разваливались как искусственные, насильственно созданные объединения народов.

Начало добровольному политическому объединению человечества во всемирном масштабе было положено печальной памяти Лигой Наций, не сумевшей предотвратить Вторую мировую войну. Ее наследница – Организация Объединенных Наций – худо ли, бедно ли, но что-то делает успешно, что-то не очень, однако действует. И не без ее усилий удалось Третью мировую войну ограничить «холодной», не переводя ее в «горячую» (четвертой мировой

войны не будет: «Бог любит троицу»). Более действенна Северо-Атлантическая военная организация (НАТО). Объединение в наиболее жизненно важных сферах бытия народов осуществлено в Европейском союзе (ЕС) с безвизовыми границами, единой валютой и общим бюджетом на определенные целевые нужды. Подчеркну: здесь объединение государств происходит не на базе национальных экономик, организованных на началах сособственности граждан в национальном богатстве, так как их экономический прогресс состоялся классическим развитием частнособственнических отношений, обеспечивших формирование мощного среднего класса собственников. В других регионах мира вряд ли возможно такого типа объединение: не позволит этого сделать повальная бедность народов и государств; бедность содействует объединению в разрушительных целях (не в созидательных)⁶. Здесь кооперирование, думается, осуществится лишь на началах, предлагаемых моей концепцией, т. е. предварительно проведя в них организацию экономики на основе сособственности граждан в национальном богатстве.

В мире ныне много различного рода неправительственных объединений международного масштаба, количество которых непрерывно растет: в 1981 г. негосударственных организаций (НГО) в мире было 13 тыс., а в 2001 г. уже 47 тыс. Транснациональных корпораций 64 тыс.⁷ Действуют как бы отраслевые международные объединения: Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный валютный фонд (ВМФ), Мировой банк.

К идущему процессу глобализации весьма кстати солженицынская идея самоограничения для наиболее богатых народов и государств. Великий наш земляк лет тридцать с небольшим назад выступил с благородным призывом к народам мира: покаяться друг перед другом в своих грехах и *самоограничиться в потребительстве*. Ибо «при всех вариантах развития в XXI в. человечество погибнет от истощения, бесплодия и замусоренности планеты⁸. Опираясь на выводы «Общества Тейяра де Шардена» и Римского клуба, он пишет: «Прогресс должен перестать считаться желанной характеристикой общества. “Бесконечность прогресса” есть бредовая мифология. Должна осуществляться не “экономика постоянного развития”, но экономика постоянного уровня, стабильная. Экономический рост не только не нужен, но губителен⁹. С этим тезисом могли бы согласиться высокоразвитые народы, уровень жизни которых их удовлетворяет, нет особой нужды его повышать. Но народы с низким уровнем жизни не могут с ним согласиться. Да и первым нет смысла останавливать рост своей экономики, поскольку это ограничило бы их возможности помогать другим в экстре-

мальных случаях и вообще бедным народам. Проблемы экологии надо решать не приостановлением развития экономики (что вообще нереально!), а совершенствованием производства. Идея Солженицына о самоограничении потребительства богатыми народами «работает» в том смысле, чтобы присоединиться к реализации концепции сособственности граждан в международном масштабе, при которой на первых порах придется делиться с бедными народами своими богатствами. Бедная часть человечества не сможет бесконечно терпеть давно идущий процесс все большего ее обнищания. В самом деле, в 1950 г. соотношение валового внутреннего продукта на душу населения богатых и бедных народов составляло примерно 20:1, в 1971 г. 30:1, в начале XXI в. 75:1¹⁰. Это добром кончиться не может.

Мысль А. Солженицына о неотложной необходимости покаяния и самоограничения в потребительстве народов представляется особо актуальной относительно поведения политической элиты буквально всех государств мира и именно в русле движения человечества к эпохе ноосферы.

Самоограничение элиты отдельных государств, и даже не столько в их личном потребительстве, сколько в безудержном расточительстве национального богатства с последующим отказом от узурпации права народа на него, имеет шанс состояться под воздействием демократически высоко развитых обществ в государствах объединенной Европы (ЕС) и некоторых других. Было бы замечательно авторитетному, международного масштаба деятелю выступить в поддержку идеи всемирного кооперирования (как это сделал в свое время У. Черчилль, предупредивший мир о грозящей ему опасности закабаления коммунизмом и тем объединивший все здоровые демократические силы мира в борьбе против него), поставив акцент на обращении к совести лидеров всех богатых народов с призывом «Делиться надо» со своими гражданами, а потом и со всем остальным миром. Убеждая их в том, что самолеты, поезда, дома будут взрываться, а вас (нас), господа хорошие, будут постреливать, как зайцев, ни вам (нам) покоя не будет, не будет и радости-счастья от ваших (наших) богатств. Убежден: такой деятель стал бы всемирно признанным лауреатом Нобелевской премии мира. Словом, господа, «делиться надо!». Нужно вернуть богатство народам, всему человечеству. А чтобы избежать сопротивления богачей, в частности разбогатевших на российской «прихватизации» 1990-х годов, надо кое-кого из них в тюрьму, которая, их ожидаячи, давно горько плачет, вся изошлась слезами.

Идея самоограничения элиты и передачи народам их богатств, поддержанная Организацией Объединенных Наций, всячески

разъясняемая и пропагандируемая, думается, может рассчитывать на успех. Все-таки на дворе XXI в., о котором французский антрополог Клод Леви-Строс сказал, что он будет веком гуманитарных наук или его не будет вообще. Известным в народе методом – «не мытьем, так катаньем», если хотите, мировым общественным мнением добровольно-принудительно, но поставленная задача будет решена. В конце концов, бюрократы ведь тоже люди, наделенные каким-никаким интеллектом, которому надо постараться навязать совесть – не вечно же им «пилить сук, на котором сидят» и уводить в пропасть вместе с собой и народ. Авось, удастся! Разворачивающийся во всю нынешний мировой финансовый кризис не есть ли последнее (не в китайско-маоистском смысле!) предупреждение об апокалипсисе, не церковниками надуманном, а рукотворно-человеческом, имеющем обыкновение быть реализованным? Особо тяжелых последствий приходится ждать нам, россиянам, пребывающим в государстве, в котором давненько уже нет должного количества и качества субъекта развития. Как говорит экономист Игорь Лавровский (прогнозировал нынешний кризис еще в 2006 г.), Россия окажется «перед выбором между канадской и мексиканской моделями развития: то есть стать сырьевым придатком (США и Китая. – А. Б.) с богатым населением (канадский путь) или с бедным населением (мексиканский вариант). В этом, похоже, и будет заключаться наш послекризисный политический выбор»¹¹. Хорошо бы «канадский»! Но он нам не светит без смены принципов государственного устройства. А самый лучший вариант – предлагаемый в данной статье, который рано или поздно, но состоится, если, конечно, бюрократии не удастся ускоренным маршем привести страну к пропасти.

Еще один сложнейший и актуальнейший момент, затрагивающий интересы буквально всех наций. А именно: соотношение *социально-экономической глобализации* с ныне развивающимся процессом возрождения национальных государств, национальных ценностей. «Конвергенция суверенного государства и всемирной общности идет с обеих сторон. Государство размывается, всемирное общество консолидируется <...>»¹², национальные государства, несмотря на то что сегодня «религиозное почтение к суверенитету слабеет на глазах»¹³, как были, так и остаются, и нации никто из глобалистов не собирается упразднить. Более того, преобразование народов из наемных рабов в хозяев своих национальных богатств, реальный процесс выравнивания благосостояния народов создаст наиболее благоприятные условия для утверждения и развития национальных культур и тех народов, которые в силу бедности не могли их развивать. При всемирной глобализации

состоится подлинный расцвет всех наций, ибо исчезнут препятствующие ему причины, во-первых, материального порядка, во-вторых, имеющие место пока что в ряде случаев государственного свойства препоны и практика ассимиляции господствующей нацией нетитульных народов некоторых бывших империй. Ибо, думается, что будущее многонационального человечества – с ныне вполне определившейся тенденцией к перемешиванию народов везде и всюду – в федерации национально-культурных автономий, в составе которых в качестве как бы «присяжных» возможны и территориальные автономии компактно проживающих национальных общин. Но не более того. Именно тогда и приостановится безбожный процесс ассимиляции народов более сильными нациями, в числе которых не всегда более культурные, имеющие большее основание быть поглощающими, а не поглощаемыми, но зараженные мессианством – ложной мыслью о своем превосходстве.

Другой вопрос, что в мире есть автократические государства, лидеры которых «спят и видят» свою «державу» и себя во главе человечества, ими «пестуемого», обучаемого, в частности «византийщине» и прочим «премудростям», уже однажды отправившим их носителей в политическое небытие, ставя в образец «растленную» Византию – предмет «глубокого презрения всех народов»¹⁴. Они то и глаголят о «национальных ценностях», которым при глобализации якобы кто-то угрожает. Но это люди вчерашнего дня, в какую бы тогу они ни рядились, какую бы маску они ни натягивали, их мурло на выкате и им не удастся надолго подменить демократии автократией (их главной «национальной ценностью») под флагом «неограниченного суверенитета» (естественно своего, облыжно и бессмысленно называемого «суверенной демократией»). Повторюсь: глобализация естественна, плодотворна и потому неизбежна. Слава Богу, ныне на дворе не XIX, а XXI век!

* * *

Итак, коль скоро есть (должна быть!) единая теория природы, она должна быть и в социуме. Первая нужна для познания основ жизни на Земле и нашей Вселенной. И только, ибо человек не в состоянии вторгаться без ущерба для природы в ее закономерности. Потребность во второй естественна уже потому, что человеческое общество, в отличие от природы, в своем развитии ставит определенные цели и человек рожден «для мысли и деяния», он призван осмысливать идущие в жизни процессы, дабы вносить коррективы в них, ибо они не могут быть однозначными по определению. Функция первой важна тем, что, наверное, она подскажет, как содействовать нормальному функционированию закономерностей

природы, во всяком случае, как минимум, – не мешать их «работе» (не противодействовать, как сейчас, например, в сфере экологии, в которой мы сегодня действуем, исходя из правила «авось пронесет»; и придется отказаться от него под страхом гибели планеты). Функция второй – она послужит ориентиром-целью, как наиболее человеческая в ряду идущих в мире далеко не однозначных социально-экономических процессов.

Рискну предложить в качестве таковой как общесоциологическую теорию *теорию кооперации*. Все живое приходит в мир, когда биологически кооперируются женская и мужская особи; человек входит в борьбу и сотрудничество с природой, *организационно кооперируясь* с себе подобными, в одиночку он просто не выживет. Человеческое общество и есть *социальная кооперация* ради взаимной выгоды людей¹⁵. Исходная посылка как истина аксиоматического свойства: Земля, ее недра, реки, моря и океаны историей даны всем людям как основание жизни на абсолютно равных началах. *Кооперирование людей* в их истории проходит ряд ступеней производственного и оборонительно-наступательного предназначения. Ныне человечество начало кооперироваться регионально и даже во всемирном масштабе по проблемам: экологическим, всеобщей безопасности, торговли, таможенным, миграционным, валютным. На очереди – социально-экономическое кооперирование с целью обеспечения приемлемого уровня благополучия всего человечества, каждого человека на базе мирового богатства, объединения национальные достоинства народов. *Удел и счастье человечества – в претворении в жизнь: от ступеньки к ступеньке, ввысь и вширь теории кооперации*.

Человечество, наконец-то осознав соединенность всех своих составных (эксперимент Аспека) преодолевая свою, так много принесшую ему бедствий во всей истории (ею «навязанную») разобщенность, придя в согласие с главным принципом организации мироздания-кооперирования всего и вся, «дорастет» до тождественности самому себе. Воссоединяясь на глобальном уровне в фундаментальном – экономическом и социальном, осваивая идеи экуменизма и овладевая мировыми достижениями ноосферной цивилизации, будет продвигаться и к духовному единению, к высотам культуры, науки и морали, отказываясь от извечного «Ab homine homini cotidianum periculum»¹⁶. К морали, уровень которой свидетельствует о том, что человек на самом деле оказался слишком самоуверенным, очень мало соответствующим, далеко не адекватным виду, им самим названном «человек разумный». Удивительный феномен, требующий особо глубокого и специального исследования: человечество глобализируется Бог весть с каких

времен по негативному вектору, всему наиболее дурному, нехорошему – мировым войнам, мировым кризисам экономически-финансового свойства, не говоря уж о «чумах-холерах», но не спешит глобализироваться по позитиву, оказывая жесточайшее сопротивление проявляющимся в этом направлении инициативам. Проклятье, висящее над нами, как дамоклов меч?! Исследуя эту проблему, я первым тезисом поставил бы мысль о том, что мир, изначально и навечно лишенный абсолютной полноты благ, населенный двуногими существами с интеллектом, не повязанными нравственностью, называемыми людьми, мешающими друг другу жить, наслаждаясь дарами и красотами, быть может, единственной во всей Вселенной Голубой Планеты, обречен на муки, страдания и гибель. Если не удастся вторгнуться в мышление человечества интеллекту невероятной силы с равной ей политической волей, сравнимой с мощью гипотетического Творца.

У человека нет иного пути, кроме движения к социальному совершенству-аналогу «внутреннего совершенства» матери-природы, его сотворившей. И быть может, величайшая миссия ООН в том и состоит, чтобы на основе интеллектуальных достижений последнего времени по вопросам общественного развития инициировать начало *Всемирной кооперации*, которая, и только она одна, может решать задачу упразднения, отчуждения человека от самого себя (прямого или наемного рабства), от себе подобных в своем обществе (нации), а затем и в других обществах (нациях, государствах). Каждый человек превращается по своей ментальности, озабоченности благополучием в кормильца всей планеты и всех ее людей, в *гражданина мира*, с одной стороны, с интеллектом, скрепленным нравственностью, с другой – защищенного всем человечеством, избавленного от беспредела «суверенных государств», всю историю заполнивших бесконечными войнами со своими и другими народами, на службу которым поставивших «святая святых» – науку.

Уровень благополучия народов определится не только равным распределением мирового богатства, но и степенью культуры, знаний, мастерства – в целом производительностью труда и высотой духовности, что сегодня абсолютно неравно у всех народов, даже внутри одного и того же народа по регионам. И вот тут выступает неопределимая, ни с чем не сравнимая высокая роль науки. До сих пор ее роль была весьма неоднозначной. А. Солженицын писал: «Конец света – из достояния мистики подступил к нам трезвой реальностью, подготовленной научно, технически и психологически. Уже не только опасность всемирной атомной войны... расчеты экологов объясняют нам нас в полном капкане»¹⁷. Предлагаемая концепция социально-экономического жизнеустройства, реализация

которой делает невозможной и, главное, бессмысленной эксплуатацию человека человеком, а также войны всех видов, но неизбежно ориентирующая на острую необходимость и возможность роста культуры народов всех регионов во имя подтягивания производительности труда всех народов до высшего уровня, загружает всю науку, все сферы культуры, просвещения, как говорится, «под завязку» и только в мирных целях.

Реализацию концепции всемирного сособственничества граждан и кооперирования можно было бы предварить частичной экономической глобализацией.

Например, начать с превращения в достояние всего человечества всех источников питьевой воды, дефицит которой уже налицо (мысль, высказанная в беседе со мной М. Юньсом). А затем по необходимости то же проделать с другими природными богатствами, которые ныне хищнически транжируются и используются в корыстно-агрессивных клановых интересах. И только потом, на базе уже созданной в каждом государстве сособственнической экономики, поэтапно двигаться дальше по социально-экономическому кооперированию. *Первый этап* осуществляется согласно формуле народного производства в национальной экономике каждого государства¹⁸. В развитии человечества уже вполне определилась «историческая тенденция», которая «движется в сторону демократизации республиканского или федеративного типа <...>. Республиканский федерализм гарантирует независимость действий субъектов. Демократизм необходим для нейтрализации чрезмерного имущественного и статусного расслоения, чреватого отчуждением, аномией и острым конфликтом в обществе»¹⁹. Поэтому на *втором этапе* желательно блокирование (кооперирование на началах федерализма) государств по признакам соседства, конфессиональным, языковым и т. п., усредняя доходность всех граждан данного объединения. А в конечном счете, т. е. на *третьем этапе*, кооперирование помянутых блоков во всемирно-федеративном масштабе с таким же усреднением доходности всех людей мира.

В реализации идеи преобразования Земли в общий дом ее хозяев – всех людей – и состоял бы решающий шаг Организации Объединенных Наций по спасению человечества от неминуемой гибели, к которой оно идет сегодня. И ей следовало бы поспешать, в предвидении помянутого выше надвигающегося мирового энергетического кризиса, чтобы его не допустить, ибо его последствия абсолютно предсказуемы – всемирная катастрофа.

- 1 *Крючков В.* Хочу все познать. Альберт Эйнштейн почти тридцать лет своей жизни посвятил созданию теории всего // Итоги. 2007. 17 дек. № 51 (601). С. 108.
- 2 *Крючков В.* Указ. соч. С. 108–110.
- 3 *Сергеев А.* Вселенная для человека // Вокруг света. 2009. № 1 (2820). С. 38. Курсив мой. – А. Б.
- 4 *Расселле Е.* Дикарло. Предисловие // Толле Э. Сила момента сейчас. М., 2003, 2007. С. 14.
- 5 Концепция и механизм ее реализации изложены в ряде трудов автора: «Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. 4-е изд. М., 2004. С. 149–210; «Россия-мессия?» М., 2008. С. 196–273; и др.
- 6 См.: *Бурганов А.Х.* Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. М., 2004. С. 31–104.
- 7 *Кустарев А.* Кем и как управляется мир // Pro et contra. 2007. № 6 (39). С. 8.
- 8 *Солженицын А.* На возврате дыхания. Избранная публицистика. М., С. 60.
- 9 Там же. С. 156.
- 10 Современная мысль. 2007. № 8–9. С. 101, 102.
- 11 *Овян А.* Все что-то спасают, и мы что-то... // Новая газета. 2009. 18 февр.
- 12 *Кустарев А.* Указ. соч. С. 9.
- 13 Там же. С. 15
- 14 *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М., 1989. С. 2
- 15 *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 28 и др.
- 16 Древняя латинская мудрость: «Человеку от человека всегда грозит опасность».
- 17 *Солженицын А.* Указ. соч. С. 156.
- 18 *Бурганов А.Х.* Указ. соч. С. 206–210.
- 19 *Кустарев А.* Указ. соч. С. 17, 18.

В.Б. Киор

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

В статье предпринята попытка проанализировать национальную политику царской администрации по отношению к народам, в разное время вошедшим в состав Российской империи. Для этой политики были характерны как общие принципы (учреждение военной администрации на территории, вошедшей в состав России, приведение народа к присяге на верность императору, сбор налогов), так и стремление максимально учитывать местные особенности, быт, культуру, религиозные верования. В управление территорией активно вовлекалась местная элита, получавшая от царской администрации дополнительные привилегии. Такая политика позволяла царской администрации сохранять национальную стабильность в стране на протяжении столетий.

Ключевые слова: национальная политика, Российская империя, модели управления, многонациональность, ассимиляция, русификация.

В настоящее время в мире существуют государства в основном с многонациональным населением. Процесс глобализации ускорил перемещение больших масс трудовых ресурсов из стран Ближнего Востока, Африки, Азии в страны Европы, Северной Америки, Австралии. Появившиеся в этих странах большие группы иностранных граждан стремятся сохранить организацию своей повседневной жизни, к которой они привыкли на родине. Процессы интеграции этих групп населения в новые для них условия жизни проходят крайне медленно и болезненно. Поэтому правительства разрабатывают программы адаптации гастарбайтеров к условиям жизни страны. Во многих государствах накоплен опыт организации национальной жизни приезжих рабочих, который изучается учеными различных научных направлений.

© Киор В.Б., 2010

На протяжении последних 100 лет опыт национальной политики царской администрации изучается историками, социологами. В последнее время также и политологами из различных стран. Интерес к этому опыту вызван тем, что реализация национальной политики царской администрацией позволила России долгое время развиваться стабильно.

Современная российская и зарубежная историография активно исследуют проблемы деятельности царской администрации по организации жизни вошедших в состав России народов. Исследования ведутся в основном по двум направлениям: правительственная административная практика и правительственная национальная политика по отношению к различным народам, населявшим окраины Российской империи.

Вопросы стабильности взаимоотношений центра и инородной периферии представляют особый интерес, считает французская исследовательница Элен д'Анкосс, так как отсутствие серьезных политических выступлений народов, вошедших в состав имперской России, на протяжении всего периода ее существования до сих пор требуют углубленного изучения. Она предлагает более подробно рассмотреть проблему соотношения «жесткой централизации власти с широкой местной и разнообразной автономией»¹.

В правовом мировоззрении современников каждый государственный орган, каждое должностное лицо рассматривались как представители монарха, несущие ответственность лишь перед ним, а границы осуществления властных полномочий в конечном итоге определялись не правом и законом, а высшей волей царя².

Основная часть управленческих полномочий была сосредоточена на уровне центра и губерний – крупнейших, устойчивых территориально-административных единиц империи.

Управлять территориями, населенными многочисленными народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно.

Российская администрация использовала разные варианты построения системы администраций и самоуправления в центральных и окраинных губерниях, исходя из политической целесообразности и эффективности государственного управления: «Централизация не сопровождалась ни единообразием, ни управлением, административный аппарат монархии основывался на местных обычаях и институтах, смешивая и объединяя их, но не уничтожая»³. Царская администрация не проводила целенаправленной национальной политики, так как не было специального учреждения.

Общие установки складывались по большей части стихийно, в ходе развития российской государственности.

Интересы сохранения и процветания империи лежали в основе национальной политики России. Царская администрация выстраивала национальную политику по отношению к каждому народу, входившему в состав России, с учетом внешних и внутренних условий, складывавшихся на данный момент.

Свои отношения с народами, вошедшими в состав России, царская администрация строила с учетом международной обстановки, особенностей территории, уровня их экономического и социально-культурного развития. Все это принималось во внимание при установлении отношений центра с каждым отдельным народом. Крайние народы, принявшие присягу на верность царю, становились верноподданными и получали права, позволявшие встраиваться им в социальную структуру российского общества. Российские законы не ограничивали права иностранцев, более того, местное законодательство включалось в Свод законов Российской империи.

Изучая проблему взаимоотношений центра и окраин, историки пришли к выводу, что каждый народ проходил несколько этапов вхождения его в общероссийскую систему управления и культуры:

- установление российского подданства;
- постепенное вхождение в структуру российского государства;
- русификация или ассимиляция, протекавшая длительное время и затрагивающая религию, быт, культуру.

Российские и зарубежные исследователи в своих трудах обращают внимание на то, что русификация вызывалась объективными обстоятельствами – модернизацией страны, численным, языковым и культурным доминированием русских. А.И. Миллер, рассматривая попытки проведения ассимиляторской политики самодержавием в малороссийских губерниях, пришел к выводу, что ассимиляторская политика появляется на определенном этапе развития Российской империи. «В рамках государственного национализма, – подчеркивает он, – государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность»⁴.

Таким образом, А.И. Миллер вернулся к господствовавшему в российской историографии конца XIX в. понятию государственной ассимиляции. Ассимиляторская политика государства представлена в работе А.И. Миллера не как «зловещая» русификация, а как закономерность развития полиэтнического государства конца XIX в., направленная на достижение государственной стабилизации⁵.

В последней трети XIX в. Александр II начинает политику консолидации этнического ядра империи – русской народности (русские,

белорусы, украинцы). Эту политику продолжил Александр III, который был убежден в том, что в Российской империи должны господствовать русская государственность (русские учреждения), русский язык и уважение к православной религии⁶.

Обновление направлений и принципов национальной политики империостроительства позволяли монархии проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, но прежде всего систематизацию и унификацию управления.

В 1880 г. генерал-губернатор Д.Г. Анучин, подводя итоги собственного опыта работы в Сибири и Средней Азии, писал: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоевания или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались в состав государства с общим управлением, а связывались с Империей через посредство наместников или генерал-губернаторов как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились самые необходимые наши учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения страны, нередко с сохранением многих из прежних органов управления»⁷.

В Жалованной грамоте от 28 августа 1801 г. бакинскому владельцу Гусейн-Кули-Хану Александр I писал: «Всемиловейшее приемля Вас и всех Ваших подданных с принадлежащими области местами и селениями в высшее Наше подданство и покровительство, надеемся, что Вы сможете управлять с кротостью, подвластный Вам народ держать в порядке, правосудием каждого по законам и обыкновениям тех мест довольствоваться»⁸.

В обращении к народу Великого княжества Финляндского Александр I провозгласил: «Мы за благо считаем утвердить и удостоверить религию, коронные законы, права и преимущества, коими каждое сословие сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались, обещая оное хранить в ненарушимости и неприложной их силе и действии»⁹.

Все цари, в том числе и Николай II, включали этот текст в Манифест о своем восшествии на престол, тем самым подтверждая политическую автономию Великого княжества Финляндского.

Национальная политика на протяжении столетий была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях государственной безопасности, как внутренней (сохранной стабильности и порядка), так и внешней.

Царская администрация понимала, что для полноценного управления огромными пространствами по какому-то одному

алгоритму у правительства не хватит ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящая бюрократия приспосабливалась к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под своим контролем вошедшие в состав России народы и территории, поэтому адаптация присоединенных к России территорий проходила медленно.

Сложилась особая структура управления окраинами, которой присущи определенные принципы взаимного приспособления множества народов друг к другу и к государству в целом. В России всегда существовали территории с неодинаковым юридическим статусом. Наряду с губернско-уездным делением, существовали также казачье войско, «царства», области, горные и пограничные округа, генерал-губернаторства и протектораты. В Восточной Сибири до конца XIX в. сохранились волости, соответствующие расселению родоплеменных объединений.

До образования СССР в царской России национальный вопрос не имел территориально-административного решения, кроме еврейской «черты оседлости».

Входящие в состав России народы в основном были объектами государственной политики. Это не являлось каким-либо пренебрежительным отношением к народам, населявшим Россию, а объяснялось тем, что существующие сегодня нации тогда только формировались. Одним из основных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все окраинные народы, принявшие присягу на верность императору, становились верноподданными и получали одинаковые права со всеми подданными страны. Императоры стремились иметь объективные данные о положении дел на присоединенных землях и встречались с представителями народов, входивших в состав России. Этот имидж с XVI в. царская администрация постоянно поддерживала «ласкою, а не жестью».

В 1754 г. башкиры жаловались императрице Елизавете Петровне на местную администрацию, от которой они терпели разные несправедливости, и выражали надежду, что «наши вести дойдут до падишаха и суть наших дел будет разобрана с полнотой и справедливостью»¹⁰.

Власть при организации управления опиралась на местные элиты, традиционно привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и представления новых льгот.

Роль элит в политической жизни полиэтничного государства значительно выше, нежели в моноэтническом, подчеркивает

В.А. Тишков. Именно от их взаимодействия во многом зависит стабильность межэтнических отношений в государстве, ибо элиты склонны и способны вызывать вражду, согласие и сотрудничество элит и есть тот самый мир между народами¹¹.

Царское правительство со времен Екатерины II пыталось не завоевать, а «различными средствами привлекать к нам различных владельцев <...> возбуждая в одних любочестие к желанию быть удостоенным от руки нашей, а другим внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и поданным их от спокойного владения и от торговли с россиянами»¹².

С этой целью после принятия подданства Российской империи им присваивались, как правило, генеральские чины, назначалось жалованье, гарантировалось наследственное владение их ханствами. Шамхал Тарковский, например, после принятия подданства России в 1793 г. был произведен в тайные советники с назначением жалованья в 6 тыс. руб. в год на содержание войска. В 1799 г. он был возведен в чин генерал-лейтенанта. Аварский хан имел чин генерал-майора, и даже кадий табасаранский, лицо духовное, тем не менее имел чин полковника российской армии¹³.

Таким образом, правители региона как бы состояли на службе у российского императора, и в то же время они были суверенными в управлении своими владениями. Важнейшим условием, определявшим их правовой статус и, как следствие, сохранение власти, являлась лояльность Российской империи и неучастие в войнах против нее. Сотрудничество с этническими элитами было не просто основой национальной политики, но и основой управления Российским государством.

Можно по-разному оценивать эту практику – и как социальную комплиментарность, и как классовую солидарность. Русские элитные группы всегда сотрудничали со своими иноэтничными коллегами. Сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей в единую аристократическую корпорацию.

Российское дворянство являлось этнически открытым сословием. Существовали определенные критерии и ограничения, но социальная и культурная русификация (переход в православие) облегчали выходцу из местной знати вхождение в дворянский корпус и успешную карьеру. Прибалтийские немцы сразу заняли в империи высокое положение, при этом сохранив свой язык, культуру, религию.

По переписи 1897 г. только 53% потомственных дворян называли родным языком русский¹⁴. Это свидетельствовало о том, что половину российского дворянства составляли потомки польской

шляхты, украинской казачьей старшины, остзейских рыцарей, грузинских князей, мусульманских ханов и беков. Из представителей различных национальностей формировалось население административных и промышленно-торговых центров, особенно таких, как Рига, Одесса, Владикавказ, Баку, Ташкент¹⁵. В Российской империи сложились обширные зоны смешанного населения (Новороссия, Крым, Приазовье, Донбасс, Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Тургайская и Уральская области).

Ислам, буддизм и иудаизм были широко распространены на территории России; кроме того, малую часть населения России составляли многочисленные гетерогенные этнические группы поклонников пантеистических культов. Религиозно-этническая структура Российской империи в ее демографической динамике выглядела следующим образом:

- иудеи: в 1867 г. – 2,3 млн чел.; в 1897 г. – 5,1 млн чел.; прирост 121%;
- мусульмане: в 1867 г. – 4,1 млн чел.; в 1897 г. – 6,9 млн чел.; прирост 70%;
- католики: в 1867 г. – 6,9 млн чел.; в 1897 г. – 11,4 млн чел.; прирост 68%;
- православные: в 1867 г. – 54 млн чел.; в 1897 г. – 87 млн чел.; прирост 61%;
- протестанты: в 1867 г. – 2,3 млн чел.; в 1897 г. – 3,7 млн чел.; прирост 57%;
- старообрядцы и сектанты: в 1867 г. – 1,5 млн чел.; в 1897 г. – 2,1 млн чел.; прирост 41%¹⁶.

Царское правительство понимало опасность, которая угрожала России на пути безграничного расширения своей территории. Поэтому согласие на включение того или иного района, города, области в состав империи давалось только после того, как в результате усилий местной администрации эта территория входила де-факто в состав России. В то же время ряд земель был добровольно уступлен: иранские провинции (Гилян, Мазедари, Астрабад) по Петербургскому договору 1723 г., ими Россия номинально владела до 1732 г.; продана Аляска. Иногда Россия не шла на прямое присоединение территорий, ограничиваясь установлением протектората или вассалитета, как это было в Сибири, Туве, Бухаре, Хиве и т. д.

На территориях, вошедших в состав России, царская администрация постепенно приспособляла систему местного самоуправления к уже существующим в данном регионе традиционным институтам самоуправления и суда, которые с течением времени инкорпорировали ее в единую управленческую структуру ре-

гиона. Особое место в местном управлении занимали пограничные области, в которых существовала не только упрощенная система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но длительное время сохранялся явный приоритет военной власти над гражданской, так как внешние границы имели аморфные очертания и обладали большой подвижностью¹⁷.

Общие принципы государственной национальной политики, проводимой царской администрацией, позволяют выявить некоторые изменения, которые вносила в национальную политику царская администрация в связи с изменениями в экономической, социальной и культурной жизни народов России на протяжении длительного времени. Неизменно проводился курс на постепенную интеграцию окраин в единое имперское пространство, в проведении которого царская администрация придерживалась определенной последовательности. В XVI–XVII вв. на территориях, вошедших в состав России, царская администрация вводила общегосударственную систему управления, упрощенную и приспособленную к местным традициям самоуправления.

На обширной территории Сибири существовали общие для всей России учреждения, только их организационное устройство было упрощенным. Из-за отсутствия в Сибири грамотных людей из местных жителей и малочисленности городского населения заседания в полицейских и судебных учреждениях были русские¹⁸.

В ходе взаимных контактов вырабатывались определенные нормы и принципы взаимоотношений. На первых порах важную роль играл институт вассальной зависимости властителей Сибири, Поволжья, Северного Кавказа от русских царей. Вассалы обязаны были нести военную службу, уплачивать дань. Вассалитет оформлялся специальной жалованной грамотой, присягой на верность. В результате длительной практики выработались формы зависимости, получившие название «подданство», «холопство»¹⁹.

В конце XVIII в., первой половине XIX в. проведение национальной политики потребовало от царского правительства иных подходов и методов управления, а следовательно, и иной его организации.

Система управления окраинами России характеризовалась особым административно-территориальным делением (существовали институты наместничества, генерал-губернаторства, а также мелкие территориальные деления) и наличием особенных специфических, нередко только для данной окраины, учреждений и должностных лиц²⁰. В наместничествах и генерал-губернаторствах военные и гражданские функции управления почти всегда

сливались воедино. Например, создание на Кавказе и в Туркестане военно-административной системы управления было вызвано частыми войнами с Турцией, Персией и Китаем и почти постоянным состоянием войны с горскими народами, а в Польше необходимостью укрепления границ²¹. Решение местных задач требовало предоставления администрации этих окраин широкой самостоятельности в действиях, известной независимости от центральных, а порой и высших правительственных учреждений.

В Сибири, Прибалтике, Польше и на Кавказе были введены некоторые общегосударственные учреждения (губернии, уезды, округа, генерал-губернаторства), однако методы старого управления продолжали сохраняться. Это находило выражение в широком распространении совмещения военных и гражданских должностей, в упрощенной организации учреждений, полиции, суда.

Во второй половине XIX в. отпала необходимость в таких чрезвычайных органах управления, как наместники на Кавказе и в Польше. Это было связано с тем, что эти регионы быстро втягивались в сферу экономической модернизации России²². Во многом успехи административного строительства на окраинах России были связаны с деятельностью российских чиновников, которые тщательно подбирались и проходили специальную подготовку. Практика управления на окраинах требовала от чиновников способности взаимодействия с местной национальной элитой и с купечеством, умения лавировать между различными группировками. Это было необходимо для привлечения местной элиты к управлению. Элита должна была сохранять влияние на местное население под контролем российских чиновников.

Наряду с кадровыми чиновниками на административную службу привлекались специальные и национальные группы населения России, которые участвовали в процессе имперского строительства: военные, казачество, священники, учителя, врачи, инженеры, крестьяне-переселенцы. Казачьи станицы становились опорными пунктами в проведении российской имперской политики на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в Средней Азии и других регионах²³. На окраинах формировался особый тип российского чиновника, который мог адаптироваться к новой окружающей его социокультурной среде. Формировался специалист-управленец, проходивший службу, как правило, в нескольких регионах страны, переносящий управленческие приемы и имперские технологии с одной территории, населенной инородцами, на другую. На первых порах российские чиновники ограничивали свое присутствие только надзором за местной администрацией и судом. С разрешения высшего руководства они могли в случае необходимости

уменьшить налоговое бремя на местных жителей или даже отложить на некоторое время податное обложение в пользу русской казны. Активно вмешивались в жизнь местного населения только в случае угрозы безопасности. Местные российские чиновники строго ограничивали политическую самостоятельность и политические претензии традиционной элиты

В качестве чиновников в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке и Кавказе использовались представители различных национальностей, проживавших на территории России: немцев, поляков, татар, русских. В Сибирь, как правило, приезжали работать чиновники с Кавказа, Средней Азии, Польши. Сибирские чиновники имели больше возможностей для карьеры, получали льготы, награды, повышения по службе. Их часто переводили на работу в столицы.

Гибкость, учет международной обстановки, специфики географических, экономических и социокультурных условий жизни каждого народа лежали в основе государственной национальной политики имперской администрации по организации управления национальными окраинами России²⁴. Управление национальными окраинами царская администрация осуществляла по-разному. Это можно проследить на примерах Финляндии и Кавказа.

По Фридрихсгамскому мирному договору от 5 сентября 1809 г. Швеция отказалась от своей восточной провинции в пользу России. Финляндская политика Александра I в значительной мере определялась военно-стратегическими соображениями и расчетами²⁵. Обязательства требовали от российской власти быстрого упрочения своих позиций на присоединенной территории. Эта задача не могла быть решена методами лишь военного принуждения. Нужно было проводить такой политический курс, который нейтрализовал бы существующее в Финляндии недоверие к русскому правлению, исключал бы превращение Финляндии в очаг сепаратизма и обеспечил бы безопасность северо-западных границ империи. Александр I поручил М.М. Сперанскому разработку отдельных государственных актов, касающихся Финляндии.

М.М. Сперанскому принадлежит определение общей политики российского правительства. Он понимал, что Финляндия по уровню общественного развития стояла выше, чем любая из русских губерний. В России господствовали крепостнические отношения, а в Финляндии крепостного права не было и финляндское крестьянство, как и городское бюргерство, представляло собой активную политическую силу. Поэтому успех политики России на завоеванной территории был возможен лишь после предостав-

ления населению больше прав и привилегий, чем они имели при шведском господстве²⁶.

В марте 1809 г. Александр I собрал в городе Борге собрание представителей четырех сословий Финляндии. Он дал торжественное обещание не нарушать религии, коренных законов, прав и преимуществ, которыми пользовались подданные княжества по Конституции (она состояла из двух основных документов – «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г.)²⁷.

Финляндия получила свой законодательный орган – сейм. Без одобрения сейма великий князь не мог вводить в княжестве свои законы и налоги. Сейм образовывался из представителей четырех сословий: дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Для принятия решений достаточно было согласие трех сословий. Для принятия изменений основных законов и прав сословий требовалось согласие всех сословий.

Финляндия имела и свою исполнительную власть – сенат. Председателем сената являлся генерал-губернатор. На генерал-губернатора возлагалась ответственность за управление княжеством перед императором. Губернское управление Финляндии образовывали губернатор и подведомственные ему две экспедиции: губернской канцелярии для дел исполнительных и губернской конторы для дел казенных и финансовых.

Судебное устройство было основано по шведскому образцу. Первую ступень суда образовывали городские и уездные суды, второй ступенью являлся губернский суд. Высшей ступенью суда являлись гофгерихтеры. Верховным судебным органом был сенат²⁸. Согласно конституции, всем сословиям Финляндии предоставлялась свобода личности и вероисповедания, право иметь поземельную собственность, «не быть лишенным жизни, чести и имущества иначе, как по судебному решению»²⁹.

Финляндским подданным был открыт доступ к службе на самых ответственных государственных и военных постах, а с 1878 г. княжество могло иметь собственную, небольшую армию. Эта армия стала символом особого статуса Финляндии в составе империи. Были и другие отличия: финляндское почтовое ведомство выпускало финские почтовые марки, железнодорожная система имела другие типы колеи, были сохранены таможенные границы, денежные средства Финляндия могла хранить в зарубежных банках. Финляндия в составе Российской империи имела самую широкую местную автономию для решения своих проблем, что содействовало быстрому социально-экономическому, общественному и культурному развитию края.

Общими у Финляндии и Российской империи оставались глава государства – царь, внешнеполитическое ведомство и стратегическая оборона³⁰.

Иначе решались эти вопросы при присоединении к России Кавказа. В конце XVIII – начале XIX в. территория Кавказа становится одним из важнейших направлений окраинной политики российских императоров. Вслед за манифестом Павла I от января 1801 г. о добровольном присоединении Грузии к России 12 сентября того же года Александр I издал «Высочайший манифест» о внутреннем управлении в Грузии³¹. Этот документ положил начало ломке старого порядка и введению системы управления хотя и не идентичной, но схожей с системой в губерниях центральной России. Но все равно на местах сохранялись основы системы местного самоуправления, суда и самостоятельность церкви.

Иная ситуация наблюдалась в мусульманском Закавказье, где вплоть до 40-х годов XIX в. сохранилась старая административная и податная система³².

Постоянные войны и сложность международной обстановки, подвижность границ диктовали русской администрации необходимость учреждать на присоединенных территориях систему управления по преимуществу военного и чрезвычайного характера. Генералам и офицерам поневоле приходилось заниматься гражданскими делами, примирять социально-политические элиты, благоустраивать города, строить дороги и т. д.

В то же время царская администрация понимала пагубность последствий быстрой ломки традиционного социально-культурного и политического уклада. Терпимость к местному административному разнообразию вводилась далеко не везде, но и там, где вводилась, зачастую носила номинальный характер, давая себя почувствовать лишь тем, кто открыто не демонстрировал нелояльность к ней. Многие азербайджанские и дагестанские правители, избравшие покорность России, были оставлены на своих «престолах», а их подданные продолжали жить как и прежде, правда, с той существенной разницей, что отныне обеспечивалась внешняя безопасность и ограничивались наиболее вопиющие формы внутреннего произвола³³.

Конфессиональная политика Петербурга на Кавказе в целом была достаточно осторожной и избирательной. Царское правительство жестко ограничивало деятельность синодального духовенства на Кавказе. Ему запрещалось навязывать (тем более силой) христианство народам, исповедующим мусульманство и язычество. Что касается исламской религии, то по отношению к ней царская администрация заняла подчеркнуто охранительную

позицию с явным намерением привлечь мусульманское духовенство к сотрудничеству³⁴.

Повышение интереса царской администрации в середине XIX в. к Кавказу привело к пониманию необходимости корректировки административной политики, инициатором которой выступил главнокомандующий Кавказской армией И.Ф. Паскевич. В апреле 1830 г. в рапорте Николаю I он отмечал, что в крае нет четкой структуры управления. Лучшим выходом из положения Паскевич считал введение во всех кавказских провинциях общероссийской системы управления.

В 1833 г. был образован Комитет по устройству Закавказского края, который разработал соответствующий проект и представил его на рассмотрение Государственного совета. По представленному проекту край должен был называться Закавказской Россией. Там вводились наместничество и совет управления при наместнике. На заседании Государственного совета новый управляющий Кавказом Г.В. Розен не согласился с предложением Комитета и выразил опасение, что «мысль о том, что правительство взирает на Закавказье как на будущую свою колонию может «охладить» их к России». Государственный совет не утвердил Положение. Закон об управлении Закавказьем был принят лишь в апреле 1840 г.³⁵

Согласно закону на территории Закавказья была образована Каспийская область. В отличие от грузино-имеретинской губернии, где действовали российские законы, в Каспийской области вводилось особое военно-окружное управление. Все население Закавказья получило в основном ту же администрацию, что и народы России. Реформа 1840 г. закрепила положение Закавказья в составе России путем постепенного введения общероссийского управления, приспособленного к местным условиям и завершила споры в правящих кругах России о характере управления Закавказьем³⁶.

Реформы 1840 г. имели своей целью укрепить положение России на Кавказе и в то же время сделать этот регион составной частью Российской империи путем введения общероссийской системы управления. Этому способствовала традиция российской администрации – учитывать местные этнические, религиозные, бытовые и иные традиции народов Кавказа.

* * *

В деятельности царской администрации по организации жизни народов национальных окраин России прослеживаются некоторые закономерности, которые могут быть использованы в национальной политике правительствами других государств:

- максимально допустимое сохранение местных особенностей и жизненных устоев во имя стабильности и безопасности в государстве;
- невмешательство чиновников в сферу, регулируемую обычаями и традиционными установками (религия, культура, семья, быт);
- игнорирование этнических ареалов при формировании административных формирований высшего и среднего звена.

Примечания

- 1 *Д'Анкокс Э.* Евразийская империя. М., 2007. С. 8–11.
- 2 *Гессен О.* О правовом государстве. СПб., 1907. С. 14.
- 3 Имперский строй России в региональном измерении. М., 1977. С. 371.
- 4 См.: *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русской общественной мысли (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- 5 *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 54–75.
- 6 Там же. С. 72.
- 7 Сайт «Владивостокская крепость». [Владивосток, 2009]. URL: <http://vladfort.ru> (дата обращения: 03.03.2009).
- 8 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 26. С. 763–764.
- 9 *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 133–134.
- 10 См.: *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.
- 11 *Тишков В.А.* Этнография чеченской войны // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 534.
- 12 *Будков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 2. С. 386–387.
- 13 Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Под ред. Г.Г. Гаджиева. М., 1988. С. 16.
- 14 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т. 1. Табл. XII.
- 15 Там же.
- 16 *Тихомиров Л.* Вероисповедальный состав России // Миссионерское образование. 1902. № 3. С. 435.
- 17 См.: Проблемы истории местного управления Сибири. Новосибирск, 1998.
- 18 Там же.
- 19 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России М., 1997. С. 178–180.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Ремнев А.В.* Имперское управление азиатскими окраинами России в XIX в. М., 1997.

В.Б. Киор

- 22 *Шиловский П.* Указ. соч. С. 127–129.
- 23 Положение о преимуществах чиновников, служащих за Кавказом, прибавка к жалованию, сокращение сроков службы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1841. Т. 15. С. 267–268.
- 24 *Лукомский Д.П., Гречишкин С.С., Морозов В.И.* М.М. Сперанский (материал к научной биографии) [Электронный ресурс] // Сайт «Хронос». [М., 2008]. URL: [www // hronos.km.ru](http://hronos.km.ru) (дата обращения: 15.02.2009).
- 25 *Шиловский П.* Указ. соч. С. 24–44, 50–54.
- 26 *Корево Н.* Сеймовый Устав для Великого Княжества Финляндского, высочайше утвержденный. СПб., 1913. С. 188–190.
- 27 *Шиловский П.* Указ. соч. С. 24–44.
- 28 Там же. С. 127–129.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 *Будков П.Г.* Материалы по истории Кавказа. СПб., 1870. С. 23.
- 32 Акты, собранные кавказской Археографической Комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 432–433.
- 33 См.: *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе. Владикавказ, 2000; *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Вел. Кн. Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.
- 34 Азербайджан в 20–60-е годы XIX в. М.; Л., 1936. Ч. 1: Феодальные отношения и колониальный режим. С. 230–232.
- 35 10 апреля 1840 г. Учреждение для управления Закавказьем // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1841. Т. 15. С. 237.
- 36 Там же. С. 238–261.

Т.Г. Канделаки

НАСТОЯЩАЯ ГРУЗИЯ

Сегодняшние средства массовой информации, с одной стороны, предоставляют индивиду огромный выбор в информационном пространстве, с другой – этот выбор ограничивают. СМИ сегодня являются основным инструментом формирования общественного мнения и пропаганды.

Говоря о пропаганде на территории постсоветского пространства, нельзя обойти стороной Грузию, где в силу экономических проблем население имеет постоянный доступ только к одному источнику информации – национальному телевидению, контролируемому местными властями. Кроме того, политические лидеры страны различными способами ограничивают доступ к альтернативным источникам информации. Каналы национального телевидения используются исключительно как инструмент пропаганды. Тем временем, анализируя грузинские и российские СМИ, мы наблюдаем два диаметрально противоположных образа грузинского народа. В силу этого я обратилась к данной теме, пытаясь найти ответ на вопрос, насколько изменился грузинский народ под влиянием политических процессов, происходящих в Грузии, и информационного пространства. В этой работе я постаралась отразить основные вехи, с чего все начиналось и к чему мы все пришли.

Ключевые слова: пропаганда, режим Саакашвили, информационное пространство, нация.

В последние дни я очень много думала о том, насколько люди разных национальностей принципиально по-разному смотрят на мир. Что нужно этносу для того, чтобы чувствовать себя полноценным и уверенным в своей индивидуальности? Как и когда мы начинаем понимать, кто мы и к какому народу мы принадлежим?

© Канделаки Т.Г., 2010

Ребенком меня часто будил припозднившийся домой папа и спросонок спрашивал, как моя фамилия. Я терла глаза и уже с трех лет четко отвечала, что моя фамилия – Канделаки. «Вот, – папа делал многозначительную паузу, – никогда об этом не забывай, веди себя достойно всегда и помни, что ты грузинка».

Но кто такие мы, грузины? Этот вопрос у меня возник гораздо позже. Я помню, как наша соседка тетя Дали прибежала к нам со словами «Мераб умер!». Какой Мераб, я даже тогда не понимала. Значительно позже я узнала, что это был Мераб Мамардашвили, известный грузинский философ. Когда я через много лет добралась до его книг, мне многое стало гораздо яснее и понятнее о себе. И о своем народе. Мне кажется сегодня, его стоит перечитать, хотя бы для того, чтобы еще раз вспомнить, кто такие мы – грузины. Я перечитала его еще раз, и мне стало гораздо легче. М.К. Мамардашвили писал:

«Нация – это то, что существует внутри напряженного вопрошания о том, кто мы, что мы, какие у нас обязанности. Следовательно, это единство перед судьбой.

Если истребить в нации личностные начала, которые внациональны, являются историческими началами человека, как такового, независимо от его этнической принадлежности, то лучшие черты нации исчезнут¹».

Читая эти строчки, я думала: что является нашим историческим началом? Какие лучшие грузинские качества, которые делали нас испокон веков грузинами, стали исчезать в эпоху М.Н. Саакашвили? Почему мне сегодня так нужны аргументы в защиту моей нации? М.К. Мамардашвили отвечал мне из XX в.:

«Мы архаичная нация, прельстительная, красивая, но архаичная <...> и неуместная <...> перед нами стоит задача стать современными, превратиться в современное государство, которое будет объединением развитых, проникнутых правовым сознанием индивидов, личностей, которые будут достойны называться гражданами именно в силу правового развития менталитета²».

Я по-детски верила, что «революция роз» – самая бескровная в мире революция – даст моей Родине шанс вырасти в такое государство, о котором мечтал М.К. Мамардашвили.

Но не случилось ни тогда, ни сейчас. Замыкаясь на себе и на образе врага, мы еще в эпоху Гамсахурдиа, казалось бы, прошли эту тупиковую ветвь, но зачем-то опять к ней вернулись.

Многие грузины считают, что в столь переломный для Грузии момент грузины должны хранить молчание и нейтралитет. Но разве мыслящий человек может молчать, видя плоды агрессии, которая рушит человеческие жизни, в очередной раз отнимая у Грузии

шанс стать современным государством?! Мы никогда не были захватчиками, так сложилось исторически, мы были нацией донкихотов, и кто бы нами ни правил, останемся ею навсегда.

М.К. Мамардашвили гениально подметил, что в грузинской культуре есть один закодированный элемент – веселый трагизм. Государство, которое выживало столько столетий, не жило все это время, а выживало, т. е. боролось за свою жизнь, такая нация, он считал, трагична. И культура трагична. Это особого рода трагизм, который содержит в себе абсолютно формальный запрет отягощать окружающих своей трагедией. Перед другими ты должен предстать веселым, легким, осененным незаконной радостью. Таких грузин знал весь мир, и таких грузин, я надеюсь, мир еще вспомнит.

М.Н. Саакашвили сам по себе никуда не уйдет, потому что, только оставаясь президентом, он может не бояться за свою жизнь. Быть президентом до тех пор, пока это возможно, теперь смысл его существования. И цена неважна, даже если расчетная единица – человеческая жизнь.

Я очень хорошо помню Грузию времен Звиада Гамсахурдиа. Когда Звиад пришел к власти, казалось, что вместе с ним пришла внеочередная весна. Всем хотелось проснуться после долгого черно-белого советского сна и тут же влюбиться в того, кто наполнит смыслом наступающую новую жизнь. И все влюбились в З.К. Гамсахурдиа. Но, как это часто бывает в отношениях страстных любовников, быт сгубил все лучшее на корню. Пока Звиад был любимым лидером, ему не было равных. Став президентом, он тут же потерял былую привлекательность, потому что осуществлять бытовые функции оказался не в силах.

Потом в Грузию вернулся Эдуард Шеварднадзе, и на миг нам показалось, что Старый Лис лучше молодых Робин Гудов. Но влюбиться в Старого Лиса было нелегко, да и он, если честно, не давал для страсти особых поводов. Нашей неизрасходованной любви нужен был объект. И американские технологи помогли нам его найти.

Я не знаю никого, кто не повторял бы как мантру слова про «высокого, красивого» Михаила Саакашвили, который изменит нашу жизнь, поможет из дачного домика переехать в квартиру с евроремонтом. Жаль, что не все отношения развиваются симметрично. В нашей, казалось бы, обоюдной любви Михаил Николаевич Саакашвили ушел далеко вперед, оставив народ позади. Он выполнил свои экономические и социальные обещания, но лишь в индивидуальном порядке.

Он сам и его двор уже давно в НАТО и Евросоюзе, у них высокий прожиточный минимум, и им абсолютно не нужны визы

в Россию. Как, собственно, и сама Россия. А когда ты хочешь о ком-то забыть, надо выкинуть все фотографии, стереть телефоны и не произносить имена. Но если ты при этом являешься президентом страны, твои личные чувства могут масштабироваться до неопишуемых размеров.

Даже мои самые патриотически настроенные товарищи, позвонив мне из Тбилиси, недоумевали, зачем нужно переименовывать улицы Грибоедова и Пушкина. Похоже, в сознании лишь одного человека в мире А.С. Пушкин является агентом влияния оккупационного режима. На такие заявления не решалась даже советская власть. А.С. Пушкиным торговали все, но обвинить его самого в продажности не осмелился никто.

С А.С. Грибоедовым ситуация сложнее. До тех пор пока прах его покоится на священной горе Мтацминда, эпитафия «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» – для многих может быть провокационной. Ведь это неправильно, когда грузинка так любит русского парня. Тем более что ее чувства оказались гораздо более длительными и постоянными, чем любовь грузинского народа к Саакашвили.

Про М.Ю. Лермонтова и его «имперские замашки» я вам напоминать не буду...

Да, хороши были политтехнологи у Российской империи, раз заставили всю свою творческую элиту на протяжении целого века без остановки писать о Грузии. Увековечив нашу страну в русской литературе, они не оставили ни малейшего шанса своим американским коллегам, которые пытаются создать у грузин новые культурные коды, но не могут. Потому что эти коды, привязанности, традиции созданы давным-давно.

Говорить с любовью про экономику сложно, хотя можно попробовать. Кто в детстве не любил грузинские мандарины, чурчелы, а став постарше, грузинское вино и сулгуни? Только к одному мальчику эта любовь не имеет никакого отношения, звали его в детстве Гена, фамилия его была и есть Онищенко. Хотя, возможно, эта нелюбовь к Грузии такая же наносная, как и любовь к ней США. В России еще живо поколение, которое хочет пить грузинское вино, которое, возможно (тем более в эпоху кризиса), увидев на прилавке грузинское и французское вино, предпочло бы первое второму.

Такое невозможно ни в Европе, ни в Америке. Слова «грузинский аграрный экспорт» для их жителей звучат как неологизм. Вот и приходится фермерам вырубать собственные виноградники и ставить под угрозу все грузинское сельское хозяйство, в котором занято до 50% населения Грузии. Чем ему заниматься в период

евроатлантической интеграции Михаила Николаевича Саакашвили, непонятно. Непонятно и многое другое. Что будет с Южной Осетией и Абхазией? И что будет с самой Грузией, в которой уже всем надоело влюбляться и всем хочется просто жить?

С другой стороны, контролируемые президентом М.Н. Саакашвили средства массовой информации сообщают о новых этапах внедрения Грузии в евроатлантические структуры.

«Договор о стратегическом партнерстве с США должен сделать Грузию сильным государством»³.

Так считает президент Михаил Саакашвили. Документ, по его словам, направлен на укрепление сотрудничества двух стран в военной, политической, экономической и гуманитарной сферах. СМИ преподносят нынешние грузинские политические элиты как национально ориентированные. Однако «за кадром» Грузия давно не суверенное государство, причем ее руководство уже официально отказывается от самостоятельности. Первый шаг – это соглашение, по которому все реформы, преобразования и план развития страны на год должны утверждаться в НАТО. Следующий шаг – новый договор с США, закрепляющий на бумаге необходимость тесного политического сотрудничества (читай дистанционное управление). Но альтернатива правительству М.Н. Саакашвили ничуть не лучше.

И власть, и оппозиция живут исключительно на дотации. С завидной регулярностью очередной оппозиционер посещает Вашингтон, после чего грузинские информагентства передают его заявления с призывом к развитию демократических институтов. Бессспорно, необходимость в реформах есть. Но нынешняя политическая элита такие реформы провести не в состоянии. Ее представители могут только говорить (я наблюдаю уже не первый год), но даже угрозы остаться без денег, исходящие, например, от Международной антикризисной группы, которая еще осенью обещала приостановить финансовую помощь, если в стране не произойдут структурные преобразования, не помогают.

Низкие рейтинги как правительства, так и оппозиции показывают народную усталость и крайне высокое разочарование в правящем классе.

Власть и оппозиция – плод одного дерева. Если обратиться к недавним историческим примерам, то ближе всего к сегодняшней Грузии французское правительство Виши времен Второй мировой. Эти коллаборационисты предали свой народ, вступили в преступный сговор с фашистами, а потом полицейскими методами давили любое национально ориентированное сопротивление.

Но затем появился генерал Де Голль, бросивший вызов марионеточному правительству Виши. И Де Голль победил. Победил, потому что превыше всего ставил подлинные интересы Франции, он страстно хотел вернуть ее былое величие, ее самостоятельность. Он смог поднять французов на борьбу за независимость, потому что он сражался не за Америку, не за Германию, он сражался за Францию. Грузины тоже ждут своего Шарля Де Голля, это отражается в опросах общественного мнения. На сегодняшний день сформировался запрос на нового национально ориентированного лидера.

Географическое положение Грузии и наличие ресурсов вкупе с агропромышленным комплексом – этого абсолютно достаточно, чтобы стать суверенной страной.

Тем временем информационная борьба развернулась вокруг поездки патриарха-каталикоса Всея Грузии Илии II на похороны Алексия II.

Всегда кажется, что ошибки, допущенные властью, должна исправлять сама власть или народ, который эту власть может поменять. Власти Грузии разъединили некогда очень близкие народы. Поэтому совершенно не удивительно, что для огромного количества людей на постсоветском пространстве потеряны всякие ориентиры. И вдруг в какой-то момент выяснилось, что только вера их объединяет. Если бы не смерть патриарха Алексия II, не произошло бы духовного объединения народов. И не состоялся бы приезд Илии II на похороны в Москву, и не прозвучали бы из уст духовного лидера всех грузин такие родные, но уже почти забытые слова о «братском российском народе».

Приезд Илии II был не только символическим и важным, но и решающим для той части грузинского народа, которая вдруг оказалась отрезанной.

Еще несколько лет назад подобные слова о «братском народе» воспринимались в порядке вещей. Сейчас это звучит как позиция. Яркая выраженная гражданская позиция.

Хоть Грузия и светское государство, но религиозные деятели всегда оставляли за собой право на независимость на протяжении всего времени своего служения. Они всегда имели право на любые поступки и на свое мнение относительно любых событий.

На отпевании Алексия II присутствовали представители практически всех направлений христианства, а молитвы читались на разных языках. Тем трогательнее было услышать молитву на грузинском. С каждым звуком грузинской молитвы, звучавшей в стенах Храма Христа Спасителя, становилось понятно, что бы ни сделал Саакашвили, историю и связь двух народов ему не изменить и не разрушить.

Настоящая Грузия

Примечания

- ¹ *Мамардашвили М.К.* Грузия вблизи и на расстоянии. Тбилиси, 1995. С. 45.
- ² Там же. С. 136.
- ³ Грузия готовит Договор о стратегическом партнерстве с США: Саакашвили [Электронный ресурс] // Сайт «ИА Регнум». [М., 2008]. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/georgia/1103212.html> (дата обращения: 22.12.08).

А.В. Митрофанова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Статья посвящена современному международному славянскому движению. Автор анализирует отношение современных панславистов к православию, и делается вывод, что этническая принадлежность для них важнее религиозной. Статья отмечает, что основной проблемой современного панславизма, как и панславизма XIX в., является нежелание признать, что единая славянская цивилизация в наше время существует только на уровне проекта. Автор демонстрирует важность Сербии и Белоруссии для панславистской политической мифологии, а также дает краткий обзор современного славянского движения. В заключение рассмотрена возможность реализации национальных интересов России во взаимодействии с этим движением.

Ключевые слова: панславизм, международное славянское движение, всеславянские съезды.

Идеология панславизма иногда представляется чем-то архаическим, относящимся исключительно к XIX в. Не все осознают масштаб и влияние славянских движений в современном мире. Современные панслависты продолжают линию рассуждений своих предшественников о славяно-православном мире во главе с Россией, который сосуществует с другими мирами или цивилизациями.

Панслависты не являются ретроgrадами или сторонниками полной изоляции славянской цивилизации от окружающего мира. Они воспринимают регионализацию как способ смягчить последствия либеральной глобализации. К.А. Смирнов и О.В. Катаева выдвигают план создания Всеславянского экономического союза, где «внутри каждой славянской страны будет обращаться собственная денежная единица, а для расчетов вне рамок Союза будет

© Митрофанова А.В., 2010

использоваться новый – конвертируемый – рубль»¹. Внешний мир, таким образом, не рассматривается как нечто враждебное. Даже западная цивилизация считается противником только потому, что она первая начала (по мнению панславистов) агрессивные действия против славяно-православного мира.

Н. Нарочницкая, например, пишет, что в борьбе за «поствизантийское пространство» (которое географически явно совпадает с территорией Всеславянского союза ранних панславистов) сталкиваются интересы православной, латинской (западной) и исламской цивилизаций. Она пишет, что «<...> общая цель западных держав в прошлом и сегодня одна – не допускать в стратегическом районе проливов и Средиземноморья образования крупного славянского православного государства с ярко выраженным самостоятельным национальным духом»². Решение панслависты видят в сплочении вокруг России всех славянских и православных народов. При этом славяне автоматически признаются православными, а православные – славянами. Однако, в отличие от своих предшественников XIX в., современные панслависты не могут отмахнуться от того печального для них факта, что православные бывают не славянами, а славяне – неправославными.

Современные панслависты, безусловно, хотели бы считать католическую веру некоторых славянских народов чем-то вроде исторического недоразумения. Панславистски ориентированный журнал «Мир Божий» напоминает, что святая равноапостольная княгиня чешская Людмила и ее внук св. Вячеслав были православными (так как жили в IX в., до разделения церквей)³. Но в принципе современные панслависты готовы признать приоритет славянского единства перед всеобщим исповеданием православия. «Тот факт, что я славянин, – говорит польский панславист Б. Тейковский, – важнее, чем то, что я православный, католик, протестант, атеист либо язычник»⁴. Учитывая изменившиеся реалии, современные панслависты отказываются от «сомнительного» тезиса своих предшественников о всеобщем принятии православия в будущем славянском мире.

Некоторые панслависты даже поддерживают евразийскую идею союза православного мира с исламским. Президент Международной славянской академии Б.И. Исаков утверждает, что «концепция славяно-евразийства существенно расходится с концепциями евразийства и панславизма <...>. Например, “евразийство” принижает роль славян, а “славянские фундаменталисты” игнорируют факт глубокого проникновения России на Восток <...>»⁵. Б. Исаков признает, что славянские фундаменталисты подвергают его критике, но считает, что все евразийские народы являются

отчасти славянами⁶. Большинство современных панславистов подчеркивает, что их проект объединения славян – только часть более крупного (евразийского) геополитического проекта. Эту мысль, в частности, выразил Б. Тейковский, выступая на 9-м Всемирном русском народном соборе в Москве в марте 2005 г. Сходную мысль выразил в одном из интервью председатель Славянского комитета Беларуси, один из руководителей Коммунистической партии Беларуси С.Н. Костян, подчеркнув, что «надо создавать какое-то славянское единство, возродить славянский рынок – СЭВ. Кто в него входил раньше? И Венгрия, и ГДР, и Румыния, и другие <...>. Вот что такое славянский рынок: как “Славянский базар” в Витебске. Он тоже назывался так, а что, там были одни славяне?<...>»⁷.

Основной проблемой современного панславизма, как и панславизма XIX в., является нежелание признать: единой славянской, а тем более православно-славянской цивилизации не существует. Многие панслависты воспринимают «славянское сообщество», «славянский мир», «славяно-православную цивилизацию» как осознающую себя общность, согласованно действующую на международной арене. Так, К.А. Смирнов и О.В. Катаева пишут о славянском сообществе, в которое «входит 12 государств»⁸. Несомненно, руководители и население большинства этих государств очень удивились бы, узнав, что их страны входят в какое-то сообщество. Тем не менее у панславистов есть некоторые основания говорить о «славянском мире»: он существует не на уровне государств, а на уровне неправительственных панславистских движений и личных связей между отдельными панславистами. Другое дело, что такая «славянская цивилизация» не обладает значительной политической силой. Поэтому современные панслависты вынуждены одновременно говорить о «славянском мире» как о сплоченной общности и признавать за «славянским проектом» некоторую незавершенность⁹. Большинство панславистов приходит к выводу, что славянский мир состоит в лучшем случае из трех стран: России, Белоруссии и Сербии.

Не удивительно, что идеи панславизма пользуются популярностью среди российских ученых-балканистов, филологов-славистов, переводчиков с сербского языка и т. д. В 1992 г. российские историки-югославы неоднократно обращались с различными письмами к органам власти, требуя пересмотреть прозападный курс по отношению к Югославии. Приведем мнение доктора исторических наук и одной из ведущих отечественных балканистов Е.Ю. Гуськовой: «Сегодня ясно, – пишет она, – что стратегический план США, чьим инструментом является НАТО, направлен, прежде

всего, против России. Но преградой на этом пути могла стать Югославия»¹⁰. Когда в телепередаче «Русский дом» ведущий А.Н. Крутов заявил, что Запад устроил бойню «против христианской православной страны», что «православная Югославия подверглась военной агрессии», участвовавшая в той же передаче Е.Ю. Гуськова поддержала его: «Очень хотелось бы, чтобы мы помогли сербам обороняться, поставив им современное оружие»¹¹.

Звездным часом панславизма стало решение югославского парламента о присоединении к Союзу России и Белоруссии (12 апреля 1999 г.). Вообще с началом военной операции НАТО в Косово панславистские настроения достигли пика. Международное панславистское движение организовало «Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в бывшей Югославии» под руководством профессора-юриста Михаила Кузнецова. Эта организация была создана сразу после начала событий в Косово – 23 мая 1999 г. – на 4-й чрезвычайной сессии Всеславянского собора. Трибунал пришел к выводу, что НАТО повинна в совершении преступлений против мира и человечности.

«Потеря» Сербии в результате смещения С. Милошевича (названного в газете «Завтра» «героем славян») произвела на панславистов тяжелое впечатление. По мнению большинства панславистов, славянские страны прозападной ориентации – предатели православия и славянства. Тем не менее они сохраняют надежду на возвращение к власти в Сербии социалистов, после чего ее можно будет вновь рассматривать как братскую православную страну. Панслависты также с большим пиететом относились (и относятся до сих пор) к Республике Сербской и ее лидеру Радовану Караджичу.

Белоруссия – еще одна страна, крайне важная для идеологии панславизма. Это единственное государство, где панславизм является элементом государственной идеологии. Одним из центров белорусского панславизма является журнал «Беларуская думка» («Белорусская мысль»), который издается администрацией президента РБ. Содержание и внешний вид журнала напоминают оппозиционные издания в России (журналы «Москва» и «Наш современник»). В апреле 2004 г. Международный союз славянских журналистов наградил главного редактора «Беларуской думки» Владимира Величко почетной грамотой и медалью «России верные сыны». «С первых дней своего существования журнал “Беларуская думка” верен идее панславизма, то есть сплочения единокровных братьев-славян», – писалось по этому поводу в редакционной статье¹². Вообще такие термины, как «восточнославянская цивилизация», «восточнославянский мир» – часто употребляются на страницах журнала.

Мысль о том, что Александр Лукашенко является неформальным лидером славянского движения и должен стать лидером единого славянского государства, является общепринятой среди панславистов. А.Г. Лукашенко – бессменный Почетный председатель Международного славянского комитета.

Международное панславистское движение не является особенно мощным. Тем не менее во всех славянских государствах есть панславистские лобби. На Всеславянском съезде в Праге (июнь 1998 г.) присутствовали делегаты от 11 славянских стран (Белоруссии, Болгарии, Македонии, Польши, России, Словакии, Словении, Украины, Хорватии, Чехии, Югославии, представители лужицких сербов и русинов). Проводится довольно много общеславянских культурных мероприятий, в том числе с панславистской подоплекой, например Международный кинофорум «Золотой витязь», проходящий под девизом «За нравственные, христианские идеалы. За возвышение души человека».

Основным панславистским форумом являются всеславянские съезды, которые проводятся раз в четыре года. Считается, что первый такой съезд был проведен в Праге в 1848 г. Затем состоялись второй и третий съезды, соответственно в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.), после чего традиция надолго прервалась. Она была возобновлена только в 1946 г., когда в Белграде состоялся славянский конгресс, который современные панслависты считают четвертым всеславянским съездом. Под пятым съездом подразумевают внеочередной съезд Всеславянского собора (Москва, 1992 г.), а под шестым – Всемирный конгресс славян (Минск, 1997 г.). С 1998 г. всеславянские съезды проводятся Международным славянским комитетом (объединяет славянские комитеты различных государств) регулярно (1998 г. – Прага, 2001 г. – Москва, 2005 г. – Минск, съезд 2010 г. запланирован в Киеве).

Большинство внероссийских сторонников панславистской идеи – социалисты, сожалеющие о распаде мировой социалистической системы. Они также являются противниками присоединения своих стран к НАТО и Европейскому союзу. Например, председатель польского организационного комитета «Всеславянский съезд – 98» Болеслав Тейковский говорил на славянском съезде в Праге, что Польше «нельзя подвергнуться интеграции с Евросоюзом и НАТО, что разобьет нас со славянщиной и противопоставит славянским странам»¹³. Чешский панславист, профессор Бржетислав Хвала, председатель съезда, охарактеризовал установление просоветских режимов в Восточной Европе как «закономерный подъем славянских сил во главе с Советским Союзом», стремящихся к установлению народно-демократического строя

и построению фундаментального социализма¹⁴. Несомненно, восточноевропейские панслависты представляют определенные группы населения внутри своих государств. Какими бы немногочисленными эти группы ни были, их не стоит сбрасывать со счета, а на волне ностальгических настроений они могут расширить свою популярность.

Выступая 27 марта 2003 г. на семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов Республики Беларусь, Александр Лукашенко, в частности, отметил, что Россия перестала быть центром восточнославянской цивилизации (он также обозначал ее как восточноевразийскую и восточноевропейскую). Поэтому, заключил президент РБ, духовным лидером этой цивилизации стала Белоруссия. «Беларусь должна притягивать силы патриотической направленности со всего нашего Отечества, постсоветского пространства. Именно здесь люди должны получить трибуну, свободную от неолиберального террора и травли», – отметил президент РБ¹⁵. В качестве такой трибуны, в частности, использовался 9-й Всеславянский съезд, проходивший в Минске 1–3 июля 2005 г. Если предыдущие съезды (в Праге и Москве) проходили чуть ли не в подпольных условиях (и без всякой поддержки правительств указанных государств), то минский съезд проводился как официальное мероприятие, спонсируемое Администрацией президента РБ.

Учитывая, что международные славянские движения относятся к России с большим пиететом, не совсем понятно, почему этот ресурс совершенно не используется для продвижения интересов России в мире и для улучшения ее международного образа. Интеграционные славянские мероприятия полностью отданы «на откуп» оппозиционным организациям. Например, на 9-м съезде в Минске отсутствовали официальные наблюдатели от России, зато присутствовали представители оппозиции (КПРФ, «Родины», Союза офицеров и др.). При этом все участники съезда называли Россию исключительно Великой Россией, – что, разумеется, не только отражало стремление отличить ее от «Малой» и «Белой» России, но и выдавало почтительное отношение к нашей стране. Более того, большинство выступавших с большой симпатией говорили о нынешнем руководстве России, в частности о ее президенте. Таким образом, сильные связи международных славянских организаций с внутрироссийской оппозицией не являются, на наш взгляд, препятствием для их использования при реализации некоторых внешнеполитических интересов России. Необходимо упомянуть, что современное панславистское движение достигло финансовой самостоятельности и в нем участвует много обеспеченных людей.

Поддержка, которая требуется от России, носит в большей степени моральный, чем материальный, характер.

Российские СМИ могли бы широко распространять информацию о славянском движении, снабжать местные славянские организации литературой, возможно, возобновить радиовещание на славянских языках. В панславистских мероприятиях обязательно участие наблюдателей от МИД и других заинтересованных структур.

Впрочем, следует отметить, что славянские движения во многом сами несут ответственность за сложившуюся ситуацию. Их мероприятия являются закрытыми, участники движения не готовы к диалогу с теми, кто не разделяет их позиций (не говоря уже о диалоге с сознательными противниками). Свои публикации славянские организации распространяют на местных языках, не переводя их даже на русский, не говоря уже об английском или немецком языках. Создается впечатление, что международное славянское движение превратилось в закрытую субкультуру, члены которой чувствуют себя вполне комфортно, так как не общаются ни с кем, кроме единомышленников. Однако достигнув личного психологического комфорта, они рискуют оказаться все дальше и дальше от намеченной цели – славянского единства.

Примечания

- 1 Смирнов К.А., Катаева О.В. Исторический вызов славянскому сообществу. М., 2000. С. 123.
- 2 Нарочницкая Н. Борьба за поствизантийское пространство // Наш современник. 1997. № 4. С. 232.
- 3 См.: Болотнова Л. Паломничество в Прагу (К мощам святой Людмилы) // Мир Божий. 1999. № 2. С. 41.
- 4 См.: Троицкий Е.С. Концепция русско-славянской цивилизации. Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности / Сост. Е. Троицкий. М., 1998. С. 254.
- 5 Цит. по: Троицкий Е.С. Указ. соч. С. 66.
- 6 Исаков Б.И. Супер-этнос на перепутье [Электронный ресурс] // Сайт «Евгений Степанов, литератор». [М., 2009]. URL: <http://stepanov-plus.ru/literator/interviews/iskakov.htm> (дата обращения: 19.01.2009).
- 7 Костян С.Н. Боль моя – Югославия! Мозырь, 2000. С. 42.
- 8 Смирнов К.А., Катаева О.В. Указ. соч. С. 4.
- 9 Там же. С. 82.
- 10 Там же. С. 691.

Международные славянские движения и интересы России

- 11 «Их отец – диавол». Из телепередачи «Русский дом» 25 марта 1999 г. // Русский дом. 1999. № 5. С. 2–3.
- 12 Беларуская думка. 2004. № 4. С. 7.
- 13 См.: *Троцкий Е.С.* Указ. соч. С. 252.
- 14 Там же. С. 242.
- 15 О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Мн.: Академия управления при Президенте РБ, 2003. С. 21.

М.А. Елфимов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. РОУЛСА

Данная статья посвящена исследованию международного аспекта «Теории справедливости» Джона Роулса – одной из самых значительных концепций в американской политической философии XX в.

Ключевые слова: теория справедливости, вуаль неведения, справедливость как честность, общественный договор, вполне упорядоченное общество, толерантность.

Поступив в 2003 г. в РГГУ, я окунулся в мир дипломатических познаний, поскольку выбранным мною научным направлением стала специальность «Международные отношения». С первого взгляда суть данной науки предельно ясна – изучение истории международных отношений, знакомство с профессиональной терминологией, методиками ведения переговоров. Но вместе с тем еще задолго до поступления в вуз меня волновал насущный вопрос, касающийся справедливого общества: возможно ли обустроить этот мир так, чтобы не было агрессии, конфликтов и недопонимания? Юношеское сознание не хотело смириться с жестокой реальностью; в голове постоянно возникали невнятные и ничем не обоснованные концепции справедливого мирового сообщества.

Так вот, приступив к изучению международных отношений, я пришел к двум весьма противоречивым выводам: первый – справедливый мир невозможен на практике; и второй – во все времена человечество создавало, создает и будет создавать концепции справедливого мира, пытаясь так или иначе воплотить их в жизнь, пусть и без особых успехов. Может быть, оба этих положения звучат довольно инфантильно, но все же возникло серьезное стремление рассмотреть идеи справедливых концепций, сопоставив их

© Елфимов М.А., 2010

между собой; я решил приступить к более подробному изучению темы. Если первый год обучения стал для наших студентов определенного рода интродукцией, то второй год мы посвятили изучению таких классических трудов, как «Утопия» Томаса Мора, «Государь» Николо Макиавелли, «О праве войны и мира» Гуго Гроция.

Все эти работы вызвали у меня неподдельный интерес: с одной стороны, очевидно, что все вышеперечисленные авторы грезят об идеальном мире, создают свои выдуманные миры. Но, с другой стороны, они так подробно и четко расписывают каждое положение своих концепций, что после прочтения начинаешь осознавать некую целесообразность вышеуказанных теорий.

Чуть позже я познакомился с трудом гораздо более фундаментальным и сложным, пусть и не столь популярным в нашей стране. Я веду речь о книге «Теория справедливости» Джона Роулса, которая впервые попала ко мне в руки несколько лет назад. Впечатления от прочитанной мною концепции оказались примерно такие же, как после прочтения указанных выше классических средневековых работ. Однако впечатления оказались гораздо более глубокими и неоднозначными по целому ряду причин. Во-первых, концепция Дж. Роулса основана на историческом опыте – автором были рассмотрены ошибки и неудачи предшествующих поколений, тогда как ни Томас Мор, ни Николо Макиавелли не руководствовались практическими примерами. Во-вторых, критики Роберт Нозик и Рональд Дворкин сумели пролить свет на те аспекты концепции, которые не лежат на поверхности. Рассмотрев теорию справедливости через призму взглядов Дворкина и Нозика, приходит иное восприятие системы Роулса – более противоречивое. То есть ты четче осознаешь несостоятельность концепции. Но при этом появляется возможность увидеть наиболее сильные стороны, которые Нозик и Дворкин заимствуют у теории справедливости при создании собственных концептуальных систем.

Впрочем, мы с вами еще долго можем рассуждать на тему концепции Роулса, описывая лишь впечатления. Дело в том, что в отечественной политической философии теория справедливости по сей день остается малоизученной. Конечно, исследования Т. Алексеевой полностью компенсировали фактическое отсутствие русскоязычных материалов на тему концепции Роулса. Но тем не менее в нашей стране теория справедливости пока не сумела добиться того же признания и той же популярности, какой она добилась на Западе в последние тридцать с лишним лет. Поэтому, мне кажется, было бы весьма рационально окунуться в недалекое прошлое и проследить за тем, как создавалась выдающаяся концепция...

Итак, 1945 г.: закончилась разрушительная Вторая мировая война, трансформировавшая сознание международного сообщества по всем возможным аспектам – от политических до социальных. Мир начал стремительно меняться, усложнять системы международного взаимодействия, развивать научные и технические отрасли, изобретать новые виды оружия и транспорта. К концу XX в. международная система претерпела множество изменений. Человечество успело оказаться на грани ядерной войны, прошло через противостояние двух могучих держав – СССР и США, которое в любой момент могло перерасти в крупный вооруженный конфликт, пережило распад биполярной системы и радикальную перемену расстановки сил на политической карте. В столь переменчивых условиях многие маститые политологи создавали свои труды – это и Френсис Фукуяма с книгой «Конец истории?», это и Сэмюэл Хантингтон, описавший «Столкновение цивилизаций», и многие другие. Но все эти работы увидели свет лишь в конце биполярного противостояния, да и посвящены они были в основном восхвалению Соединенных Штатов.

Настоящую революцию в американской послевоенной политической философии совершил выпускник Принстонского университета, основоположник либерально-государственной концепции внутреннего и международного права Джон Роулс, пробудивший научное сообщество ото сна, опубликовав в 1971 г. свой фундаментальный труд «Теория справедливости». Всевозможная критика мгновенно обрушилась на концепцию Роулса – Роберт Нозик сравнил идею «глобальной справедливости» с «современной разновидностью рабства», Рональд Дворкин констатировал недееспособность теории, а представители коммунитаризма назвали «индивидуалистский» подход беспомощным.

Разумеется, работа Джона Роулса небезупречна – в ней немало спорных, порой слабых и нереалистичных моментов, более того, «концепция справедливости» местами пересекается с «Утопией» Томаса Мора. Но описать возможность создания справедливого мира в условиях нарастающей напряженности было однозначно новаторским ходом со стороны Роулса. Автор не ставил перед собой цель разоблачить враждебный социалистический строй, не выискивал превосходства американской политики перед советской политикой.

Впрочем, обсуждения и критику мы оставим на потом, а сейчас наконец-то перейдем к рассмотрению «Теории справедливости» Джона Роулса.

В своей книге Роулс воскрешает кантовское понятие общественного договора, согласно которому справедливость является

естественным правом каждого индивидуума независимо от того, каковы его желания и интересы. Суждения о справедливом и несправедливом, сформулированные Джоном Роулсом, основываются в значительной степени на интуиции, поэтому предполагается, что их будут делать люди разумные, образованные и беспристрастные. Предпосылкой формирования чувства справедливости и соответствующих индивидов является здоровое, разумно устроенное общество (*well-ordered society*). Разумеется, общество должно быть подготовлено к переменам подобного рода заранее. Не последнюю роль в этом должна, по мнению Роулса, сыграть система образования. С ранних лет в сознание человека должны закладываться представления о его положении в социуме и о справедливости, что неудивительно, ведь справедливость, по мнению Роулса, является первой добродетелью общественных институтов, точно так же, как истина – первой добродетелью систем мысли. Члены демократического общества имеют, по крайней мере в форме интуиции, рациональные жизненные планы, с учетом которых они формируют свои наиболее важные цели и распределяют разнообразные ресурсы (включая интеллектуальные и физические), чтобы на протяжении всей жизни добиваться того, что они считают для себя благом если не самым рациональным, то хотя бы разумным (или удовлетворительным): «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других¹».

Ключевыми для понимания общественного договора, считает Роулс, являются две идеи. Речь идет об «исходной позиции» и «вуали неведения». Роулс пишет: «В справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора». Исходная позиция, по замыслу Роулса, создает ситуацию выбора, которая обеспечивает свободу и равенство для каждого из его участников. В определенном смысле исходную позицию можно истолковать опять-таки как гипотетический процесс заключения «сделки» между гражданами, членами сообщества, в котором каждый человек, действуя рационально и преследуя собственный интерес, стремится к самому выгодному для себя результату. Если бы в этой ситуации люди точно знали, как именно распределены между ними такие «случайные с моральной точки зрения» атрибуты, как социальное положение и природные таланты, то достигнутое соглашение отражало бы сложившееся неравенство и оказывалось бы более выгодным для тех, на чью долю уже выпала удача. Справедливость же

требует, чтобы сделка была заключена на честных условиях. Предпочтительно, чтобы каждый, кто в исходной позиции выбирает принципы справедливого социального устройства, очутился как бы за «вуалью неведения» в отношении и себя самого, и общества, в котором он живет.

«Одна из существенных особенностей этой ситуации в том, что никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, или социального статуса, а также того, что предназначено ему при распределении природных дарований, умственных способностей, силы и т. д. Я даже предположу, что стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей. Принципы справедливости выбираются за вуалью неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств²».

За этим стоит то простое соображение, что человек, в точности не знающий, какое именно место он займет в обществе, постарается выбрать принципы, способные обеспечивать справедливые и благоприятные условия для каждого, а значит, и для него самого. «Вуаль неведения», согласно Роулсу, должна быть накинута и на представления людей о благе. Для того чтобы выбор был справедливым, люди должны не добиваться соглашения, которое было бы наиболее выгодным, с точки зрения их собственного представления о благе, а рационально следовать через призму «вуали неведения». Именно свобода решать, в чем состоит ценность жизни, и действовать в соответствии с этим собственным свободным решением, внося в него при необходимом изменении и исправления, имеет, по Роулсу, более кардинальное значение для определения принципов справедливости, чем сами конкретные представления людей о благе.

Общественный договор, таким образом, заменяется исходной ситуацией, включающей определенные процедурные ограничения в отношении аргументов, призванных привести к изначальному соглашению о принципах справедливости. Это также принципы справедливости, о которых свободные и рациональные люди, заинтересованные в защите собственных интересов, договорятся в исходной позиции равенства и которые определяют фундаментальные основы их сотрудничества. Равная свобода совести является единственным принципом, который могут признать люди, находящиеся в исходном положении. Они не могут рисковать своей свободой, позволяя доминирующей религии или моральной доктрине при желании преследовать и подавлять других.

На основании этих принципов заключаются и все последующие соглашения; они определяют тип их будущего социального

сотрудничества и формы правления. В итоге конвенциональная теория в рамках теории справедливости Д. Роулса выдает нам единую концепцию справедливости. Она, в свою очередь, устанавливает узы гражданского содружества индивидов, имеющих между собой несовместимые цели и задачи; общее стремление к справедливости ограничивает другие цели. Поэтому можно считать, что данная концепция справедливости создает своего рода устав, фундаментальный для организованной ассоциации людей.

Итак, мы рассмотрели основные аспекты работы Джона Роулса «Теория справедливости». Следует подчеркнуть, что анализ применения теории Роулса к сфере международных отношений сталкивается с определенными трудностями. Первая из этих трудностей связана с тем, что теория международных отношений как самостоятельная наука, находящаяся на стыке философии, права, политологии, социологии, психологии и т. д., на момент своего создания все еще находилась в фазе становления. Стоит отметить, что в сфере внешнеполитических знаний и международных отношениях четкие понятия еще не успели установиться в полной мере.

Роулсовские принципы применимы к «особому случаю проблемы справедливости». Они не относятся, утверждает Роулс в начале своей книги, «к справедливости с точки зрения международного права или отношений между государствами». Это связано с тем, что принципы справедливости основываются на морально значимых чертах социального сотрудничества. Поскольку государственные границы разрывают систему социального сотрудничества, то и отношения между людьми на территории разных стран не могут регулироваться в соответствии с принципами справедливости. Однако Роулс не отказывается от рассмотрения принципов международных отношений, впрочем, анализируя их уже после того, как фундаментальные принципы справедливости им сформулированы.

Роулс считает, что «границы» в системе сотрудничества, к которой применимы его принципы, «возникают вследствие положения о самостоятельном национальном обществе». Иными словами, если рассматривать современное мировое сообщество как открытую, взаимозависимую систему, мир в целом будет соответствовать идее социального сотрудничества, и аргументы в отношении двух принципов справедливости могут быть применены на глобальном уровне. Это будут предельно расширенные принципы справедливости, сформулированные в отношении общества внутри страны. Если же рассматривать общества как полностью самостоятельные и независимые друг от друга, т. е. если они не имеют никаких сношений с людьми, группами или другими обществами за пределами своих границ, то вопрос о международной справедливости вообще

не возникает. Роулс занимает по отношению к этим двум крайностям центристскую позицию. Он рассматривает современные государства как «более или менее самодостаточные», но не вполне «самодостаточные». По словам Т. Алексеевой, «ему видится мир государств, взаимодействующих только в ограниченных пределах³». Возможно, они поддерживают дипломатические отношения, участвуют во Всемирном почтовом союзе, имеют между собой определенные культурные связи и т. д. Но это еще отнюдь не взаимозависимый мир. Торговля и экономические связи, что вытекает из положения о «самодостаточности», минимальны.

Ограниченность теории имеет своим следствием, утверждает Роулс, то, что внешнее поведение каждого отдельного общества находится под контролем его принципов справедливости и собственного права, предотвращая тем самым несправедливые войны и вмешательство в решение проблем прав человека за границей. Безопасность государства обеспечивается благодаря соглашению о регулирующих принципах в отношении внешнеполитического поведения других государств. Это создает минимальные предпосылки для мирного сосуществования.

Для того чтобы узаконить принципы межгосударственных отношений, Роулс дает новую интерпретацию «исходной позиции» как своего рода гипотетической международной конференции:

«Можно расширить интерпретацию исходной позиции и думать об участниках как представителях разных государств, которые совместно должны избрать фундаментальные принципы для урегулирования конфликтующих притязаний государств. Развивая далее концепцию исходной позиции, я полагаю, что эти представители лишены разнообразной информации. В то время как они знают, что представляют разные государства, живущие в нормальных человеческих условиях, им ничего не известно о конкретных условиях своего собственного общества <...> И вновь заключающие договор участники, в данном случае представители государств, допущены только к такому знанию, которое позволяет им сделать рациональный выбор ради защиты своих интересов, но не больше, дабы более удачливые среди них не смогли воспользоваться преимуществами своего особого положения. Такая исходная позиция является честной для государств; она сводит к нулю случайности и пристрастность исторической судьбы⁴».

Хотя Роулс и не определяет каких-то конкретных принципов для межгосударственных отношений, он предполагает, что и в этой сфере никаких сюрпризов ожидать не приходится, ибо все принципы хорошо известны, а именно: самоопределение, невмешательство во внутренние дела друг друга, законность самообороны,

соблюдение законов и обычаев войны и т. д. Иными словами, он формулирует классические принципы международного права. Они прямо вытекают из основополагающего принципа равенства государств, который обязательно одобряют представители «исходной позиции», заботясь прежде всего о защите и сохранении своих интересов в соответствующих обществах, а также в полном соответствии с индивидуальным принципом защиты человеческой жизни.

Как правило, при внимательном рассмотрении концепции Роулса возникает два важных вопроса. Что является неприемлемым с моральной точки зрения в современном международном порядке? Каким образом можно прийти к глобальному порядку, построенному на разделяемых ценностях? Рассмотрим обе эти проблемы.

Анализ этих вопросов чаще всего сводится к описанию идеальной модели, где мир обеспечивается через определенный тип сосуществования, гарантирующий каждой из сторон участие в этой системе до тех пор, пока в нее входят другие: «Когда отношения между партиями концентрируются вокруг соглашений в соответствии с гоббсовской моделью – от наиболее узкого, недолговечного и временного двустороннего взаимопонимания до самого всеобъемлющего, сильного и продолжительного универсального согласия, – мы можем охарактеризовать их сосуществование как “модус вивенди”»⁵.

Участники данной системы преимущественно мотивированы своими собственными и самостоятельно определенными интересами и в этом смысле действуют с эгоистических позиций. В то же время каждый из них имеет свои собственные причины для поддержки разделяемой институциональной схемы – системы правил и соглашений, устоявшейся практики и процедур, учреждений и структур, аккумулирующих интересы других участников до той точки, в которой они понимают, что в их интересах продолжать участие. На поверхности, таким образом, «модус вивенди» выглядит как соглашение между множеством участников процесса, ограничивающее их конкурентное поведение определенным путем. Поскольку структура должна быть сконструирована таким образом, чтобы длительное участие каждой стороны было бы в ее собственных интересах, она должна удовлетворять условию «благоразумного равновесия», иными словами, должна быть такой, чтобы у каждого из участников были причины и основания для участия в ней.

Рассматривая международные отношения, Роулс задумывается над тем, как должны себя вести в сфере международных (именно международных, а не межгосударственных) отношений те обще-

ства, которые в своем внутреннем устройстве хотя бы в определенной мере добились того либерального идеала, который соответствует концепции справедливости, что уже обозначает, что «глобальная справедливость» не сможет быть распространена на весь мир. Снова нам предлагается мысленно перенести себя за «вуаль неведения», но на этот раз за этим занавесом толпятся уже целые народы. Роулсу кажется очевидным, что народы-законодатели будут остерегаться войны и прибегать к ней только в целях самообороны, уважать права человека, а также свободу и независимость других народов, но главное – создавать разного рода институции для взаимной поддержки. То есть народы либеральные имеют тенденцию объединяться в то, что Роулс называет «сообществом народов» и регулировать свои взаимоотношения «законом народов», положения которого, правда, разными членами сообщества могут толковаться по-разному. Во всем этом Роулс особых проблем не видит – гораздо больше его занимает то, как же такие идеально либеральные народы должны поступать с народами нелиберальными. Последние он разбивает на разные группы, среди которых есть «добропорядочные» (decent) и «обустроенные» (well-ordered) народы, а есть и неблагополучные, «государства-изгои» (данную систему Роулс использует и в начале своей книги по отношению к межличностным взаимодействиям внутри общества). Первые, сохраняя внутреннюю стабильность, нарушают минимальный стандарт прав человека и готовы вести войну просто потому, что это отвечает интересам режима. Выделение государств-изгоев отсылает нас к теории межгосударственного конфликта и справедливой войны, но одновременно является скрытым шагом в сторону перехода от идеи межгосударственной справедливости к идее справедливости космополитической (о чем речь пойдет несколько позднее). Выделение же обремененных обществ представляет собой шаг в сторону распространения полномасштабной домашней справедливости в международном контексте. Морально обязательная передача ресурсов в пользу другой нации оказывается необходимой, но лишь для того, чтобы довести «обремененные социумы» до уровня минимальных стандартов «добропорядочности».

Однако, во-первых, помощь ресурсами всегда является, по Дж. Роулсу, второстепенной задачей, поскольку главная цель доноров – заставить работать механизмы саморегуляции обремененных обществ: политическую культуру, политические добродетели, гражданское общество, честность и предприимчивость жителей, их новаторские способности и многое другое. Во-вторых, у международной помощи обремененным обществам в отличие от схем распределительной справедливости внутри либерального народа есть

определенная и достаточно скромная цель. Она состоит не в том, чтобы сделать народ-реципиент богатым или сократить разрыв в экономическом благосостоянии между народами. Обремененное общество просто должно превратиться в стабильное и обустроенное. После этого всякая помощь прекращается. Таким образом, мы вновь видим радикальное различие принципов справедливости внутри и вовне базисной структуры общества.

К «добропорядочным» обществам относится, например, придуманный Роулсом «Казанистан» – мусульманская страна, в которой представители других конфессий не допускаются к высшим постам государственного управления. При этом в Казанистане все остальные права религиозных меньшинств уважаются, их мнение и интересы учитываются в государственной политике; к тому же казанистанские правители не стремятся захватить новые территории. Данная система чем-то напоминает по своей структуре Османскую империю, однако автор считает, что либеральные народы могут и должны относиться терпимо к правам меньшинств: тех же, кто «права человека не уважает, надо различными (но не любыми) способами воспитывать»⁶.

В этой картине нетрудно уловить принципы, которыми, по крайней мере на словах, руководствовалась американская внешняя политика эпохи Клинтона. А та большая роль, которую Роулс в своих построениях отводит опыту Второй мировой войны, очевидно, основана на личном опыте и на историческом опыте США (бомбардировка Перл-Харбор и т. д.).

Тем не менее принципы «закона народов» имеют непосредственное отношение и к последним – тем, кто намерен с принципиальных позиций критиковать политику Соединенных Штатов, не вставая при этом в ряды «реалистов» (от которых внятного теоретического обоснования их точки зрения ждать не приходится), с формулировками Джона Роулса придется считаться. Единственная альтернатива, за неимением лучшего, – цинизм или апатия.

Итак, мы рассмотрели основные положения «теории справедливости» Джона Роулса в аспекте международных отношений. Американский политический философ проделал огромную работу, сопоставив труды Иммануила Канта, Гуго Гроция, Джона Локка, рассмотрев их через призму современной обстановки на международной арене. К сожалению, Роулс не сумел дать единой четкой формулировки, описывающей международную справедливость – этот аспект международных отношений весьма хаотично рассредоточен по всей книге автора.

Эта проблема была в значительной степени разрешена Т. Алексеевой в ее книге «Справедливость. Морально-политическая фило-

софия Джона Роулса». В данной работе международный аспект «теории справедливости» был рассмотрен отдельно от остальных концептуальных изысков американского политического философа. Даже если позиция Роулса в отношении международной обстановки может показаться не совсем ясной, то, суммируя исследования современных авторов, читатель может получить довольно ясную картину «международной справедливости».

Как говорилось ранее, Роулс попытался применить два основных принципа своей теории, «исходную позицию» и «вуаль неведения», в отношении глобальной международной политики. И если сторона социальных отношений проанализирована автором в весьма самобытном ключе и не лишена смысла (особенно это касается обсуждения образовательной системы), то анализ государственных отношений возвращает читателя во времена становления международного права. Безусловно, Роулс стремился описать наиболее благоприятную для мирового сообщества обстановку: ни одно из государств не вникает в дела соседей, у акторов международных отношений нет стремления конкурировать между собой и т. д.

То есть разделение мира по границам, согласно Роулсу, может сыграть весьма положительную роль в создании справедливого мира. Но сразу же возникает вопрос: каким образом выравнить сложившийся дисбаланс в экономических, социальных и культурных положениях государств? Здесь Роулс предполагает, что главным решением проблемы является повсеместное введение представлений о справедливости и основательное повышение уровня образования в более отсталых государствах. Но автор не берет в расчет, что ни сто, ни двести лет не смогут дать ни одному обществу столько опыта и знаний, сколько дадут тысячелетия, наполненные всевозможными историческими и культурными событиями, порой войнами и катаклизмами, которые также вносят свою лепту в формирование социума. Все равно мир никогда не станет однородным, а следовательно, тотального мира и согласия в мировом сообществе по тем или иным вопросам достигнуто не будет. И вроде бы для того, чтобы не вмешиваться в дела соседей и иметь минимум представлений о социальном положении отдельных стран, между государствами необходимо выстраивать железные занавесы... Но нет, и это противоречит концепции Роулса. Мир слишком неоднороден, а представления справедливости у людей слишком разные, поэтому достичь стабильности в понимании американского политического философа вряд ли когда-нибудь удастся.

Впрочем, глобальная концепция Роулса имеет ряд весомых достоинств. Так, например, автор сумел предсказать крах авторитарных систем задолго до их распада. Участие стран мирового

сообщества в постоянных международных саммитах также было упомянуто Роулсом. Причем подобные собрания должны были организовываться по территориальным и религиозным признакам. Подобные саммиты стали активно и регулярно проходить в конце XX в., спустя 20 лет после публикации «Теории справедливости». Роулс сумел предугадать укрепление понятия «толерантность». Пусть даже этот термин стал все более распространенным после Второй мировой войны, глобальный характер он смог приобрести опять же лишь к концу XX в., тогда как Роулс писал об этом еще в 1958 г. Не стоит забывать, что идея справедливости Джона Роулса была лишь теорией, попыткой автора изобразить идеальный мир, международное сообщество без войн и агрессии. И в качестве «теоретической инициативы» концепция Роулса может послужить эффективной моделью выстраивания «гуманистических» отношений между странами на международной арене XXI в.

Итак, наш краткий обзор «Теории справедливости» подошел к концу. И я в очередной раз сделал для себя следующий вывод: концепция Роулса применима не только к политической философии, но и к социологии, психологии, экономике, изучению культуры и т. д. Но, увы, у нас нет возможности уместить все аспекты «Теории справедливости», создававшейся Роулсом на протяжении десятилетий, в одну маленькую статью. В дальнейшем мы продолжим рассмотрение концепции справедливости в других отраслях политической науки.

Примечания

- 1 *Роулс Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Республика, 1995. С. 20.
- 2 Там же. С. 22.
- 3 *Алексеева Т.А.* Либерализм как политическая идеология. М.: Политея, 2000. С. 44.
- 4 *Роулс Дж.* Указ. соч. С. 30.
- 5 Там же. С. 32.
- 6 Там же. С. 62.

А.В. Веретевская

ЦЕННОСТНЫЙ МОНИЗМ ПРОТИВ ЦЕННОСТНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается эволюция двух типов мировоззрения, лежащих в основе политических взглядов современного западноевропейского общества: ценностного монизма (в основе которого лежит идея единого для всех одинакового блага и, соответственно, идея о единственно правильном образе жизни, связанном с достижением этого блага) и ценностного плюрализма (в соответствии с которым за благо каждое общество (и даже каждый человек) может принимать вещи разные, а значит, и образ жизни каждое общество и человек вправе выбирать произвольно). Автор стремится определить, какое из этих мировоззрений получило большее влияние на формирование западноевропейского менталитета.

Ключевые слова: ценностный монизм, плюрализм, терпимость, образ жизни, догматизм, западноевропейская философская традиция, менталитет.

То, что жизненные уклады различных обществ разнообразны, никогда и нигде не вызывало сомнения. Это объективный факт. Однако вопрос о том, насколько эти разнообразные уклады равноценны, продолжает порождать дискуссии. Участники их так или иначе делятся на тех, кто полагает, что существует некое одинаковое для всех без исключения людей благо (чаще всего объясняя это тем, что так называемая человеческая природа у всех людей одинакова), обладание которым приносит счастье, и тех, кто, наоборот, считает, что никакого подходящего для всех блага не существует, а есть великое множество благ, ценность которых определяется стремлением к достижению их различными людьми. Первым их убеждение дает возможность анализировать различные общества, например по степени развитости, располагая их на единой шкале, в начале которой располагаются общества, «не имеющие блага», а в конце – «обладающие благом в максимальном объеме».

© Веретевская А.В., 2010

Они лишь иногда спорят о том, что именно следует считать таким благом (демократию? свободу? равенство? справедливость? всеобщее равноценное благоденствие?), а также о том, в каком объеме и для кого это благо достижимо. Вторым же, не желающим принимать идею единого блага, их убеждение дает право объявлять подобного рода шкалы «упрощающими и даже искажающими действительность» и рассуждать о том, насколько полезным было бы принять объективную, с их точки зрения, действительность, а именно то, что для разных людей максимальной ценностью могут обладать совершенно разные, иногда взаимоисключающие вещи.

В своей книге «Переосмысливая мультикультурализм» британский политический философ Бхикху Парекх¹ называет первых ценностными монистами, склонными думать, что раз благо едино для всех, то и образ жизни у всех должен быть одинаковым – максимально способствующим преумножению блага; ко вторым он, соответственно, обращается как к ценностным плюралистам, придерживающимся обратного утверждения: каждый индивидуум благом считает что-то свое, и образ жизни поэтому у всех разный. В своей книге Парекх рассматривает становление этих двух типов мировоззрения в западной политико-философской традиции. Анализируя работы выдающихся представителей того и другого «лагеря», Парекх пытается осмыслить, как на протяжении веков формировались две эти точки зрения, каждая из которых в свое время определяла (и продолжает определять) значительные политические события не только в Европе, но и далеко за ее пределами.

Мы в своей работе, используя ряд методологических принципов и некоторые данные эмпирической базы английского профессора (в чем-то соглашаясь, а в чем-то и полемизируя с ним), попытаемся определить, какая из этих тенденций – монистическая или плюралистическая – все же одерживает верх в мировоззрении европейцев.

Древнегреческие философы

Впервые идеи о том, что есть единственно благостный, а значит, и единственно правильный образ жизни на европейском субконтиненте, сформулировали древнегреческие мыслители. Многие греческие мыслители полагали, что эталоном следует считать образ жизни гражданина греческого города-государства (полиса). Представление о том, что только греки живут именно так, как должны жить наиболее развитые представители человечества, было широко распространено в Древней Греции. Этой точки зрения придерживались и такие классики политической философии (и философии вообще), как Платон и Аристотель.

Платон полагал, что у каждого вида на земле своя собственная природа, в основе которой всегда лежит некая «идея». Правильная реализация этой идеи (т. е. четкое следование своей природе) обеспечивает совершенство мира (космоса). В зависимости от того, насколько в природе того или иного вида заложена идея блага, виды занимают более или менее достойное место в общей иерархии.

Человек, по Платону, также обладает определенной природой, в соответствии с которой и должен действовать. Обычаи у разных государств могут быть разными, но природа человеческая одна. Платон считал, что состоит человеческая природа из трех элементов: разума, души и желаний (устремлений). Разум, роднящий человека с божеством (высшим разумом), дает ему возможность получить истинное знание о мире, душа является источником психологической энергии и эмоций (таких, как злость, гордость, амбиция), желания отвечают за реализацию физиологических потребностей. Разум Платон считал наивысшим элементом человеческой природы. Именно жизнь, посвященную упражнениям разума, Платон считал оптимальной. Он признавал, что у разных людей разные элементы природы могут быть доминирующими, как и признавал, что даже у философа, в природе которого разум явно занимает доминирующее положение, все же есть потребности души и тела, и говорил, что природе своей необходимо следовать, какая она ни есть. Но все же путь разума (а не души или желаний) Платон находил наиболее желательным для человека.

Греки, как полагал Платон, добились на пути следования велениям разума больших успехов – больших, чем, скажем, египтяне или финикийцы, потому что греческие философы стремились умножать чистые теоретические (абстрактные) знания, в то время как египтяне и финикийцы использовали разум в основном для решения конкретных жизненных проблем. Платон признавал, что греки многое заимствовали у других народов, однако настаивал на том, что все приобретенное греками было усовершенствовано. Он считал, что умение греков пополнить теоретические знания, перенимая практические навыки других народов, демонстрирует греческое превосходство². Тот факт, что только в греческом обществе было возможно свободно теоретизировать на любые (в том числе политические) темы, в то время как в других обществах господствовала жесткая тирания и деспотизм, Платон также считал свидетельством греческого превосходства. Это превосходство оправдывало в глазах Платона войны греков против негреческих государств, потому как господство высших над низшими Платон считал правильным (войну греков друг с другом, а тем более захват друг друга в рабство Платон не одобрял)³. В этом конкретном

вопросе с Платоном был солидарен его извечный философский оппонент Аристотель⁴.

Как и Платон, Аристотель полагал, что в основе каждого предмета или существа есть его природа (Аристотель предпочитал понятие «природа» платоновской «идее»). Человеческую природу Аристотель понимал по-своему (так, душе не уделялось в его трактовке особенного значения, а желания-устремления были менее хаотичными), однако, как и Платон, Аристотель предполагал, что разум – высшее в человеке. И чем абстрактнее размышления, тем ближе они к божественному и тем счастливее человек. Он писал о том, что идеальным образом жизни было бы созерцание (постоянное размышление о божественном), впрочем, упоминая о необходимости активно участвовать в политической жизни⁵. Если созерцание для Аристотеля – высший человеческий удел, то практическая деятельность – низший. И так как к созерцанию способным обыкновенно бывает очень небольшое число граждан, Аристотель считал, что жизнь необходимо организовать так, чтобы все роды занятий составили здоровую взаимовыгодную иерархию. Сделать это он полагал возможным при помощи одного из «правильных» режимов управления (в греческом, естественно, обществе).

Христианский монизм

Западноевропейские христианские теологи, так же как и их «языческие» предтечи, были склонны рассматривать свой мир как единственно правильный (то же верно и в отношении точки зрения на этот мир). Отцы церкви не отрицали многообразия. Бог ведь мог создать все на свете одинаковым, но решил не делать этого, значит, разнообразие представлялось ему важным⁶.

Так, Фома Аквинский считал, например, что хотя ангел – большее благо для мира, чем камень, это совсем не означает, что два ангела – лучше ангела и камня, потому что Богу угодно было сделать мир разнообразным, а нет ничего более совершенного, чем помыслы Его⁷. Однако, если природное разнообразие вообще считалось благом, о разнообразии в образах жизни одного вида (людей) Аквинат был совершенно иного мнения. С его точки зрения (напоминающей в этом Платона и Аристотеля), у каждого существа есть свое предназначение (идея? природа?), свой смысл жизни. Смысл жизни такого существа: как человек стремится к божественному совершенству. И это верно для всех людей. Понятно, что единственным образом жизни, позволяющим совершенствоваться, для Фомы Аквинского был христианский образ жизни.

От античного ценностного монизма христианский отличался следующим: греки пытались обосновать свое видение, прибегая к философии, христианские же мыслители предлагали просто поверить. Второе отличие заключалось в том, что Платону, как и Аристотелю, не было дела до того, как живет негреческое общество (они знали, что живет оно неправильно, но не волновались о нем, не задумывались о том, что это можно было бы изменить), христиане же должны были делиться благой вестью со всеми, приобщать всех к пути спасения. Итак, христианский ценностный монизм заключал в себе новую идею – идею универсальности ценностей (в том ее смысле, что ценности в принципе достижимы для всех людей, а не только для определенной, более развитой по рождению группы (своих соплеменников), как это было у древних греков), религиозную нетерпимость и миссионерство.

В центре всей жизни христианина была его религия. Только она одна могла дать ему правильные ценностные ориентиры. Поэтому христианские мыслители со всем прилежанием стремились обеспечить ее единство и однозначность (ведь у человека одно предназначение, один способ совершенствования, а значит, он должен быть понятен, а не иметь массу трактовок), защитить от разных трактовок и от влияния других религий. Христианство всегда, во всех своих проявлениях в большей или меньшей степени стремилось к догматизму, пытаясь, однако, сохранить жизнеспособность, поэтому все-таки эволюционируя в некоторых аспектах. Святой Августин, например, не жалел времени на борьбу с «ересью»: с донатизмом, пелагианизмом и арианизмом. Очень много сил он положил на то, чтобы заложить прочный теологический фундамент того, что он считал истинной христианской верой. Нехристианский образ жизни для Августина был лишен смысла. По его мнению, падение Рима, например, было связано с тем, что там не было истинной веры. То, что считалось там ценностью – почести, власть и слава, способствовало не сплочению, а распаду общества. Только христианское общество имело достаточные моральные основания (т. е. достаточно правильные ценности) для долголетнего истинного процветания. К родственной христианству религии – иудаизму – Августин (как и Фома Аквинский, кстати) относился как к предтече христианства, а евреев считал заблуждающимися. Связь между двумя религиями (по мнению Августина, конечно, и близко не равнозначными) все-таки существовала, поэтому евреев следовало «терпеть», но так как они «упорствовали в своем заблуждении», делать их равноправными членами общества Августин не рекомендовал.

Конечно, точки зрения христианских мыслителей по поводу некоторых проблем могли сильно различаться, но их все же объединяла безоговорочная вера в то, что христианство – единственная истинная религия, католическая церковь (на Западе Европы) – единственно истинная, а вера, отправляемая ею, единственный путь к спасению, стремление к спасению, в свою очередь, – единственный смысл жизни человека. Неудивительно, что реформаторам, таким как Лютер и Кальвин, пожелавшим представить иные интерпретации христианского учения, пришлось делать это уже за пределами католичества. Интересно, что, представляя свои «новые интерпретации», каждый из них также претендовал на единственную истину. Многие изменив в политической сфере, в отношении терпимости протестанты не изменили ничего. Протестантизм, как и католичество, учит единственно правильному христианскому образу жизни, только теперь – протестантскому.

Понятно, что, говоря здесь о христианских мыслителях, мы имеем в виду не современных представителей христианской мысли. Современные христианские философы, сохраняя во многом приверженность этим традициям, научились все-таки терпимо относиться к иным религиям (а с ними и образам жизни). Сегодня работает великое множество интерконфессиональных организаций, таких как объединение церквей. Однако о широкой «веротерпимости» христианства говорить рано даже сегодня.

Классический либеральный монизм

Своим появлением либеральная мысль обязана большому количеству разнообразных факторов. Три из них, однако, обратили на себя гораздо меньше внимания политических философов, чем того заслуживают. Речь идет о христианстве, колониализме и государстве-нации.

Учитывая, что формировались либеральные идеи в преимущественно христианской среде, было бы странно, если бы христианство не оказало на них значительного влияния. Некоторые из ранних приверженцев либерализма, такие как Локк, Монтескье и Токвилль, полагали даже, что только христианская религия могла создать достаточное моральное основание для либерализма, ценностями которого стали такие понятия, как человеческое достоинство, свобода и равенство.

Другие, такие как Бентам и Милль, считали либерализм чем-то вроде светского суррогата христианства, отрицая прямую «родственную» связь либерализма с христианством, но признавая цен-

ностную схожесть. Интересно, что вне зависимости от того, какой из этих двух позиций придерживался тот или иной либерал, все они так или иначе пользовались христианской риторикой, а зачастую и богословскими категориями, описывая свои взгляды на либерализм и тех, кто эти взгляды не разделяет. Человеческая история в либеральной трактовке – это постоянная борьба добра и зла, вечное противостояние свободы, индивидуальности и рациональности, с одной стороны, и деспотизма, коллективизма, слепого следования обычаям и социального конформизма – с другой. Как христианские мыслители полагали, что дохристианская Европа прозябала в «темных веках», так и либеральные мыслители считали долиберальный период «темным». То есть либералы представляли собой свет, все же остальные жили во тьме.

На формирование либерализма во многом повлиял европейский колониализм. И повлиял весьма специфическим образом. Будущим классикам либерализма, таким как Локк и Милль, необходимо было сформулировать свою позицию в отношении активно развивавшейся тогда колонизации дальних земель. Встав на уже испытанную христианскими миссионерами платформу цивилизационного превосходства, либералы практически объявили колониализм просвещенческой миссией. Локк, в частности, считал, что раз у колонизируемых племен не было государства в либеральном понимании (а национальное государство для либералов – оптимальная организация общества, стремящегося защитить такие фундаментальные либеральные ценности, как торжество закона, равенство граждан, принцип индивидуализма и участие граждан в политике), то и говорить об уважении целостности их владений не имеет смысла. Они даже землю свою не огораживают, писал Локк, поэтому земля в колониях до приезда туда европейцев была ничьей. Учитывая, что колонисты привнесли в колонии более высокую цивилизацию, Локк считал колонизацию законным мероприятием и даже морально обоснованным⁸. Либералы, как это видно на примере Локка, довольно легко определяли место того или иного общества на шкале либеральности (что для них было синонимом развитости) и в отношении «низших» обществ оправдывали то, что считали недопустимым у себя дома.

Так, у себя дома Локк придерживался того мнения, что все люди, раз они все имеют разум, равны от природы. Равенство это подразумевало, что все люди имеют одинаковые права и равнозначно важное человеческое достоинство. Использование насилия в отношениях между людьми Локк осуждал, считая того, кто прибегает к нему, дикарем. Только ту власть Локк считал легитимной, которая основана на добровольном согласии всех граждан.

В отношении того, какого образа жизни нужно придерживаться, у Локка не было особенных сомнений. Рациональное общество (а рациональное общество так или иначе всегда придет к либерализму) имеет институт частной собственности и поощряет накопление собственниками богатства. Почему именно это рационально, Локк не объясняет. Рациональное общество, по его мнению, непременно организуется в государство с явно очерченной территориальной границей, централизованной властью, наделенной обществом действовать от его имени⁹. Локк универсализировал европейское (точнее сказать, английское) государство и приговорил все другие типы политической организации к «неразвитости» за несоответствие его «идеальной» модели¹⁰.

Джон Стюарт Милль, как и другие либералы до и после него, считал человека венцом творения¹¹. И смыслом жизни человека Милль полагал максимальное самосовершенствование. Целью жизни каждого человека должно быть стремление стать ее единственным и полным хозяином. Милль считал очень важным понять и реализовать в жизни именно свою природу, свои желания и устремления. «Тот, кто этого не делает, имеет столько же характера, сколько его есть у парового двигателя», – писал он¹².

В отличие от Локка Милль посвятил много места в своих сочинениях важности разнообразия. Он много писал о том, что разнообразие (природное, социальное и т. п.) полезно, потому что способствует развитию человека, стимулируя его воображение и любопытство и побуждая к творчеству. Милль даже считал, что своим столь прогрессивным развитием Европа обязана именно разнообразию характеров и культур населяющих ее людей (в отличие от монокультурного и поэтому отсталого Китая). В своих рассуждениях он зашел настолько далеко, что даже признал богатство и великое разнообразие типов человеческой природы. Однако и либерализм Милля имел ценностно-монистическую тенденцию.

Для Милля ценностью являлось только стремление к совершенству. Да, он признавал, что для каждого совершенство может быть своим собственным, но на том, чтобы все к этому совершенству стремились, Милль все же настаивал. Состояние совершенства он описывал как приобретенное умение человека полностью распоряжаться всеми своими силами, развитыми до максимума и объединенными в единое целое. Традиционные образы жизни, адепты которых не ставили себе таких амбициозных целей, а также образ жизни коллективистских неэгоистических обществ и образ жизни людей, в чьей культуре отсутствовали стимулы к постоянному самопознанию (неиндивидуализированные общества), оказались за чертой «цивилизованности», а значит, не требовали к себе

сколь-нибудь уважительного отношения. Милль, как и Локк, вполне оправдывал колонизацию. Он считал, что «отеческий» деспотизм со стороны более продвинутых по пути цивилизации европейцев подтолкнет колонизируемых к той точке общественного развития, из которой те смогут уже развиваться самостоятельно¹³. Милль считал необходимым гарантировать индивидуальные права местного населения в колониях, но в политических правах для их сообществ он отказывал, ссылаясь на их «недоразвитость» в политическом плане. Он считал, что местные жители должны подчиниться более цивилизованым европейцам.

И Милль, и Локк признавали, что местные жители в колониях такие же люди. Именно поэтому, считали оба эти мыслителя, они также должны стремиться к совершенству. Если же они этого не делают, другие имеют моральное право доминировать над ними и направлять их.

Традиция ценностного плюрализма

Вплоть до XVII в. представление о том, что может быть лишь один «правильный» образ жизни (пусть иногда и не достижимый пока для всех), в западноевропейской мысли оставалось безальтернативным. Одним из первых мыслителей, обративших внимание на то, что разным обществам свойственны совершенно разные представления о том, как жить «правильно», был Вико. Работы Вико датируются концом XVII – началом XVIII в. Вико писал о том, что благодаря разнице в климате и географическом расположении, особенностям истории и различиям в самоощущении разные общества организовывались вокруг абсолютно разных принципов. Выработанные этими обществами навыки, потребности и представления о благе разнятся. Вико считал, что каждое общество представляет собой особое культурное сообщество со свойственными только ему ценностями и идеалами. Гомер и Ахиллес, писал он, могли возникнуть только в Греции, и полностью понятны они могут быть только самим древним грекам. Отмечая значимость культурного разнообразия, Вико также обратил внимание на то, что, рассматривая те или иные общества, следует делать поправку на исторический контекст. Вико полагал, что человеческая природа не является чем-то неизменным, он считал, что на нее накладывает отпечаток историческая эпоха.

Идея о том, что культура общества и историческая его принадлежность оставляют отпечаток на человеческой природе, позволяет нам увидеть ростки ценностного плюрализма в концепциях Вико. В отличие от монистов, он верил, что человеческая природа

все-таки изменчива, и «правильная» жизнь не всегда и не для всех людей означает одно и то же (некоторые общества вследствие своей исторической отсталости могут иметь отсталые же представления о «правильной» жизни). Последовательным плюралистом Вико все-таки не был. Он считал, что все люди имеют общие моменты в своей природе: они испытывают одинаковые желания, у всех у них есть разум, воображение. Ментальный язык у всех людей, думал Вико, общий, поэтому пословицы одного народа, будучи переведенными, понятны представителям другого¹⁴.

Но, главное, он считал, что все без исключения общества проходят одни и те же этапы исторического развития. Сначала, как он писал, общество находится в так называемой «эре богов» (разум человека еще не развит и его сознание наполнено страхом перед непонятным ему миром, стихии которого он и обожествляет). Затем постепенно общество переходит в «эру героев» (главной добродетелью здесь служит доблесть, благодаря которой наиболее смелые, сильные и решительные начинают жестоко править другими). Наконец, наступает «эра человека» (общество функционирует по принципам разума)¹⁵. Последний этап Вико считал самым прогрессивным, впрочем, поправляясь, что только лишь разума для правильного функционирования развитого общества недостаточно, нужна еще религиозная вера, которая давала бы моральные ориентиры, не очевидные для разума сразу, но принимаемые им после некоторой работы. Вико не датирует исторические периоды, но, похоже, считает, что в Европе «эра человека» началась с расцветом Римской Республики. Несколько приближается к Европе по уровню развития Япония (она, по Вико, находится в фазе перехода от второго этапа к третьему), в Китае и Индии дела обстоят немного лучше, однако и там регрессивные религии и недоразвитие рациональности. Наиболее развитая религия, разумеется, христианство.

Интересно, что Вико оправдывал колонизацию и писал, что, если менее развитые народы не подчинятся добровольно, их следует завоевать¹⁶. Это утверждение вроде бы не очень хорошо сочетается с той нежностью, с которой он писал о великом разнообразии культур. С другой стороны, он только лишь обозначил, что это разнообразие есть и что оно имеет значение для человеческой природы. И это само по себе важно. До того времени, когда это разнообразие превратится в ценность, было еще далеко.

Двадцать три года спустя после публикации главной работы Вико «*Scienza Nuova*» (1744 г.), незадолго до «О духе законов», в печать вышли «Персидские письма» Монтескье. В отличие от итальянца Вико, француз Монтескье, казалось, очень интересовался

как раз неевропейскими обществами, в особенности тем, что касалось их социальных и политических институтов. Монтескье призывал изучать различные общества с позиции человека, желающего разобраться в них, понять именно их логику (а не найти в них свою). Его метод заключался в поиске логического объяснения для тех или иных практик без применения морального суждения (он полагал, что применять свою мораль к чужому, сформированному в ином природном и историческом контексте обществу неправильно, так как это заранее предполагает некую предвзятость). Монтескье считал, что любая социальная и политическая практика в любом обществе имеет два вида причин: физические (к ним он относил то, что не зависит от человека: размер государства, его географическое положение, тип ландшафта, качество почвы, количество ресурсов и, самое главное, климат) и психологические (те, что определяются деятельностью людей: форма правления, тип законодательства и религия)¹⁷. К примеру, он объяснял, что в теплых странах девушки быстрее созревают (быстрее, чем их мышление развивается), а также быстрее стареют, чем в странах с умеренным климатом, к тому же в теплом климате большую семью легко прокормить, поэтому там распространена полигамия¹⁸. «Я только лишь объясняю причины, не оправдывая этих обычаев», – писал он¹⁹. Впрочем, объяснения Монтескье нельзя назвать исчерпывающими. Так, например, в данном случае не вполне понятно, почему теплый климат способствовал раннему старению женщин, но не мужчин, почему полигамия не была распространена во всех теплых странах, а только лишь в некоторых и почему, кстати, полигамия, а не, скажем, механизм быстрого развода. Аналогичным образом Монтескье «объяснял» рабство: в теплых странах жара делает человека ленивым, поэтому заставить его работать может только грубая сила²⁰.

Для того чтобы иметь возможность глубоко анализировать различные общества, Монтескье понадобились некие универсальные инструменты для сравнения. Их он почерпнул из трех взаимосвязанных источников: знания о природе вещей, представления о законах человеческой природы и человеческий опыт²¹.

Исходя из своих знаний о природе вещей (т. е. о том, на чем строится мир), Монтескье определил, что повсеместно должны быть распространены следующие принципы: добро вызывает благодарность, насилие наказывается насилием, обещания должны исполняться. Исходя из своих представлений о законах человеческой природы, Монтескье решил, что повсеместно люди стремятся к самосохранению, к жизни в обществе и счастью, он также заметил, что все люди любят свою семью. Помимо этого замечено было,

что чувство защищенности имеет для всех людей большое значение. Монтескье определил также, что разум присущ всем людям, однако полностью победить желания он не в состоянии. Человеческий опыт Монтескье любил анализировать, пытаясь разобраться в том, какие именно причины обыкновенно вызывают те или иные практики. Нужно, однако, заметить, что использовал Монтескье эти инструменты довольно избирательно.

«Персидские письма» – наглядный пример реализации подхода Монтескье. По этому интереснейшему произведению можно вполне судить о его истинных взглядах на разнообразие. Монтескье действительно очень интересовался тем, почему и в чем социальные и политические практики различных обществ отличаются друг от друга. Его «Персидские письма» – одна из первых попыток в истории европейской мысли поставить себя на место неевропейца. Однако действительно непредвзятым произведение Монтескье назвать трудно, наоборот, оно показывает, насколько европоцентрично мировоззрение автора. Дело в том, что Европа во впечатлениях персидских гостей представлена как, может быть, немножко не понятная, но прекрасная земля, в то время как персидское общество производит впечатление какого-то порождения «порочного ума»²².

Провозгласив принцип непредвзятости, сам Монтескье не смог освободиться от убеждения в том, что именно европейские общества представляют собой максимум общественного развития. Ему нравились идеи свободы, витавшие в европейском воздухе, он гордился тем, что европейские умы создали в Европе (а особенно во Франции и Англии) благоприятнейшие условия для жизни человека. Почему-то при этом он отказывал в представлениях о свободе азиатским обществам, полагал, что всем неевропейским государствам свойственно деспотическое правление, а их населению – непонимание ничего, кроме инстинкта подчиняться и наказания. Такая позиция Монтескье не вполне понятна, потому что тогда уже было написано немало трудов по истории неевропейских государств людьми, которые там бывали и могли свидетельствовать об истинном положении вещей, которое в столь упрощенную картину, конечно, не складывалось.

В работах Монтескье все же есть пример действительно ценностно-плюралистического подхода к изучению двух обществ, речь идет о Франции и Англии. Зная хорошо оба предмета своего рассуждения, Монтескье заключил, что опыт этих двух стран в среднем равнозначен, и каждая могла бы выиграть от диалога культур. К неевропейским же обществам Монтескье никогда всерьез подобного рода концепции не применял. Ему нравилось шокировать

читателей «логическими оправданиями» морально невозможных в Европе экзотических практик, однако поверить в то, что наличие иной логики в неевропейском обществе может означать и наличие иного вполне легитимного представления о «правильной» жизни, Монтескье так, похоже, и не смог. Впрочем, как и проверить и сколь-нибудь обстоятельно доказать обратное.

Несколько дальше Монтескье и Вико в своих размышлениях по поводу разнообразия культур пошел немецкий философ Гердер. В отличие от Монтескье и Вико Гердер отвергал монистическую по своей сути идею о том, что различные культуры – это всего лишь различные побочные продукты одинаковой человеческой природы (в существовании одинаковой для всех сложной человеческой природы Гердер сомневался). Для Гердера человеческая природа представляла собой некую мягкую глину, первоначальный материал, которому различные культуры придавали великое множество форм²³. Культуры же, считал Гердер, являются продуктом по большей части бессознательной деятельности народов. Находясь под влиянием метафизики Лейбница, Гердер описывал культуры как монады, закрытые и не имеющие окон во внешний мир, способные защитить свой внутренний интровертный мир. Гердер был одним из первых, кто отвел культуре столь значимую роль, – у него она практически была краеугольным камнем общественного развития. Большое значение придавал Гердер вопросу языка: в отличие от Монтескье (который вопрос языка вовсе проигнорировал) и Вико (который упоминал о нем лишь вскользь), он считал, что язык – первейшее отражение культуры. «Народ говорит так, как думает и думает так, как говорит», – писал он²⁴.

Культура, по Гердеру, имела действительно очень большое, если не сказать решающее, значение в жизни людей. С его точки зрения, культура определяет почти все стороны жизни: как человек мыслит, как чувствует и что находит предосудительным, что он ест, что носит и к каким жестам прибегает, выражая эмоции, как он говорит и как ведет себя на публике, что приносит ему удовольствие и что расстраивает, его ценности, идеалы, мечты, кошмары, воображение, эстетические и моральные устремления. Культура, считал Гердер, проникает повсюду. Человек изо всех сил стремится сохранить ее, потому как иначе рискует оказаться в незнакомом и непонятном мире, жизнь в котором мучительна, потому что ничто не имеет в ней привычного для него места.

Люди разных культур, полагал Гердер, конечно, принадлежат к одному биологическому виду, и физические, эмоциональные и культурные потребности у всех примерно одинаковые. У всех людей есть разум и воображение. Все обладают умением создавать

и поддерживать культуру. Он даже делал попытки создать культурно-опосредованную концепцию человеческой природы, что ему, впрочем, не удалось.

Все культуры, по Гердеру, обладают одинаковой ценностью, потому что каждая из них удовлетворяет все потребности людей, к ней принадлежащих. Если какая-то культура менее развита, это не означает, что ее адепты чем-то хуже адептов более развитых культур, это только означает, что у них иные потребности.

Пытаться судить о людях другой культуры исходя из своих стандартов, считал Гердер, неверно, всегда нужно рассматривать их поступки с точки зрения тех стандартов, которые приняты у них.

Гердер осуждал античных римлян за попытки ассимилировать соседние народы, осуждал он и христиан-миссионеров, пытавшихся насильно обратить в христианство колонизированные народы. Колонизацию вообще Гердер осуждал не всегда. Иногда ему казалось, что, если не навязывать местному населению насильно своей культуры, плохого в колонизации ничего нет.

Концепция культуры Гердера действительно имеет очень сильные плюралистические основания, однако и в ней есть узкие моменты. Так, Гердер, признавая полезность культурного многообразия в мире и призывая сохранять его, был категорическим противником культурного разнообразия внутри сообщества. Он даже исключил немецких аристократов и интеллигенцию из понятия германского Volk: и те, и другие были слишком подвержены французскому влиянию. Ценности в диалоге культур Гердер не видел никакой (его культурные монады, как мы помним, не имели окон!). Вообще, интересоваться, с его точки зрения, другой культурой вредно.

Гердером заканчивается рассмотрение ценностного плюрализма у Парекха. Конечно, можно было бы проанализировать гораздо большее количество трудов и, наверное, в результате исследования тоньше удалось бы показать эволюцию как монизма, так и плюрализма, ближе подойти к современности. Но автор ставил перед собой цель только показать основные, наиболее яркие этапы этой эволюции, проследить, какова была «предыстория» актуальнейших на сегодняшний день дебатов о мультикультурализме. И, на наш взгляд, своей цели он вполне достиг.

Мы, в свою очередь, приблизились к ответу на вопрос, который задавали вначале: какая из тенденций – ценностно-монистическая или ценностно-плюралистическая – все же одерживает верх в мировоззрении европейцев? Если судить только по представленным работам, то создается впечатление, что «побеждает» все-таки монизм. Несмотря на весь интерес европейцев к «экзотическим»

обществам и «понимание» их непохожести, им все же сложно принять тот факт, что непохожесть эта – явление постоянное, сложно поверить, что где-то кто-то может хотеть жить не так, как они. У европейцев есть исторически сформировавшаяся убежденность в могуществе и даже превосходстве их цивилизации (в данном случае под цивилизацией мы понимаем комплекс культур европейских народов). Основой этой убежденности служит ценностно-монистическое суждение об успешности обществ-адептов: европейские общества достигли тех благ, которые ценятся в Европе в наибольшей степени среди всех других обществ. Отсюда логичным представляется, что все остальные должны эту наивысшую культуру с благодарностью перенять. Голоса же людей, говорящих о том, что, возможно, другие общества не достигли некоторых благ, потому что в их культурах эти блага не имеют такой ценности (или не имеют ценности вообще, или вовсе не считаются благами), а поэтому к их достижению и не стремились, звучат реже и гораздо менее уверенно. Европейцы могут абстрактно представить себе, что иной образ жизни возможен и вполне удовлетворяет человека, который так живет, но представить себе, что кто-то на практике может предпочесть уюту либерального английского клуба проживание в соломенной хижине, им все-таки очень и очень сложно. Из представленных авторов справиться с этой задачей не смог никто.

Примечания

- 1 *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. 2th ed. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
Бхикху Парекх родился в 1935 г. в Индии в семье ювелира. В 15 лет поступил в университет Бомбея и впоследствии сделал блестящую научную карьеру. Сегодня Парекх – профессор Лондонской школы экономики, президент Академии научных обществ, занимающихся социальными науками, с 2000 г. – член Британской палаты лордов. Профессор Парекх – автор многочисленных трудов по тематике мультикультурализма и проблемам идентичности.
- 2 *Halbfass W.* India and Europe: An Essay in Philosophical Understanding. Delhi: Motilal Banarsidass, 1990. P. 6 f.
- 3 *Tuck R.* Rights and Pluralism // Philosophy in the Age of Pluralism: The Philosophy of Charles Taylor in Question / Ed. by J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 53.
- 4 *Aristotle.* The Politics / Ed. by S. Emerson. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 12.

- 5 *Ross D.* Aristotle. London: Methuenen, 1965. P. 232–234; *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. L.: Duckworth, 1985. P. 137–153.
- 6 *Lovejoy A.* The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge: Harvard University Press. 1961. P. 64 f.
- 7 Ibid. P. 75 f.
- 8 *Tully J.* An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 151 f.
- 9 *Locke J.* Two Treatises of Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1963. Second Treatise, Para 108.
- 10 См. также: *Tully J.* Op. cit.
- 11 *Mil J.S.* Utilitarianism, Liberty, Representative Government. L.: Everyman's Library, 1964. P. 116 f.
- 12 Ibid. P. 118.
- 13 Ibid. P. 199, 224, 377–378, 382.
- 14 *Vico G.* The New Science of Giambattista Vico / Trs. T. Bergin and M. Fisch. Ithaca: Cornell University Press, 1984. Para 161.
- 15 Ibid. Para 927 f.
- 16 Ibid. Para 1105.
- 17 *Montesquieu C.* The Spirit of the Laws / Tr. T. Nugent. N. Y.: The Hafner Library of Classics, 1959. Vol. 1. P. 229.
- 18 Ibid. P. 251.
- 19 Ibid. P. 253.
- 20 Ibid. P. 240.
- 21 Ibid. P. 1–5.
- 22 *Shklar J.* Montesquieu. Oxford: Oxford University Press, 1978. P. 46.
- 23 *Herder J.G.* Herder on Social and Political Culture / Tr. and ed. F.M. Barnard. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 185–186.
- 24 Ibid. P. 132.

Abstracts

L.G. Abramov

THE CYPRIAN SETTLEMENT IN THE CONTEXT OF MODERN APPROACHES TO THE EUROPEAN SAFETY

Taking the example of the K. Annan “carefully balanced plan” – namely the “Basis for Agreement on a Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem” dated 26 February 2003 author presents the critical analysis of the interventionist model of conflict settlement process. In particular, speaks on the trend from unilateral approach to polycentric hierarchy of national interests composition in international relations.

On an example of succession of events for last decades in the Cyprian settlement, on the basis of the analysis of the reasons of unsuccessful experience “K. Annan’s plan” the author shows decisions of the international problems of the contradiction inherent in interventional model between power and international legal mechanisms of the permission of the international disputes. The special attention is given to the statement of hierarchy of interests within the limits of formed multipolar model of the world.

Keywords: the initiative about the Contract on the Euroatlantic safety, the Cyprian settlement, “Annan’s plan”, multipolar world arrangement.

A.Z. Arsenyan

LEGAL ASPECTS OF NATIONAL SECURITY

Contemporary political studies focus on such terms like “security”, “national security” and “state security”. There is a huge choice of definitions regarding these expressions. After a critical analysis, it becomes clear that the term “national security” is more inclusive than “state security”.

Keywords: “national security”, national interests, constitutional system, sovereignty and territorial inviolability, “state security”, “nation”.

V.V. Aleyoshin

SOME PECULIARITIES OF THE REAL LAW
IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

One of the essential legal institutes in International Private and Civil Law is the Real Law. The subject matter of the Real Law is that it settles the relation of the subject of the right to the object of the right.

The article deals with the norms regulating questions connected with occurrence, termination and change of the Real Law from movable property to the real estate according to the national law. Nowadays it became obvious that fact that only careful studying of norms of the national right will allow to answer a question on property reference to immovable or movable property.

Keywords: International Private Law, the Real Law, property law movable and real estate, a conflict principle, conflict bindings.

V.P. Anisimov

THE PROBLEMS OF THE CONTEMPORARY
INTERNATIONAL ECOLOGICAL LAW
AND THEIR SOLUTIONS

In this article author considers the basic problems arising in the course of formation of the modern International Ecological Law and their solutions by the co-operation of the world community.

Keywords: International Ecological Law, environment, United Nations Organization, ecology, conference, ecological safety.

L.A. Avetisyan

THE IMPORTANCE OF EFFECTIVE LEGAL
MEASURES FOR THE PROTECTION
OF INTERNATIONAL INVESTMENTS

This article is devoted to the problem of effective economic regulation that enables conditions for international investments. A crucial issue is an increasing necessity in a universal mechanism of investments regulation, because contemporary law often cannot provide adequate conditions for investors. This has a negative influence on the development of the investments. On the other hand, there are a lot of nonlegal challenges that affect the financial system. Are they important? Were they still important if there would be a universal mechanism, dealing with investment flows?

Keywords: international investment, investment activity, technology park, international delinquency, importers and exporters of capital.

A.Kh. Burganov
SOCIUM OF "INTERNAL PERFECTION"

The article deals with the Cooperation theory as a Unitary Theory of Socium. Implementation of this theory through the worldwide cooperation would enable peoples to create a new type of society that will be conflict-free and wealthy. This type of the society would reflect Einstein's idea of the natural internal perfection.

Keywords: shared property, national welfare, fundamental constants, property relations, cooperation, junction.

N.A. Efremova
THE RATIO OF AGREEMENTS
ON ECONOMIC INTEGRATION
AND THE DOMESTIC LAW OF STATE

This article is devoted to the problems of interaction of the International Economic Law ratified by international organizations and economic associations. A new phenomenon in the International Economic Law is process of giving validity to the norms established by the economic associations rather than international organizations.

Keywords: integration, contract, international organizations, International Law, state, EU, community, national legislation, MERCOSUR, economic safety.

M.A. Elfimov
INTERNATIONAL DIMENSION
OF JOHN RAWLS'S THEORY OF JUSTICE

This article is about the international aspect of John Rawls's "Theory of Justice" – one of the most important theories in political philosophy of the XX century.

Keywords: theory of Justice, veil of ignorance, justice as fairness, social contract, well-ordered society, tolerance.

V.I. Ivanov
HISTORY AND PROSPECTS
OF THE COMMONWEALTH
OF INDEPENDENT STATES

Author deals with the history and development of the Commonwealth of Independent States. In particular, speaks about the fundamental treaties and future prospects of the CIS.

Keywords: Commonwealth of Independent States, fundamental treaties, prospects of the CIS.

E.N. Ivanova
FORMATION OF THE PARLIAMENT IN RUSSIA
AND FOREIGN COUNTRIES

In this article author considers questions of formation of the Parliament in Russia and in some foreign countries. The article focuses on the peculiarities the Lower and Upper Houses formation.

Keywords: parliament, formation of the parliament, parliament chambers, electoral system.

T.G. Kandelaki
THE PRESENT GEORGIA

Contemporary mass-media on the one hand provides a huge choice in the media space, but on the other hand this choice is limited. Nowadays mass-media is one of the fundamental instruments of the public opinion and propaganda management. Speaking about propaganda on the territory of the former Soviet Union Republics one can't skip Georgia, where due to economic problems; citizens can only have one source of information – the national television, which is being controlled by the local administration.

Moreover, political leaders of the country try to limit access to any alternative sources of information. Channels of national television are being used only as an instrument of propaganda. Meanwhile, while analyzing Georgian and Russian mass-media we can see two absolutely different images of Georgian people. I have appealed to this topic hopefully to find out, how much has the Georgian people changed under the influence of political process which takes place in Georgia? In this article I tried to display all the basics of what was the beginning and where we are now.

Keywords: propaganda, Saakashvili regime, media space, nation.

T.I. Khorkhordina
FROM CONFLICT GEOPOLITICS
TO CONSENSUS GEOPOLITICS

The article is devoted to the analysis of traditional geopolitical concepts crisis in the modern conditions. The author represents a frame of reference of geopolitics classics from F. Rattselj and K. Haushofer to Z. Bzhezinskiy and S. Hantington, as a basis of the policy focused on working out of ways to gain domination in regional and world scales. Special attention is given to a substantiation of necessity of working out of essentially new theory of geopolitics. This new theory should proceed the ideas of P.A. Sorokin and D.S. Lihacheva humanitarian welfare concepts.

Keywords: geopolitics, national idea, foreign policy of the USA, Culture of the World, UNESCO, Siberia.

V.B. Kior
STATE NATIONAL POLICY OF IMPERIAL RUSSIA

The article attempts to analyze the national policy of the Czarist administration regarding territories that at various times became parts of the Russian Empire. That policy was characterized by both general principles (establishing military administration, administer the oath to the Emperor, tax administration) and the desires to take into account the specific features of the indigenous culture, everyday life, religious beliefs. The indigenous elites were being actively involved in governing the territories, and they were granted additional privileges. This policy gave the Czarist administration the possibility to preserve ethnic stability in the country over many centuries.

Keywords: national policy, the Russian Empire, models of management, multinational state, assimilation, Russification.

S.N. Lukhmanova
INTERNATIONAL SYSTEM
OF THE INTELLECTUAL PROPERTY
RIGHTS PROTECTION

This article is devoted to the intellectual property international regulatory acts and the aspects of its systematization.

Keywords: intellectual property, international treaties and acts, international law system.

G.P. Melnikov

THE CONFLICT IN SOUTH OSETIYA
AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY

The article analyses the reasons for unleashing by Saakashvili regime a cruel war against the people of South Osetiya. The role of the USA and their NATO partners in unleashing the conflict was studied as well as the role of Russia in forcing Georgia to peace. Contradictions that exist in the political circles of the West concerning the necessity of cooperation with Russia were considered.

Keywords: conflict, aggression, forcing to peace, humanitarian catastrophe.

A.V. Meltsov

STATUS OF ARCTIC: POLITICAL
AND LEGAL DIMENSIONS

The article covers problem concerning the definition of the status of the arctic region. Due to its important strategic and economic prospects, there are many delimitation conflicts in the region. Author claims, that Arctic will be the most discussed issue and most desired territory in the future. The future role of Russia, its might and success depends on the steps, its taking in the question of development of Arctic.

Keywords: Arctic, status, "Polar sectors" concept, International Maritime Law, "Maritime Doctrine of Russian Federation till 2020".

V.V. Minaev

INTERNATIONAL REGULATION
IN THE FIELD OF ILLEGAL MIGRATION

The article focuses on the acute problem of modern society the problem of legal regulation of migration. Nowadays there are taken new steps towards development and implementation of legislative and subordinate acts. The main purpose of these acts is to determine conditions that can either propel or limit migration, and what is more, determine migration flows and their intensity according to the needs of society, state, region and world. Legal regulation of migration can be performed either by domestic or international law.

Keywords: migration, refugees, Universal Declaration of Human Rights, Constitution of Russian Federation.

E.V. Miryasheva

HISTORICAL AND LEGAL BACKGROUND
OF CONCEPT OF FREEDOM AND STATE AT
THE TURN OF 17–19th CENTURIES IN EUROPE
AND THE USA

The article considers the concept of “state” and its fundamental features, analyzed in treatises of European authors in the 17–19th centuries: Bossue, Michel, Voltaire, Golbaha, Juma, Volf, and also in the first American official documents. The second part of the article is dedicated to the concepts of freedom and “absolute law”.

Keywords: administrative monarchy, theory of “legal despotism”, absolute law, “police state”, theory of the educated despotism, Agreement of the People (1647), Mayflower agreement.

A.V. Mitrofanova

INTERNATIONAL SLAVIC MOVEMENTS
AND THE INTERESTS OF RUSSIA

The article is devoted to the international Slavic movement. Author analyses contemporary panslavist’s approaches toward Orthodoxy and concludes that national identity prevails the religious one. The article claims that the central problem of modern Pan-Slavism as its predecessor in the 19th century is unwillingness to admit the fact that united Slavic civilization is only an idea. Author argues the importance of Serbia and Belorussia for the Slavic political mythology and gives a synopsis of the modern Slavic movements. The article covers a possibility of a successful co-operation between Russia and Slavic movements.

Keywords: Pan-Slavism, international Slavic movement, Slavic Congress.

M.V. Oparina

LEGAL REGULATION OF THE USE
OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS

The article deals with contradictions concerning power of law and use of force, and in particular, the problem of the “rightful use” of force in contemporary international relations. Author makes a critical analysis of sources of international law regulating the use of force during the armed-conflicts and case studies.

Keywords: international relations, law, aggression, world piece, the UN Charter, International Court of Justice, use of force, security, armed forces, al-Qaeda.

V.E. Safonov

WHY POLITICAL PARTIES ARE NEEDED IN CONTEMPORARY RUSSIA?

The article considers an essential element of the Civil Society a political party. It was important to define the term, to observe the whole process of its development and influence of the modern challenges on it. Another question to consider was a problem of existence of political parties in Russia, therefore a contemporary political situation was analyzed.

Keywords: political party, one-party system, proportional electoral system, protoparty, political class, civil society, democratic state.

A.A. Serbina

THE PROBLEM OF DEFINING THE STATUS OF UNRECOGNIZED STATES

Author focuses on the specific group of actors of international relations – unrecognized states. It is necessary to find out clues to solve problems connected with the definition of their status, international regulation of any relations between them and other states and their role in separatist movements. Speaking about unrecognized states it is vital to provide clear and precise definitions of the fundamental features of a traditional state.

Keywords: unrecognized state, subject of law, subject of the international law, international legal, sovereignty, actor of international relations.

N.B. Timchuk

NONLEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL FACTORING

The main purpose of the domestic economic law is to provide society with specific regulations to enable development of the economic system of the particular state. The article deals with the problems of the domestic law to provide efficient regulation of the international factoring due to the lack of legal instruments. Author argues that *lex mercatoria* could be used instead of implementing inefficient measures.

Keywords: international factoring, *lex mercatoria*, UNIDRUA, GRIF, nonlegal regulation.

A.V. Veretevskaya

MORAL MONISM vs. MORAL PLURALISM
IN WESTERN PHILOSOPHICAL
AND POLITICAL THOUGHT

The article analyzes two types of worldview underlying modern political orientations of West-European society: moral monism (a worldview that presupposes that there is one and the same good for all and consequently one and the same way of life all people should follow to attain the good) and moral pluralism (a worldview that puts forward the idea of a possibility of multiple goods and multiple ways of life). The author seeks to understand which worldview has been more influential in terms of forging West-European mentality.

Keywords: moral monism, pluralism, tolerance, way of life, dogmatism, West-European thought, mentality.

V.M. Zhukovskiy, L.M. Zhukovskaya

LEGAL PROBLEMS OF SAFETY OF NAVIGATION
AND UNIFICATION OF INTERNATIONAL STANDARDS

Safety navigation is one of the most important problems in realization of the worldwide trade. World community undertakes steps directed on unification of international standards, implementation of the International Law regulations and improving the quality of maritime technical facilities to perform a well-ordered international trade. The article focuses on questions connected with the safety of navigation, international treaties, referring to this theme, piracy as well as measures against of the illegal vessel penetration according to the international and national laws.

Keywords: security, SOLAS-74, maritime navigation, ISPS Code, piracy, terrorism.

Сведения об авторах

Абрамов Леонид Григорьевич – кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: a_l_g54@mail.ru.

Аветисян Левон Аветисович – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Алешин Владимир Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Анисимов Владимир Петрович – кандидат технических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: anisimow@mail.ru.

Арсенян Арташес Завенович – доктор юридических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Бурганов Агдас Хусаинович – доктор исторических наук, почетный член Академии наук Татарстана, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, награжден орденом Отечественной войны II степени и 15 медалями. E-mail: Agdas1@mail.ru.

Веретевская Анна Вячеславовна – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России. E-mail: gvodolazov@yandex.ru.

Елфимов Максим Александрович – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: maxelfimov@list.ru. Тел.: 89104204675.

Ефремова Нелля Андреевна – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Академия права и управления (институт)», кандидат юридических наук, профессор, член Российской ассоциации международного права, про-

фессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: natali_4509@bk.ru.

Жуковская Людмила Михайловна – кандидат юридических наук.
E-mail: Temza@mail.ru.

Жуковский Виктор Михайлович – кандидат юридических наук.
E-mail: Tanto@mail.ru.

Иванов Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: vivanov005@mail.ru.

Иванова Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: eni64@mail.ru.

Канделаки Тинатин Гивиевна – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ.
E-mail: GKisand@yandex.ru – Галина Кисанд.
Тел.: 89162010690.

Киор Виктор Борисович – кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Лухманова Светлана Николаевна – аспирант кафедры частного права РГГУ. E-mail: 5veta@mail.ru.

Мельников Геннадий Петрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры мировой политики и международных отношений. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.
Тел.: 8 495 608 48 90.

Мельцов Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, член Российской ассоциации международного права, руководитель образовательной программы «Туризм» ИЭУП РГГУ. E-mail: meltsov_alexey@mail.ru.

Минаев Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: mirpolit@mail.ru.

Миряшева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: sansara81@mail.ru. Тел.: 8 926 270 69 17.

Митрофанова Анастасия Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: anastasia-mit@yandex.ru.

Опарина Марина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ, руководитель образовательной программы «Международные отношения» ИЭУП РГГУ, член Российской ассоциации международного права. E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Сафонов Владимир Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории государства и права РАП. E-mail: vesaf@mail.ru.

Сербина Александра Александровна – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Тымчук Наталья Борисовна – старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ. E-mail: natali_4509@bk.ru.

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, руководитель общеуниверситетского Учебно-научного Центра изучения культуры народов Сибири РГГУ. E-mail: centersib-rggu@mail.ru.

General data about the authors

Abramov Leonid Grigirievich – PhD in Economics, Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: a_l_g54@mail.ru.

Alyoshin Vladimir Vasilyevich – Degree of a Doctor of Law, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Anisimov Vladimir Petrovich – PhD in Technical Sciences, Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: anisimow@mail.ru.

Arsenyan Artashes Zavenovich – Degree of a Doctor of Law, Full Professor at the RSUH. E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Avetisyan Levon Avetisovich – post-graduate student at the RSUH Department of Law. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Burganov Agdas Khusainovich – Degree of a Doctor of Historical Sciences, honorable member of Tatarstan Academy of Sciences, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, awarded the Order of the Great Patriotic War 2nd degree and 15 medals.

Efremova Nellya Andreevna – Head of the Department of the Civil Law at the “Law and Management Academy (Institute)”, PhD in Law, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, member of the Russian Association of the International Law, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: natali_4509@bk.ru.

Elfimov Maxim Alexandrovich – post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: maxelfimov@list.ru.

Ivanov Vladimir Ivanovich – PhD in Law, Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: vivanov005@mail.ru.

Ivanova Elena Nikolaevna – PhD in Law, Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: eni64@mail.ru.

Kandelaki Tinatin Givievna – post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: GKisand@yandex.ru

Khorkhordina Tatyana Innokentyevna – Degree of a Doctor of Historical Sciences, Full Professor of the RSUH Department of History and Archive Management, Head of RSUH Academic Centre Siberia Research. E-mail: centersib-rggu@mail.ru.

Kior Viktor Borisovich – PhD in History, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Lukhmanova Svetlana Nikolaevna – post-graduate student at the RSUH Department of the Private Law. E-mail: 5veta@mail.ru.

Melnikov Gennadiy Petrovich – Degree of a Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Meltsov Alexey Viktorovich – PhD in Law, member of the Russian Association of the International Law, Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, Head of the RSUH Program of Tourism at the Department of Economics, Management and Law. E-mail: meltsov_alexey@mail.ru.

Minaev Valery Vladimirovich – Degree of a Doctor of Economics, First Vice-Rector of the RSUH, Full Professor and a Head of the RSUH Department of World Politics and International Relations.

Miryasheva Ekaterina Vladimirovna – PhD in Law Sciences, Senior Lecturer at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: sansara81@mail.ru. Tel.: 8 926 270 69 17.

Mitrofanova Anastasia Vladimirovna – Degree of a Doctor of Political Sciences, Full Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations.
E-mail: anastasia-mit@yandex.ru.

Oparina Marina Vladimirovna – PhD in Law Sciences, Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, Deputy head of the RSUH Department of World Politics and International Relations, Head of the RSUH Program of International Relations, member of the Russian Association of the International Law.
E-mail: oparina.MV@mail.ru.

Safonov Vladimir Evgenyevich – Degree of a Doctor of Law Science, Full Professor and Head of the Russian Academy of Law Department for the History of the State and Law.
E-mail: vesaf@mail.ru.

Serbina Aleksandra Aleksandrovna – post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations. E-mail: alex_serbina@yahoo.com.

Timchuk Natalya Borisovna – Senior Lecturer at the RSUH Department of World Politics and International Relations.
E-mail: natali_4509@bk.ru.

Veretevskaya Anna Vyacheslavovna – post-graduate student at the Moscow State Institute of International Relations (University) Department of Comparative Politics.
E-mail: gvodolazov@yandex.ru.

Zhukovskaya Ludmila Mikhaylovna – PhD in Law.
E-mail: Temza@mail.ru.

Zhukovskiy Viktor Mikhaylovich – PhD in Law. E-mail: Tanto@mail.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Корректор *Т.М. Козлова*

Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 11. 03.2010.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 18,3. Усл. печ. л. 17,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 15.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru